

1837—1937

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДЕВЯТИ ТОМАХ

ПОД
ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Ю. Г. ОКСМАНА И
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ТОМ
VI

ACADEMIA
1 9 3 5

ПУШКИН В БОЛДИНЕ
Гравюра П. И. Пискарева

А. С. ПУШКИН

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

**ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ
Д. П. ЯКУБОВИЧА**

**АКАДЕМИА
1935**

Марка и переплет
Н. И. Пискарева

Б О Р И С Г О Д У Н О В

Драгоценной для россиян
памяти

Николая Михайловича

КАРАМЗИНА

*сей труд, гением его вдохновенный,
с благоговением и благодарностию посвящает*

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Кремлевские палаты

(1598 года, 20 февраля.)

Князя Шуйский и Воротынский.

В о р о т ы н с к и й.

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста; во след за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Ш у й с к и й.

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоет, да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там—а там он будет нами править
Попрежнему.

В о р о т ы н с к и й.

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,

Он, кажется, покинул всё мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великого собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица
Как он тверда, как он неумолима.
Знать сам Борис сей дух в нее вселил;
Что ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?
Что скажешь ты?

Ш у й с к и й.

Скажу, что понапрасну
Лилась кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

В о р о т ы н с к и й.

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Ш у й с к и й.

А кто же?
Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был

Исследовать на месте это дело;
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

В о р о т ы н с к и й.

Зачем же ты его не уничтожил?

Ш у й с к и й.

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью нежданой;
Он мне в глаза смотрел, как будто правый:
Расспрашивал, в подробности входил—
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал.

В о р о т ы н с к и й.

Не чисто, князь.

Ш у й с к и й.

А что мне было делать?
Всё объявить Феодору? Но царь
На всё глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:
Пускай его б уверил я во всем;
Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,

В глухой тюрьме тихонько б задавили.
Не хвастаюсь, а в случае конечно
Никая казнь меня не устрасит;
Я сам не трус, но таюже не глупец
И в петлю лезть не соглашуся даром.

В о р о т ы н с к и й.

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Ш у й с к и й.

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

В о р о т ы н с к и й.

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Ш у й с к и й.

Да, кажется.

В о р о т ы н с к и й.

Ведь Шуйский, Воротынский...
Легко сказать, природные князья.

Ш у й с к и й.

Природные, и рюриковой крови.

В о р о т ы н с к и й.

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Ш у й с к и й.

Да, боле,

Чем Годунов.

В о р о т ы н с к и й.

Ведь в самом деле.

Ш у й с к и й.

Что ж?

Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

В о р о т ы н с к и й.

Не мало нас наследников Варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым:
Народ отвык в нас видеть древню отрасль
Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,

А он умел и страхом и любовью
И славою народ очаровать.

Ш у й с к и й (*глядит в окно*).

Он смел, вот всё—а мы... Но полно. Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад—
Пойдем скорей, узнаем, решено ли.

Красная площадь

Народ.

Один.

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.

Другой.

О боже мой, кто будет нами править?
О горе нам!

Третий.

Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решенье Думы.

Народ.

Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Шш, — слушайте!

Щелкалов (*с Красного крыльца*).

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.

Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигнется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сиркою Москвою
И на венец благословит Бориса—
Идите же вы с богом по домам,
Молитесь, да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.

(Народ расходится.)

**Девичье поле. Новодевичий
монастырь**

Народ.

О д и н.

Теперь они пошли к царице в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

Д р у г о й.

Что слышно?

Т р е т и й.

Всё еще

Упрямится; однако есть надежда.

Б а б а *с ребенком.*

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу! агу!.. не плачь!

О д и н.

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Д р у г о й.

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? Вся Москва

Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

П е р в ы й.

Право, любо!

О д и н.

Что там за шум?

Д р у г о й.

Послушай! что за шум?

Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд... еще... еще... Ну, брат,
Дошло до нас, скорее! на колени!

Н а р о д, *на коленях. Вой и плач.*

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

О д и н, *тихо.*

О чем там плачут?

Д р у г о й.

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Б а б а *с ребенком.*

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебе! вот бука!
Плачь, баловень!

(Бросает его об землю. Ребенок пищит.)

Ну, то-то же.

Один.

Все плачут,

Заплачем, брат, и мы.

Другой.

Я силюсь, брат,

Да не могу.

Первый.

Я также. Нет ли луку?

Потрем глаза.

Второй.

Нет, я слюней помажу.

Что там еще?

Первый.

Да кто их разберет?

Народ.

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

Кремлевские палаты

Борис, патриарх, бояре.

Б о р и с.

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам—
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре.
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Б о я р е.

Не изменим присяге, нами данной.

Б о р и с.

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России—
А там, сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.

(Уходит, за ним и бояре.)

В о р о т ы н с к и й, *останавливая Шуйского.*
Ты угадал.

Ш у й с к и й.

А что?

В о р о т ы н с к и й.

Да здесь, намедни,
Ты помнишь?

Ш у й с к и й.

Нет, не помню ничего.

В о р о т ы н с к и й.

Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил—

Ш у й с к и й.

Теперь не время помнить,
Советую порой и забывать.

А впрочем я злословием притворным
Тогда желал тебя лишь испытать,

Верней узнать твой тайный образ мыслей;
Но вот—народ приветствует царя—
Отсутствие мое заметить могут—
Иду за ним.

В о р о т ы н с к и й.

Лукавый царедворец.

Ночь. Келья в Чудовом монастыре

(1603 года.)

Отец Пимен, Григорий спящий.

П и м е н *(пишет перед лампадой)*.

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд, усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —

Давно ль оно несло событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходит до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близок день, лампада догорает—
Еще одно, последнее сказанье. (*Пишет.*)

Г р и г о р и й, *пробуждается.*

Всё тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!.. А всё перед лампадой
Старик сидит, да пишет—и дремотой
Знать во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет, и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет:
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском вече?
О славе ли отечества? напрасно:
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Всё тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседельный,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

П и м е н.

Проснулся, брат.

Г р и г о р и й.

Благослови меня,
Честный отец.

П и м е н.

Благослови, господь,
Тебя и днесь и присно и во веки.

Г р и г о р и й.

Ты всё писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил:
Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом;
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

П и м е н.

Младая кровь играет;
Смирй себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доныне — если я,

Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи —
Мой старый сон не тих и не безгрешен;
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Г р и г о р и й.

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет,
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

П и м е н.

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь господь меня привел.

Подумай, сын, ты о царях великих:
Кто выше их? Единый бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златой венец тяжел им становился:
Они его меняли на клубок.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумном богомольным.
Я видел здесь—вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный;
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумну и всей братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все—обет примите мой духовный:
Прииду к вам преступник окаянный
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши».
Так говорил державный государь,

И сладко речь из уст его лилася—
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он вздыхал о мирном житии
Молчальника. Он царские чертоги
Преобразил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась—а в час его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
К его одру, царю едино зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом,
И все кругом объяты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его как солнце просиял—
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Г р и г о р и й.

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

П и м е н.

Ох, помню!

Привел меня бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был услан послушанье;
Пришел я в ночь. На утро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж—а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаяньи рыдает,
А тут народ остервенясь волочит
Безбожную предательницу-мамку...
Вдруг между них, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда-Битяговский.
«Вот, вот злодей!» раздался общий вопль,
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо—вдруг мертвец затрепетал.
«Покайтесь!» народ им завопил:

И в ужасе под топором злодеи
Покаялись—и назвали Бориса.

Г р и г о р и й.

Каких был лет царевич убиенный?

П и м е н.

Да лет семи; ему бы ныне было —
(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет)—он был бы твой ровесник
И царствовал; но бог судил иное.

Сей повестью плачевной заключу
Я летопись свою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны—
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий.

(Уходит.)

Г р и г о р и й.

Борис, Борис! всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить

О жребии несчастного младенца—
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда.

Палаты патриарха

Патриарх, игумен Чудова монастыря.

П а т р и а р х.

И он убежал, отец игумен?

И г у м е н.

Убежал, святой владыко. Вот уж тому третий день.

П а т р и а р х.

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

И г у м е н.

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей; смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии; а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но знать грамота далася ему не от господа бога...

П а т р и а р х.

Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! *буду царем на Москве!* ах, он сосуд диавольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову, али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! *буду царем на Москве!*.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен?

И г у м е н.

Ересь, святой владыко, сущая ересь.

Царские палаты

Два стольника.

Первый.

Где государь?

Второй.

В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.

Первый.

Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Всё ворожит, что красная невеста.
Желал бы знать, о чем гадают он?

Второй.

Вот он идет. Угодно ли спросить?

Первый.

Как он угрюм!

(Уходят.)

Ц а р ь, *входит.*

Достиг^я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж охладев, скучаем и томимся?..
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной—
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать—
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умеют только мертвых.—
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы;
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища:
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.

В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком—
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... всё я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда—беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком, стучит в ушах упрек,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть не чиста.

Корчма на Литовской границе

Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы;
Григорий Отрепьев—мирянином;
хозяйка.

Х о з я й к а.

Чем-то мне вас подчивать, старцы честные?

В а р л а а м.

Чем бог пошлет, хозяйюшка. Нет ли вина?

Х о з я й к а.

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.

(Уходит.)

М и с а и л.

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница Литовская, до которой так хотелось тебе добраться.

Г р и г о р и й.

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

В а р л а а м.

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил, да я грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино... да вот и оно!..

М и с а и л.

Складно сказано, отец Варлаам.

Х о з я й к а, *входит.*

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

М и с а и л.

Спасибо, родная, бог тебя благослови.

*(Монахи пьют; Варлаам затягивает песню:
«Как во городе было во Казани...»)*

В а р л а а м, *Григорию.*

Что же ты не подтягивашь, да и не потягивашь?

Г р и г о р и й.

Не хочу.

М и с а и л.

Вольному воля...

В а р л а а м.

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку...

«Посмотри-тка ты, любя, на меня».

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить как мы, милости просим—нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Г р и г о р и й.

Пей, да про себя разумей, отец Варлаам!.. Видишь, и я порой складно говорить умею.

В а р л а а м.

А что мне про себя разуметь?

М и с а и л.

Оставь его, отец Варлаам.

В а р л а а м.

Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда—да еще и спесивится; может быть кобылу нюхал...

(Пьет и поет «Молодой чернец постригся».)

Г р и г о р и й, хозяйке.

Куда ведет эта дорога?

Х о з я й к а.

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Г р и г о р и й.

А далече ли до Луёвых гор?

Х о з я й к а.

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские, да сторожевые приставы.

Г р и г о р и й.

Как заставы! что это значит?

Х о з я й к а.

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать, да осматривать.

Г р и г о р и й, *про себя.*

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

В а р л а а м.

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

М и с а и л.

Складно сказано, отец Варлаам...

Г р и г о р и й.

Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Х о з я й к а.

А господь его ведает, вор ли, разбойник — только здесь и добрым людям нынче прохода нет — а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякой мальчишка доведет до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих, да обируют нас бедных. *(Слышен шум.)* Что там еще? Ах, вот они, проклятые! дозором идут.

Г р и г о р и й.

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Х о з я й к а.

Нету, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина и хлеба, и неведомо чего — чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им...

(Входят приставы.)

П р и с т а в.

Здорово, хозяйка!

Х о з я й к а .

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

О д и н п р и с т а в , *другому.*

Ба! да здесь попойка идет; будет чем поживиться. (*Монахам.*) Вы что за люди?

В а р л а а м .

Мы божии старцы, иноки смиренные, ходим по селениям, да собираем милостыню христианскую на монастырь.

П р и с т а в , *Григорию.*

А ты?

М и с а и л .

Наш товарищ...

Г р и г о р и й .

Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа, отселе иду во свояси.

М и с а и л .

Так ты раздумал...

Г р и г о р и й , *тихо.*

Молчи.

П р и с т а в.

Хозяйка, выставь-ко еще вина—а мы здесь со старцами поьем, да побеседуем.

Д р у г о й п р и с т а в, *тихо*.

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; за то старцы...

П е р в ы й.

Молчи, сейчас до них доберемся.—Что, отцы мои? какво промышляете?

В а р л а а м.

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства, думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда да и только.—Ох, плохо, знать пришли наши последние времена...

Х о з я й к а, *плачет*.

Господь помилуй и спаси!

(В продолжение Варлаамовой речи, первый пристав значительно всматривается в Мисаила.)

Первый пристав.
Алёха! при тебе ли царский указ?

Второй.

При мне.

Первый.

Поддай-ко сюда.

Мисаил.

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый пристав.

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слышал ли ты это?

Мисаил.

Не слышал.

Пристав.

Не слышал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Мисаил.

Не знаю.

Пристав, *Варлааму*

Умеешь ли ты читать?

В а р л а а м.
Смолоду знал, да разучился.

П р и с т а в, *Мисаилу*.
А ты?

М и с а и л.
Не умудрил господь.

П р и с т а в.
Так вот тебе царский указ.

М и с а и л.
На что мне его?

П р и с т а в.
Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник—ты.

М и с а и л.
Я? помилуй! что ты!

П р и с т а в.
Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Х о з я й к а.
Ах, они окаянные мучители! И старца-то в покое не оставят!

П р и с т а в.

Кто здесь грамотный?

Г р и г о р и й, *выступает вперед.*

Я грамотный.

П р и с т а в.

Вот на!.. А у кого же ты научился?

Г р и г о р и й.

У нашего пономаря.

П р и с т а в, *дает ему указ.*

Читай же вслух.

Г р и г о р и й, *читает.*

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе Литовской...»

П р и с т а в, *Мисаилу.*

Как же не ты?

Г р и г о р и й.

«И царь повелел изловить его...»

П р и с т а в.

И повесить!

Г р и г о р и й.

Тут не сказано *повесить*.

П р и с т а в.

Врешь: не всяко слово в строку пишется.
Читай: изловить и повесить.

Г р и г о р и й.

«И повесить. А лет ему вору Гришке от роду...
(*смотря на Варлаама*) за 50, а росту он сред-
него, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо
толстое...»

(*Все глядят на Варлаама.*)

П е р в ы й п р и с т а в.

Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его!
Вот уж не думал, не гадал.

В а р л а а м, *вырывая бумагу.*

Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка?
как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет,
брат! молод еще надо мной шутки шутить.
Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж
разберу, как дело до петли доходит. (*Читает
по складам.*) «А лет е-му от ро-ду... 20».—Что,
брат? где тут 50? видишь 20.

Второй пристав.

Да, помнится, 20. Так и нам было сказано.

Первый пристав, Григорию.

Да ты, брат, видно, забавник.

(Во время чтения Григорий стоит потупя голову, с рукою за пазухой.)

Варлаам, продолжает.

«А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Да это, друг, уж не ты ли?

(Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.)

Приставы.

Держи! держи!

(Все бегут в беспорядке.)

Москва, дом Шуйского

Шуйский, множество гостей. Ужин.

Ш у й с к и й.

Вина еще.

(Встает, за ним и все.)

Ну, гости дорогие,
Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

М а л ь ч и к.

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению вземли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом,
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря,
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной—а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,

И милостив, и долготерпелив,
Да мудрости его неистоимой
Проистекут источники на нас;
И, царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.

Ш у й с к и й, *пьет.*

Да здравствует великий государь!
Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлеб-солью
Не презрели. Простите, добрый сон.
(*Гости уходят, он провожает их до дверей.*)

П у ш к и н.

Насилу убрались; ну, князь Василий Иванович, я уж думал, что нам не удастся и переговорить.

Ш у й с к и й, *слугам.*

Вы что рот разинули? Всё бы вам господ подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте вон.—
Что такое, Афанасий Михайлович?

П у ш к и н.

Чудеса, да и только.
Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне
Из Кракова гонца прислал сегодня.

Ш у й с к и й.

Ну.

Пушкин.

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного... постой.

(Идет к дверям и осматривает.)

Державный отрок,
По манию Бориса убиенный...

Шуйский.

Да это уж не ново.

Пушкин.

Погоди:

Димитрий жив.

Шуйский.

Вот на! какая весть!

Царевич жив! ну подлинно чудесно.
И только-то?

Пушкин.

Послушай до конца.

Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец,
Но только там Димитрий появился.

Шуйский.

Не может быть.

П у ш к и н.

Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И сквозь ряды литовских панов прямо
Шел в тайную палату короля.

Ш у й с к и й.

Кто ж он такой? Откуда он?

П у ш к и н.

Не знают.

Известно то, что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведая тайну,
Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмунду.

Ш у й с к и й.

Что ж говорят об этом удалце?

П у ш к и н.

Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает,
И говорят, помогу обещал.

Ш у й с к и й.

Всё это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдет невольню.

Сомнения нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.

Пушкин.

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержать венец на умной голове.
И поделом ему: он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребаёт углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук, иль кандалы,
А там—в глуши голодна смерть, иль петля,
Знатнейшие меж нами роды—где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнаньи.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.
Легко ль, скажи: мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами.
Всё языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.

Вот—Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместьях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! Не то, в Приказ Холопей.
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Ш у й с к и й.

Прав ты, Пушкин.
Но знаешь ли? Об этом обо всем
Мы помолчим до времени.

П у ш к и н.

Вестимо,
Знай про себя. Ты человек разумный;
Всегда с тобой беседовать я рад,
И если что меня подчас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мед, да бархатное пиво
Сегодня так язык мне развязали...
Прощай же, князь.

Ш у й с к и й.

Прощай, брат, до свиданья.
(Провожает Пушкина.)

Царские палаты

Царевич чертит географическую карту. Царевна.
Мамка царевны.

К с е н и я, *целует портрет.*

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте, а темной могилке, на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

М а м к а.

И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

К с е н и я.

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.
(*Входит Борис.*)

Ц а р ь.

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Всё плачешь ты о мертвом женихе.

Дитя мое! судьба мне не судила
Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастье твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь?
А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Ф е о д о р .

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

Ц а р ь .

А это что такое
Узором здесь виется?

Ф е о д о р .

Это Волга.

Ц а р ь .

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Всё царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни —
Когда-нибудь, и скоро может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,

Все под руку достанутся твою—
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.

(Входит Семен Годунов.)

Вот Годунов идет ко мне с докладом.
(Ксении.) Душа моя, поди в свою светлицу;
Прости, мой друг. Утешь тебя господь.

(Ксения с мамкою уходят.)

Что скажешь мне, Семен Никитич?

Семен Годунов.

Нынче

Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья
И Пушкина слуга пришли с доносом.

Царь.

Ну.

Семен Годунов.

Пушкина слуга донес сперва,
Что поутру вчера к ним в дом приехал
Из Кракова гонец—и через час
Без грамоты отослан был обратно.

Царь.

Гонца схватить.

Семен Годунов.

Уж послано в догоню.

Ц а р ь.

О Шуйском что?

С е м е н Г о д у н о в.

Вечор он угощал
Своих друзей, обоих Милославских,
Бутурлиных, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина—да несколько других;
А разошлись уж поздно. Только Пушкин
Наедине с хозяином остался
И долго с ним беседовал еще.

Ц а р ь.

Сейчас послать за Шуйским.

С е м е н Г о д у н о в.

Государь!

Он здесь уже.

Ц а р ь.

Позвать его сюда.

(Годунов уходит.)

Ц а р ь.

Сношения с Литвою! это что?..
Противен мне род Пушкиных мятежный,
А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый...

(Входит Шуйский.)

Мне нужно, князь, с тобою говорить.
Но, кажется, ты сам пришел за делом:
И выслушать хочу тебя сперва.

Ш у й с к и й.

Так, государь: мой долг тебе поведать
Весть важную.

Ц а р ь.

Я слушаю тебя.

Ш у й с к и й, *тихо, указывая на Феодора.*
Но, государь...

Ц а р ь.

Царевич может знать,
Что ведает князь Шуйский. Говори.

Ш у й с к и й.

Царь, из Литвы пришла к нам весть...

Ц а р ь.

Не та ли,
Что Пушкину привез вечер гонец.

Ш у й с к и й.

Всё знает он!.. Я думал, государь,
Что ты еще не ведаешь сей тайны.

Ц а р ь.

Нет нужды, князь: хочу сообразить
Известия; иначе не узнаем
Мы истины.

Ш у й с к и й.

Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец
И что король и паны за него.

Ц а р ь.

Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Ш у й с к и й.

Не ведаю.

Ц а р ь.

Но... чем опасен он?

Ш у й с к и й.

Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов.
Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.

Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.

Ц а р ь.

Димитрия!.. как? этого младенца!
Димитрия!.. Царевич, удались.

Ш у й с к и й.

Он покраснел: быть буре!..

Ф е о д о р.

Государь,

Дозволишь ли...

Ц а р ь.

Нельзя, мой сын, поди.

(Феодор уходит.)

Димитрия!..

Ш у й с к и й.

Он ничего не знал.

Ц а р ь.

Послушай, князь: взять меры сей же час:
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа

Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.

Ш у й с к и й.

Иду.

Ц а р ь.

Постой. Не правда ль, эта весть
Затейлива? Слышал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим патриархом?
Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?

Ш у й с к и й.

Я, государь?..

Ц а р ь.

Послушай, князь Василий:

Как я узнал, что отрока сего...
Что отрок сей лишился как-то жизни,
Ты послан был на следствие: теперь
Тебя крестом и богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмена? Отвечай.

Ш у й с к и й.

Клянусь тебе...

Ц а р ь.

Нет, Шуйский, не клянись,
Но отвечай: то был царевич?

Ш у й с к и й.

Он.

Ц а р ь.

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнет злая казнь,
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнется.

Ш у й с к и й.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость.
Перед тобой дерзну ли я лукавить?
И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Димитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг него тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.

Нет, государь, сомненья нет: Димитрий
Во гробе спит.

Ц а р ь, *спокойно.*

Довольно, удались.

(Шуйский уходит.)

Ух, тяжело!.. дай дух переведу — —
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась — и тяжко опускалась...
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Всё снилось убитое дитя!
Да, да — вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня? Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвет с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуи — и нет его.
Так решено: не окажу я страха —
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

Краков. Дрч Вишневецкого

Самозванец и Pater* Черниковский.

С а м о з в а н е ц.

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра.

Р а т е р.

Вспомоществуй тебе святой Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствоваться пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит бог.

* (Отец, священник.)

С а м о з в а н е ц.

Амен. Кто там?

(Входит слуга.)

Сказать: мы принимаем.

(Отворяются двери; входит толпа русских и поляков.)

Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братские знамена
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны.
Но между вас я вижу новы лица.

Г а в р и л а П у ш к и н.

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

С а м о з в а н е ц.

Рад вам, дети.

Ко мне, друзья.—Но кто, скажи мне, Пушкин,
Красавец сей?

Пушкин.
Князь Курбский.

Самозванец.

Имя громко!
(Курбскому). Ты родственник казанскому герою?

Курбский.
Я сын его.

Самозванец.
Он жив еще?

Курбский.
Нет, умер.

Самозванец.
Великий ум! муж битвы и совета!
Но с той поры, когда являлся он,
Своих обид ожесточенный мститель,
С литовцами под ветхий город Ольгин,
Молва об нем умолкла.

Курбский.
Мой отец
В Вольнии провел остаток жизни,
В поместьях, дарованных ему
Баторием. Уединен и тих,
В науках он искал себе отрады;
Но мирный труд его не утешал:

Он юности своей отчизну помнил,
И до конца по ней он тосковал.

С а м о з в а н е ц.

Несчастный вожды! как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его с отечеством мирится.
Вины отцов не должно вспоминать;
Мир гробу их! приближься, Курбский... Руку!
Не странно ли? сын Курбского ведет
На трон, кого? да — сына Иоанна!..
Всё за меня: и люди и судьба.
Ты кто такой?

П о л я к.

Собаньский, шляхтич вольный.

С а м о з в а н е ц.

Хвала и честь тебе, свободы чадо!
Вперед ему треть жалованья выдать.
Но эти кто? я узнаю на них
Земли родной одежду. Это наши.

Х р у щ о в, *бьет челом.*

Так, государь, отец наш. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь, — и за тебя готовы

Главами лечь, да будут наши трупы
На царский трон ступенями тебе.

С а м о з в а н е ц.

Мужайтесь, безвинные страдальцы—
Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там Борис расплатится во всем.
Ты кто?

К а р е л а.

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

С а м о з в а н е ц.

Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

П о э т *(приближается, кланяясь низко
и хватая Гришку за полу).*

Великий принц, светлейший королевич!

С а м о з в а н е ц.

Что хочешь ты?

П о э т, *подает ему бумагу.*

Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда.

С а м о з в а н е ц.

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской музы голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!
Приблизься, друг. В мое воспоминанье
Прими сей дар.

(Дает ему перстень.)

Когда со мной свершится
Судьбы завет, когда корону предков
Надену я,—надеюсь вновь услышать
Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.
Musa gloriam coronat, gloriaque Musam.*
И так, друзья, до завтра, до свиданья.

* (Муза венчает славу, и слава — Музу.)

В с е .

В поход, в поход! Да здравствует Димитрий,
Да здравствует великий князь московский!

Замок воеводы Мнишка в Самборе

(Ряд освещенных комнат. Музыка.)

Вишневецкий, Мнишек.

Мнишек.

Он говорит с одной моей Мариной,
Мариною одною занят он...
А дело-то на свадьбу страх похоже;
Ну—думал ты, признайся, Вишневецкий,
Что дочь моя царицей будет? а?

Вишневецкий.

Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,
Что мой слуга взойдет на трон московской?

Мнишек.

А какова, скажи, моя Марина!
Я только ей промолвил: ну, смотри!
Не упускай Димитрия!.. и вот
Всё кончено. Уж он в ее сетях.

*(Музыка играет Польской. Самозванец идет
с Мариною в первой паре.)*

М а р и н а, тихо Димитрию.
Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
В аллее лип, я завтра у фонтана.
(*Расходятся. Другая пара.*)

К а в а л е р.
Что в ней нашел Димитрий?

Д а м а.
Как! она
Красавица.

К а в а л е р.
Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста без жизни, без улыбки...
(*Новая пара.*)

Д а м а.
Он не красив, но вид его приятен,
И царская порода в нем видна.
(*Новая пара.*)

Д а м а.
Когда ж поход?

К а в а л е р.
Когда велит царевич.
Готовы мы; но видно, панна Мнишек
С Димитрием задержит нас в плену.

Д а м а.

Приятный плен.

К а в а л е р.

Конечно, если вы...

(Расходятся. Комнаты пустеют.)

М н и ш е к.

Мы, старики, уж нынче не танцуем.
Мазурки гром не подзывает нас,
Прелестных рук не жмем и не целуем —
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей — не так смела,
И красота не так уж весела —
Признайся, друг: всё как-то приуныло.
Оставим их; пойдем, товарищ мой,
Венгерского, обросшую травой,
Велим открыть бутылку вековую,
Да в уголку потянем-ко вдвоем
Душистый ток, струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.

В и ш н е в е ц к и й.

И дело, друг, пойдем.

Ночь. Сад. Фонтан

С а м о з в а н е ц, *входит.*

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертью душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались—я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет—это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал всё то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей—
Но час настал—и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображенье...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

М а р и н а, *входит.*

Царевич!

С а м о з в а н е ц.

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

М а р и н а.

Димитрий! Вы?

С а м о з в а н е ц.

Волшебный, сладкий голос!
(*Идет к ней.*) Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

М а р и н а.

Часы бегут, и дорого мне время—
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то в праве
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья;

Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь — не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

С а м о з в а н е ц.

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь пред собой
Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взором.
О, выслушай моления любви,
Дай высказать всё то, чем сердце полно.

М а р и н а.

Не время, князь. Ты медлишь — и меж тем
Приверженность твоих клеветов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,
Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры...

С а м о з в а н е ц.

Что Годунов? Во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?

Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь... что без нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной—ты,
Ты заменишь мне царскую корону;
Твоя любовь...

М а р и н а.

Стыдись! не забывай
Высокого, святого назначения:
Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
Не юноше кипящему, безумно
Плененному моею красотой,
Знай, отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

С а м о з в а н е ц.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвишь—
Как! ежели... о страшное сомненье!
Скажи: когда б не царское рожденье
Назначила слепая мне судьба,
Когда б я был не Иоаннов сын,

Не сей, давно забытый миром отрок,
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

М а р и н а.

Димитрий ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

С а м о з в а н е ц.

Нет! полно:

Я не хочу делиться с мертвецом
Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворствовать! скажу
Всю истину; так знай же: твой Димитрий
Давно погиб, зарыт — и не воскреснет;
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь; скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею сучая,
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я; готовил миру чудо —
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

М а р и н а.

О стыд! о горе мне!

(Молчание.)

С а м о з в а н е ц, тихо.

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? *(Вслух.)* Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Реши: я жду *(бросается на колени)*.

М а р и н а.

Встань, бедный самозванец.
Не мнишь ли ты коленопреклоненьем,
Как девочки доверчивой и слабой,
Тщеславное мне сердце умирить?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха...

С а м о з в а н е ц, встает.

Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной...

М а р и н а.

Достойные позорной петли, дерзкий!

С а м о з в а н е ц .

Виновен я: гордыней обуянный,
Обманывал я бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Всё высказать.

М а р и н а .

Чем хвалится безумец!
Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж, по крайней мере, ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королем,

Или еще пред паном Вишневецким
Из верного усердия слуги.

С а м о з в а н е ц.

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

М а р и н а.

Клянешься ты! и так должна я верить.
О, верю я! но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? не именем ли бога,
Как набожный приемыш езуитов?
Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

Д и м и т р и й, *гордо*.

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла —
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться.

Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О, как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!
Теперь иду—погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как воин в битве честной,
Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не разделишь со мною;
Но—может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

М а р и н а.

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

С а м о з в а н е ц.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я, иль нет—что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница, поверь, молчать заставят.
Прощай.

М а р и н а.

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но—слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле.
Веди полки скорее на Москву;
Очисти Кремль, садись на трон московский—
Тогда за мной шли брачного посла;
Но—слышит бог—пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.

(Уходит.)

С а м о з в а н е ц.

Нет—легче мне сражаться с Годуновым,
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женщиной—чорт с ними; мочи нет:
И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея!.. Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: завтра двину рать.

Граница Литовская

(1604 года, 16 октября.)

Князь Курбский и Самозванец, оба верхами.
Полки приближаются к границе.

Курбский, прискакав первый.
от, вот она! вот русская граница!
вятая Русь, отечество! я твой!
[ужбины прах с презреньем отряхаю
моих одежд, пью жадно воздух новый:
и мне родной! теперь твоя душа,
мой отец, утешится, и в гробе
пальные возрадуются кости!
леснул опять наследственный наш меч,
ей славный меч, гроза Казани темной,
ей добрый меч, слуга царей московских!
своем пиру теперь он загуляет
а своего надежу-государя!..

Самозванец, едет тихо
с поникшей головой.

Как счастлив он! как чистая душа
нем радостью и славой разыгралась!
витязь мой! завидую тебе.

Сын Курбского, воспитанный в изгнании,
Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом искупив,
Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься; законного царя
Ты возвратить отечеству... Ты прав,
Душа твоя должна пылать весельем.

К у р б с к и й.

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

С а м о з в а н е ц.

Кровь русская, о Курбский, потечет!
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь; я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..
Но пусть мой грех падет не на меня,
А на тебя, Борис-цареубийца!
Вперед!

К у р б с к и й.

Вперед! и горе Годунову!

(Скачут. Полки переходят через границу.)

Царская дума

Царь, патриарх и бояре.

Ц а р ь.

Возможно ли? расстрига, беглый инок
На нас ведет злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поезжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов; помощь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте град и граждан.

Б а с м а н о в.

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетки. Богом
Тебе клянусь.

(Уходит с Трубецким.)

Ц а р ь.

Мне свейский государь
Через послов союз свой предложил;

Но не нужна нам чуждая помога;
Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.
Я отказал.

Щелкалов! разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коня садились и людей
По старине на службу высылали;
В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они: таков
Указ царя и приговор боярский.
Теперь вопрос мы важный разрешим:
Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;
На площадях мятежный бродит шопот,
Умы кипят... их нужно остудить;
Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты первый,
Святой отец, свою поведай мысль.

П а т р и а р х .

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья

В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдет заблужденье:
Оно пройдет и солнце правды вечной
Всех озарит.

Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос:
Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:
Но стоит лишь ее раздрать — и сам
Он наготой своею посрамится.

Сам бог на то нам средство посылает:
Знай, государь: тому прошло шесть лет,
В тот самый год, когда тебя господь
Благословил на царскую державу —
В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну:

«В младых летах, сказал он, я ослеп,
И с той поры не знал ни дня, ни ночи,
До старости: напрасно я лечился
И зелием и тайным нашептанием;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам;
Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны очи —
Не посылал господь мне исцеленья.

Вот наконец утратил я надежду,
И к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки. Раз
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостив—и я тебя прощу.
—Но кто же ты?—спросил я детский голос.
—Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец!
Иди, старик.—Проснулся я и думал:
Что ж? может быть и в самом деле, бог
Мне позднее дарует исцеленье.
Пойду—и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В святой собор, и слушаю обедню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия. И мальчик
Повел меня—и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И божий свет, и внука, и могилку».
Вот, государь, что мне поведал старец.

(Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз отирает лицо платком.)

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдальцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.

Вот мой совет: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет, яко прах.

(Молчание.)

Князь Шуйский.

Святой отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства
Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков;
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Сам вижу я: необходимо слух,

Рассеянный расстригой, уничтожить,
Но есть на то иные средства—проще.
Так, государь,—когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу.

Ц а р ь.

Да будет так! Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:
Сегодня мне нужна твоя беседа.

(Уходит. За ним и все бояре.)

О д и н б о я р и н, *тихо другому.*
Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?

Д р у г о й.

Я—признаюсь—не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться.

П е р в ы й.

А выручил князь Шуйский. Молодец!

Равнина близ Новгорода-Северского

(1604 года, 21 декабря.)

Битва.

В о и н ы, бегут в беспорядке.

Беда, беда! царевич! ляхи! вот они! вот они!
(Входят капитаны Маржерет и Вальтер Розен.)

М а р ж е р е т.

Куда, куда? Allons...* пошоль назад!

О д и н и з б е г л е ц о в.

Сам пошоль, коли есть охота, проклятый басурман.

М а р ж е р е т.

Quoi? quoi? **

Д р у г о й.

Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные.

* (Ну!)

** (Что? что?)

М а р ж е р е т .

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?.. Sacrés gueux, maudies canailles! Mordieu. Mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp.

В. Р о з е н .

Es ist Schand.

М а р ж е р е т .

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas— puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, Mein Herr?

В. Р о з е н .

Sie haben Recht.*

* (Маржерет.

Что это значит — православные?.. Рвань окаянная, проклятая сволочь! Чорт возьми, мейн герр (сударь), я прямо взбешен: можно подумать, что у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать.

В. Р о з е н .

Позор.

Маржерет.

Тысяча дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг—раз дело начато, надо его кончить, что вы скажете на это, мейн герр?

В. Р о з е н .

Вы правы.)

М а р ж е р е т.

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samoswanetz, comme il s'appelle, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez-vous, Mein Herr?

В. Р о з е н.

Oh, ja!

М а р ж е р е т.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff qui aurait fait une sortie.

В. Р о з е н.

Ich glaube das. *

(Входят немцы.)

**(Маржерет.*

Чорт, дело становится жарким! Этот дьявол—самозванец, как его называют, порос щетиной под хвостом. Как вы полагаете, мейн герр?

В. Розен.

О, да!

Маржерет.

Вот, глядите! глядите! Завязался бой в тылу неприятеля. Это наверное ударил молодец Басманов.

В. Розен.

Я так полагаю.)

М а р ж е р е т.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs!.. Mein Herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. Р о з е н.

Sehr gut. Halt.

(Немцы строятся.)

Marsch!

(Немцы идут.)

Hilf Gott! *

(Сражение. Русские снова бегут.)

Л я х и.

Победа! победа! Слава царю Димитрию!

Д и м и т р и й, *верхом.*

Ударить отбой! Мы победили. Довольно; щадите русскую кровь. Отбой!

(Трубят, бьют барабаны.)

* (Маржерет.

А вот и наши немцы. Господа!.. Мейн герр, велите же им построиться и, чорт возьми, нападём!

В. Р о з е н.

Отлично. Стой... Марш!.. С нами бог!)

Площадь перед собором в Москве

Народ.

О д и н.

Скоро ли царь выйдет из собора?

Д р у г о й.

Обедня кончилась; теперь идет молебен.

П е р в ы й.

Что? уж проклинали *того*?

Д р у г о й.

Я стоял на паперти и слышал, как дьякон завопил: Гришка Отрепьев — Анафема!

П е р в ы й.

Пускай себе проклинаят; царевичу дела нет до Отрепьева.

Д р у г о й.

А царевичу поют теперь вечную память.

Первый.

Вечную память живому! Вот ужо им будет безбожникам.

Третий.

Чу! шум. Не царь ли?

Четвертый.

Нет; это Юродивый.

(Входит Юродивый в железной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками.)

Мальчишки.

Николка, Николка—железный колпак!..

т р р р р р...

Старуха.

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного.—Помолись, Николка, за меня грешную.

Юродивый.

Дай, дай, дай копейчку.

Старуха.

Вот тебе копейчка; помяни же меня.

Юродивый, *садится на земь и поет.*

Месяц светит,
Котенок плачет,

Юродивый, вставай,
Богу помолися!
(Мальчишки окружают его снова.)

Один из них.

Здравствуй, Николка, что же ты шапки не снимаешь? *(Щелкает его по железной шапке.)*
Эк она звонит!

Юродивый.
А у меня копейка есть.

Мальчишка.
Неправда! ну, покажи.
(Вырывает копейку и убегает.)

Юродивый, плачет.
Взяли мою копейку, обижают Николку!

Народ.
Царь, царь идет.
(Царь выходит из собора. Боярин впереди раздаёт нищим милостыню. Бояре.)

Юродивый.
Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь.
Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Ю р о д и в ы й.

Николку маленькие дети обижают... Вели их
зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Б о я р е.

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Ц а р ь.

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

(Уходит.)

Ю р о д и в ы й, *ему вслед.*

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода—
богородица не велит.

Севек

Самозванец, окруженный своими.

С а м о з в а н е ц.

Где пленный?

Л я х.

Здесь.

С а м о з в а н е ц.

Позвать его ко мне.

(Входит русский пленник.)

С а м о з в а н е ц.

Кто ты?

П л е н н и к.

Рожнов, московский дворянин.

С а м о з в а н е ц.

Давно ли ты на службе?

П л е н н и к.

С месяц будет.

С а м о з в а н е ц.

Не совестно, Рожнов, что на меня
Ты поднял меч?

П л е н н и к.

Как быть—не наша воля.

С а м о з в а н е ц.

Сражался ты под Северским?

П л е н н и к.

Я прибыл
Недели две по битве из Москвы.

С а м о з в а н е ц.

Что Годунов?

П л е н н и к.

Он очень был встревожен
Потерею сражения и раной
Мстиславского, и Шуйского послал
Начальствовать над войском.

С а м о з в а н е ц.

А зачем
Он отозвал Басманова в Москву?

П л е н н и к.

Царь наградил его заслуги честью
И золотом. Басманов в царской думе
Теперь сидит.

С а м о з в а н е ц.

Он в войске был нужнее.
Ну, что в Москве?

П л е н н и к.

Всё, слава богу, тихо.

С а м о з в а н е ц.

Что? ждут меня?

П л е н н и к.

Бог знает. О тебе
Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову—такая право притча!
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся—глядь—лазутчик уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.
Как раз беда; так лучше уж молчать.

С а м о з в а н е ц.

Завидна жизнь Борисовых людей!
Ну, войско что?

П л е н н и к.

Что с ним? одето, сыто,
Довольно всем.

С а м о з в а н е ц.

Да много ли его?

П л е н н и к.

Бог ведает.

С а м о з в а н е ц.

А будет тысяч тридцать?

П л е н н и к.

Да наберешь и тысяч пятьдесят.

*(Самозванец задумывается. Окружающие
смотрят друг на друга.)*

С а м о з в а н е ц.

Ну! обо мне как судят в вашем стане?

П л е н н и к.

А говорят о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнев) и вор,
А молодец.

С а м о з в а н е ц, смеясь.

Так это я на деле

Им докажу: друзья, не станем ждать
Мы Шуйского; я поздравляю вас:
На завтра бой.

(Уходит.)

В с е.

Да здравствует Димитрий!

Л я х.

На завтра бой! их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч:
С ума сошел.

Д р у г о й.

Пустое, друг: поляк
Один пятьсот москалей вызвать может.

П л е н н и к.

Да, вызовешь! а как дойдет до драки,
Так убежишь от одного, хвостун.

Л я х.

Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник,
То я тебя (*указывая на свою саблю*) вот этим бы
смирил.

П л е н н и к.

Наш брат русак без сабли обойдется:
Не хочешь ли вот этого (*показывая кулак*), без-
мозглый!

*(Лях гордо смотрит на него и молча отхо-
дит. Все смеются.)*

Лес

Лжедмитрий, Пушкин.

(В отдалении лежит конь издыхающий.)

Л ж е д и м и т р и й.

Мой бедный конь! как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сражение,
И раненый как быстро нес меня.
Мой бедный конь.

П у ш к и н, *про себя.*

Ну, вот о чем жалеет,
Об лошади! когда всё наше войско
Побито в прах!

С а м о з в а н е ц.

Послушай, может быть,
От раны он лишь только заморился
И отдохнет.

П у ш к и н.

Куда! он издыхает.

С а м о з в а н е ц, *идет к своему коню.*
Мой бедный конь!.. что делать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на воле
Издахнет он.

*(Разнуздывает и расседывает коня. Входят
несколько ляхов.)*

Здорово, господа!
Что ж Курбского не вижу между вами?
Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,
А грозный клик все клики заглушал.
Где ж витязь мой?

Л я х.
Он лег на поле смерти.

С а м о з в а н е ц.
Честь храброму и мир его душе!
Как мало нас от битвы уцелело.
Изменники! злодеи-запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили нас.
Не выдержать и трех минут отпора!
Я их ужо! десятого повешу,
Разбойники!

П у ш к и н.
Кто там ни виноват,
Но все-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

С а м о з в а н е ц.

А дело было наше;
Я было смял передовую рать—
Да немцы нас порядком отразили;
А молодцы! ей-богу, молодцы,
Люблю за то; из них уж непременно
Составлю я почетную дружину.

П у ш к и н.

А где-то нам сегодня ночевать?

С а м о з в а н е ц.

Да здесь, в лесу. Чем это не ночлег?
Чем свет, мы в путь; к обеду будем в Рыльске.
Спокойна ночь.

(Ложится, кладет седло под голову и засыпает.)

П у ш к и н.

Приятный сон, царевич!
Разбитый в прах, спасаяся побегом,
Беспечен он, как глупое дитя:
Хранит его конечно провиденье;
И мы, друзья, не станем унывать.

Москва. Царские палаты

Борис. Басманов.

Ц а р ь.

Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.
Вот слава! нет, я ими не доволен;
Пошлю тебя начальствовать над ними;
Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Б а с м а н о в.

Ах, государь, стократ благословен
Тот будет день, когда Разрядны книги
С раздорами, с гордыней родословной
Пожрет огонь!

Ц а р ь.

День этот недалек;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Б а с м а н о в.

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Ц а р ь.

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро—не скажет он спасибо;
Грабь и казни—тебе не будет хуже.

(Входит боярин.)

Что?

Б о я р и н.

Привели гостей иноплеменных.

Ц а р ь.

Иду принять; Басманов, погоди,
Останься здесь: с тобой еще мне нужно
Поговорить.

(Уходит.)

Б а с м а н о в.

Высокий дух державный.
Дай бог ему с Отрепьевым проклятым
Управиться, и много, много он
Еще добра в России сотворит.
Мысль важная в уме его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мне поприще откроется, когда
Он сломит рог боярству родовому!
Соперников во брани я не знаю;
У царского престола стану первый...
И может быть... Но что за чудный шум?
*(Тревога. Бояре, придворные служители
в беспорядке бегут, встречаются
и шепчутся.)*

О д и н.

За лекарем!

Д р у г о й.

Скорее к патриарху!

Т р е т и й.

Царевича, царевича зовет!

Ч е т в е р т ы й.

Духовника!

Б а с м а н о в.

Что сделалось такое?

П я т ы й.

Царь занемог.

Ш е с т о й.

Царь умирает.

Б а с м а н о в.

Боже!

П я т ы й.

На троне он сидел и вдруг упал;
Кровь хлынула из уст и из ушей.

*(Царя выносят на стуле; всё царское
семейство, все бояре.)*

Ц а р ь.

Подите все—оставьте одного
Царевича со мною. *(Все удаляются.)* Умираю;
Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о, боже, боже!
Сейчас явлюсь перед тобой—и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую—мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рожден, и умереть

Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти—чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
Я, я за всё один отвечаю богу.
О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно.
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен...
Я, с давних лет в правлении искусенный,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала.
Но ты младой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника во-первых избери
Надежного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом—а в боярах
Почтенного породой или славой—
Хоть Шуйского. Для войска нынче нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка
Душа держав. Я ныне должен был

Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская —
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться попустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын! тыходишь в те лета,
Когда нам кровь волнуется женский лик.
Храни, храни святу ю чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь всегда главой;
Мать почитай, но властвуй сам собою —
Ты муж и царь; люби свою сестру —
Ты ей один хранитель остаешься.

Ф е о д о р , на коленях.

Нет, нет — живи и царствуй долговечно:
Народ и мы погибли без тебя.

Ц а р ь.

Всё кончено — глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад...

*(Входит патриарх, святители, за ними
все бояре. Царицу ведут под руки, царица
рыдает.)*

Кто там?

А! схима... так! святое пострижение...
Ударил час! в монахи царь идет —
И темный гроб моею будет кельей...
Повремени, владыка патриарх,
Я царь еще: внемлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору... Басманов,
Друзья мои... при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад и непорочен.
Клянётесь ли?

Б о я р е.

Клянемся.

Ц а р ь.

Я доволен.

Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды...
Святой отец, приблизься, я готов.

*(Начинается обряд пострижения. Женщин
в обмороке выносят.)*

Ставка

Басманов вводит Пушкина.

Б а с м а н о в .

Войди сюда и говори свободно.
И так тебя ко мне он посылает?

П у ш к и н .

Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нем в московском царстве.

Б а с м а н о в .

Но я и так Феодором высоко
Уж вознесен; начальствую над войском:
Он для меня презрел и чин разрядный,
И гнев бояр—я присягал ему.

П у ш к и н .

Ты присягал наследнику престола
Законному; но если жив другой,
Законнейший?..

Б а с м а н о в.

Послушай, Пушкин, полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.

П у ш к и н.

Россия и Литва
Димитрием давно его признали,
Но впрочем я за это не стою.
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец; только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

Б а с м а н о в.

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава богу!
Победою я их одушевлею.
А вы, кого против меня пошлете?
Не казака ль Карелу? али Мнишка?
Да много ль вас? всего-то восемь тысяч.

П у ш к и н.

Ошибся ты: и тех не наберешь.
Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только селы грабят,
Что поляки лишь хвастают, да пьют,
А русские... Да что и говорить—
Перед тобой не стану я лукавить;

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением—да, мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?
Ты видел сам: охотно ль ваши рати
Сражались с ним; когда же? при Борисе!
А нынче ль?.. нет, Басманов, поздно спорить
И раздувать холодный пепел брани:
Со всем твоим умом и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благоразумный,
Димитрия царем провозгласить
И тем ему навеки удружить?
Как думаешь?

Б а с м а н о в.

Узнаете вы завтра.

П у ш к и н.

Решись.

Б а с м а н о в.

Прощай.

П у ш к и н.

Подумай же, Басманов.

(Уходит.)

Б а с м а н о в.

Он прав, он прав; везде измена зреет:
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный,
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность молодого венценосца
Предательством ужасным заплатить!
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и заговор,
Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бедствия народны...

(Задумывается.)

Сюда! кто там? *(Свищет.)* Коня! трубите сбор.

Лобное место

Пушкин, идет окруженный народом.

Н а р о д.

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам боярин.
Сюда! сюда!

П у ш к и н, *на амвоне.*

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал,

(Кланяется.)

Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж поразил Бориса.
Димитрию Россия покорилась;
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привел ему к присяге.
Димитрий к вам идет с любовью, с миром.
В угодую ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

Н а р о д.

Вестимо, нет.

П у ш к и н.

Московские граждане!
Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властью жестокого пришельца:
Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад—всё испытали вы.
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов—и весь честной народ.
Вы ль станете упрямитесь безумно
И милостей кичливо убежать?
Но он идет на царственный престол
Своих отцов—в сопровожденьи грозном.
Не гневайте ж царя и бойтесь бога,
Целуйте крест законному владыке;
Смиритесь, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.

(Сходит. Шум народный.)

Н а р о д.

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий наш отец!

М у ж и к н а а м в о н е .

Народ! народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

Н а р о д , *несется толпою.*

Вязать! топить! да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

Кремль. Дом Борисов
Стража у крыльца

Феодор под окном.

Н и щ и й.

Дайте милостыню, Христа ради!

С т р а ж а.

Поди прочь; не велено говорить с заключенными.

Ф е о д о р.

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.

(Ксения под покрывалом подходит также к окну.)

О д и н и з н а р о д а.

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

Д р у г о й.

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

П е р в ы й.

Отец был злодей, а детки невинны.

Д р у г о й.

Яблоко от яблони недалеко падает.

К с е н и я.

Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Ф е о д о р.

Это Голицын, Мосальский. Другие мне незнакомы.

К с е н и я.

Ах, братец, сердце замирает.

(Голицын, Мосальский, Молчанов и Шереметевы. За ними трое стрельцов.)

Н а р о д.

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.

(Они входят в дом.)

О д и н и з н а р о д а.

Зачем они пришли?

Д р у г о й.

А верно приводить к присяге Феодора Годунова.

Т р е т и й.

В самом деле? слышишь, какой в доме шум! Тревога! дерутся! — —

Н а р о д.

Слышишь? визг! это женский голос—взойдем! Двери заперты—крики замолкли.

(Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.)

М о с а л ь с к и й.

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. *(Народ в ужасе молчит.)* Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Н а р о д *безмолвствует.*

К О Н Е Ц

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
СЦЕНЫ**

СКУПОЙ РЫЦАРЬ
МОЦАРТ И САЛЬЕРИ
КАМЕННЫЙ ГОСТЬ
ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

СБУДНОЙ РЫЦАРЬ

(Сцены из Ченстоновой траги-комедии:
The covetous Knighth)

Сцена I

(В башне.)

Альбер и Иван.

А л ь б е р .

Во что бы то ни стало, на турнире
Явлюсь я, покажи мне шлем, Иван.

(Иван подает ему шлем.)

Пробит насквозь, испорчен. Невозможно
Его надеть. Достать мне надо новый.
Какой удар! проклятый граф Делорж!

И в а н .

И вы ему порядком отплатили;
Как из стремян вы вышибли его,
Он сутки замятво лежал—и вряд ли
Оправился.

А л ь б е р .

А всё ж он не в убытке;
Его нагрудник цел венецианский,
А грудь своя: гроша ему не стоит;
Другой себе не станет покупать.
Зачем с него не снял я шлема тут же!

А снял бы я, когда б не было стыдно
Мне дам и герцога. Проклятый граф!
Он лучше бы мне голову пробил.
И платью нужно мне. В последний раз
Все рыцари сидели тут в атласе
Да бархате; я в латах был один
За герцогским столом. Отговорился
Я тем, что на турнир попал случайно.
А нынче что скажу? О, бедность, бедность!
Как унижает сердце нам она!
Когда Делорж копьем своим тяжелым
Пробил мне шлем и мимо проскакал,
А я с открытой головой пришпорил
Эмира моего, помчался вихрем
И бросил графа на двадцать шагов,
Как маленького пажу; как все дамы
Привстали с мест, когда сама Клотильда,
Закрыв лицо, невольно закричала
И славили герольды мой удар:
Тогда никто не думал о причине
И храбрости моей и силы дивной!
Взбесился я за поврежденный шлем;
Геройству что виною было? — скупость —
Да! заразиться здесь нетрудно ею
Под кровлею одной с моим отцом.
Что бедный мой Эмир?

И в а н.

Он всё хромает.
Вам выехать на нем еще нельзя.

А л ь б е р.

Ну, делать нечего: куплю гнедого.
Недорого и просят за него.

И в а н.

Недорого, да денег нет у нас.

А л ь б е р.

Что ж говорит бездельник Соломон?

И в а н.

Он говорит, что более не может
Взаимы давать вам денег без заклада.

А л ь б е р.

Заклад! а где мне взять заклада, дьявол!

И в а н.

Я сказывал.

А л ь б е р.

Что ж он?

И в а н.

Кряхтит да жметяся.

А л ь б е р.

Да ты б ему сказал, что мой отец
Богат и сам как жид, что рано ль, поздно
Всему наследую.

И в а н.

Я говорил.

А л ь б е р.

Что ж?

И в а н.

Жметя да кряхтит.

А л ь б е р.

Какое горе!

И в а н.

Он сам хотел придти.

А л ь б е р.

Ну, слава богу.

Без выкупа не выпущу его.

(Стучат в дверь.)

Кто там?

(Входит Жид.)

Ж и д.

Слуга ваш низкий.

А л ь б е р.

А, приятель!

Проклятый жид, почтенный Соломон,
Пожалуй-ка сюда: так ты, я слышу,
Не веришь в долг.

Ж и д.

Ах, милостивый рыцарь,
Клянусь вам: рад бы... право не могу.
Где денег взять? весь разорился я,
Всё рыцарям усердно помогая.
Никто не платит. Вас хотел просить,
Не можете ль хоть часть отдать...

А л ь б е р.

Разбойник!

Да если б у меня водились деньги,
С тобою стал ли б я возиться? Полно,
Не будь упрям, мой милый Соломон;
Давай червонцы. Высыпи мне сотню,
Пока тебя не обыскали.

Ж и д.

Сотню!

Когда б имел я сто червонцев!

А л ь б е р.

Слушай:

Не стыдно ли тебе своих друзей
Не выручать?

Ж и д.

Клянусь вам...

А л ь б е р.

Полно, полно.

Ты требуешь заклада? что за вздор!

Что дам тебе в заклад? свиную кожу?
Когда б я мог что заложить, давно
Уж продал бы. Иль рыцарского слова
Тебе, собака, мало?

Ж и д.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значит.
Все сундуки фламандских богачей
Как талисман оно вам отопрет.
Но если вы его передадите
Мне, бедному еврею, а меж тем
Умрете (боже сохрани), тогда
В моих руках оно подобно будет
Ключу от брошенной шкатулки в море.

А л ь б е р.

Ужель отец меня переживет?

Ж и д.

Как знать? дни наши сочтены не нами;
Цвел юноша вечер, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу.
Барон здоров. Бог даст—лет десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживет он.

А л ь б е р.

Ты врешь, еврей: да через тридцать лет
Мне стукнет пятьдесят, тогда и деньги
На что мне пригодятся?

Ж и д.

Деньги? — Деньги
Всегда, во всякий возраст нам пригодны;
Но юноша в них ищет слуг проворных
И не жалея шлет туда, сюда.
Старик же видит в них друзей надежных
И бережет их как зеницу ока.

А л ь б е р.

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит,
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки,
Всю ночь не спит, всё бегаёт да лает —
А золото спокойно в сундуках
Лежит себе. Молчи! когда-нибудь
Оно послужит мне, лежать забудет.

Ж и д.

Да, на бароновых похоронах
Прольется больше денег, нежели слез.
Пошли вам бог скорей наследство.

А л ь б е р.

Амен. *

Ж и д.

А можно б...

* (Аминь.)

А л ь б е р .
Что?

Ж и д .
Так, думал я, что средство
Такое есть...

А л ь б е р .
Какое средство?

Ж и д .
Так —
Есть у меня знакомый старичок,
Еврей, аптекарь бедный...

А л ь б е р .
Ростовщик
Такой же как и ты, иль почестнее?

Ж и д .
Нет, рыцарь, Товий торг ведет иной —
Он составляет капли... право, чудно,
Как действуют они.

А л ь б е р .
А что мне в них?

Ж и д .
В стакан воды подлить... трех капель будет,
Ни вкуса в них, ни цвета не заметно;

А человек без рези в животе,
Без тошноты, без боли умирает.

А л ь б е р.

Твой старичок торгует ядом.

Ж и д.

Да—

И ядом.

А л ь б е р.

Что ж? займы на место денег
Ты мне предложишь склянок двести яду,
За склянку по червонцу. Так ли, что ли?

Ж и д.

Смеяться вам угодно надо мною—
Нет; я хотел... быть может вы... я думал,
Что уж барону время умереть.

А л ь б е р.

Как! отравить отца! и смел ты сыну...
Иван! держи его. И смел ты мне!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змей! что я тебя сейчас же
На воротах повешу.

Ж и д.

Виноват!

Простите: я шутил.

А л ь б е р .

Иван, веревку.

Ж и д .

Я... я шутил. Я деньги вам принес.

А л ь б е р .

Вон, пес!

(Жид уходит.)

Вот до чего меня доводит
Отца родного скупость! Жид мне смел
Что предложить! Дай мне стакан вина,
Я весь дрожу... Иван, однако ж деньги
Мне нужны. Сбегай за жидом проклятым,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мне принеси чернильницу. Я плуту
Расписку дам. Да не вводи сюда
Иуду этого... Иль нет, стой,
Его червонцы будут пахнуть адом,
Как сребренники пращура его...
Я спрашивал вина.

И в а н .

У нас вина —

Ни капли нет.

А л ь б е р .

А то, что мне прислал
В подарок из Испании Ремон?

И в а н.

Вечор я снес последнюю бутылку
Больному кузнецу.

А л ь б е р.

Да, помню, знаю...
Так дай воды. Проклятое жигье!
Нет, решено—пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставит
Меня держать как сына, не как мышь,
Рожденную в подполье.

Сцена II

(Подвал.)

Б а р о н.

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль душой им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливым день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много кажется, но понемногу
Сокровища растут. Читал я где-то,
Что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу,
И гордый холм возвысился—и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли.
Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда в подвал,
Вознес мой холм—и с высоты его
Могу взирать на всё, что мне подвластно.

Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне всё послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...

(Смотрит на свое золото.)

Кажется немного,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!
Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы

Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.
А этот? этот мне принес Тибо —
Где было взять ему ленивцу, плуту?
Украд конечно; или, может быть,
Там на большой дороге, ночью, в роще...
Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за всё, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных. Но пора.

(Хочет отпереть сундук.)

Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и трепет.
Не страх (о, нет! кого бояться мне?
При мне мой меч, за золото отвечает
Честной булат), но сердце мне теснит
Какое-то неведомое чувство...
Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

(Отпирает сундук.)

Вот мое блаженство!

(Всыпает деньги.)

Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека.
Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небесах.
Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блестящие груди.

*(Зажигает свечи и отпирает сундуки один
за другим.)*

Я царствую! — — — Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава:
В ней счастье, в ней честь моя и слава!
Я царствую — — — но кто вослед за мной
Приимет власть над нею? Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды
С толпой ласкателей, придворных жадных.
Украв ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет.
И потекут сокровища мои
В атласные, дырявые карманы.
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит —
Он расточит... А по какому праву?
Мне разве даром это всё досталось,
Или шутя, как игроку, который

Гремит костями, да груды загребает?
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузанных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Всё это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают? — — —
Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там, посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел.
О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить как ныне! — — —

Сцена III

(Во дворце.)

Альбер, герцог.

А л ь б е р.

Поверьте, государь, терпел я долго
Стыд горькой бедности. Когда б не крайность,
Вы б жалобы моей не услышали.

Г е р ц о г.

Я верю, верю: благородный рыцарь,
Таков как вы, отца не обвинит
Без крайности. Таких развратных мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовещу наедине, без шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Он был друг деду моему. Я помню,
Когда я был еще ребенком, он
Меня сажал на своего коня
И покрывал своим тяжелым шлемом
Как будто колоколом.—

(Смотрит в окно.)

Это кто?

Не он ли?

А л ь б е р.
Так, он, государь.

Г е р ц о г.
Подите ж
В ту комнату. Я кликну вас.
(Альбер уходит; входит барон.)

Барон,
Я рад вас видеть бодрым и здоровым.

Б а р о н.
Я счастлив, государь, что в силах был
По приказанью вашему явиться.

Г е р ц о г.
Давно, барон, давно расстались мы.
Вы помните меня?

Б а р о н.
Я, государь?
Я как теперь вас вижу. О, вы были
Ребенок резвый.—Мне покойный герцог
Говаривал: Филипп (он звал меня
Всегда Филиппом), что ты скажешь? а?
Лет через двадцать, право, ты да я,
Мы будем глупы перед этим малым...
Пред вами то-есть...

Г е р ц о г .

Мы теперь знакомство
Возобновим. Вы двор забыли мой.

Б а р о н .

Стар, государь, я нынче: при дворе
Что делать мне? Вы молоды; вам любы
Турниры, праздники. А я на них
Уж не гожусь. Бог даст войну, так я
Готов, кряхтя, взлезть снова на коня;
Еще достанет силы старый меч
За вас рукой дрожащей обнажить.

Г е р ц о г .

Барон, усёрдье ваше нам известно;
Вы деду были другом; мой отец
Вас уважал. И я всегда считал
Вас верным, храбрым рыцарем—но сядем.
У вас, барон, есть дети?

Б а р о н .

Сын один.

Г е р ц о г .

Зачем его я при себе не вижу?
Вам двор наскучил, но ему прилично
В его летах и званьи быть при нас.

Б а р о н.

Мой сын не любит шумной, светской жизни;
Он дикого и сумрачного нрава—
Вкруг замка, по лесам, он вечно бродит
Как молодой олень.

Г е р ц о г.

Не хорошо

Ему дичиться. Мы тотчас приучим
Его к весельям, к балам и турнирам.
Пришлите мне его; назначьте сыну
Приличное по званью содержание — — —
Вы хмуритесь, устали вы с дороги,
Быть может — —

Б а р о н.

Государь, я не устал;

Но вы меня смутили. Перед вами
Я б не хотел сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сыне
То, что желал от вас бы утаить.
Он, государь, к несчастью, недостоин
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Он молодость свою проводит в буйстве,
В пороках низких...

Г е р ц о г.

Это потому,

Барон, что он один. Уединенье
И праздность губят молодых людей.

Пришлите к нам его: он позабудет
Привычки, зарожденные в глуши.

Б а р о н.

Простите мне, но право, государь,
Я согласиться не могу на это...

Г е р ц о г.

Но почему ж?

Б а р о н.

Увольте старика...

Г е р ц о г.

Я требую: откройте мне причину
Отказа вашего.

Б а р о н.

На сына я

Сердит.

Г е р ц о г.

За что?

Б а р о н.

За злое преступленье.

Г е р ц о г.

А в чем оно, скажите, состоит?

Б а р о н.

Увольте, герцог...

Г е р ц о г.

Это очень странно,
Или вам стыдно за него?

Б а р о н.

Да... стыдно...

Г е р ц о г.

Но что же сделал он?

Б а р о н.

Он... он меня

Хотел убить.

Г е р ц о г.

Убить! так я суду
Его предам, как черного злодея.

Б а р о н.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждет он моей,
Хоть знаю то, что покушался он
Меня...

Г е р ц о г.

Что?

Б а р о н.

Обокрасть.

(Альбер бросается в комнату.)

А л ь б е р.

Барон, вы лжете.

Г е р ц о г *(сыну)*.

Как смели вы?...

Б а р о н.

Ты здесь! ты, ты мне смел!..

Ты мог отцу такое слово молвить!..

Я лгу! и перед нашим государем!..

Мне, мне... иль уж не рыцарь я?

А л ь б е р.

Вы лжец.

Б а р о н.

И гром еще не грянул, боже правый!

Так подыми ж, и меч нас рассуди!

(Бросает перчатку, сын поспешно ее подымает.)

А л ь б е р.

Благодарю. Вот первый дар отца.

Г е р ц о г.

Что видел я? что было предо мною?

Сын принял вызов старого отца!

В какие дни надел я на себя
Цепь герцогов! Молчите: ты, безумец,
И ты, тигренок! Полно. (*Сыну.*) Бросьте это;
Так и впился в нее когтями!—изверг!
Отдайте мне перчатку эту (*отымает ее*).

А л ь б е р (*a parte **).

Жаль.

Г е р ц о г.

Подите: на глаза мои не смейте
Являться до тех пор, пока я сам
Не призову вас.

(*Альбер выходит.*)

Вы, старик несчастный,
Не стыдно ль вам...

Б а р о н.

Простите, государь...

Стоять я не могу... мои колени
Слабеют... душно!.. душно!.. Где ключи?
Ключи, ключи мои!— — —

Г е р ц о г.

Он умер. Боже!
Ужасный век, ужасные сердца!

* (В сторону.)

МОЦАРТ и САЛЪЕРИ

Сцена I

(Комната.)

С а л ь е р и.

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолею
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость,
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил

Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить; но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять еще о славе.
Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, с легким дымом исчезали.
Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны),
Не бросил ли я всё, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?
Усиленным, напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! никогда я зависти не знал,
О, никогда! — ниже, когда Пиччини

Пленить умел слух диких парижан,
Ниже, когда услышал в первый раз
Я Ифигении начальны звуки.
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!.. А ныне—сам скажу— я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую.— О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений—не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан—
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

(Входит Моцарт.)

М о ц а р т.

Ага! увидел ты! а мне хотелось
Тебя неожиданной шуткой угостить.

С а л ь е р и.

Ты здесь!—давно ль?

М о ц а р т.

Сейчас. Я шел к тебе,
Нес кое-что тебе я показать;
Но, проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрипку... Нет, мой друг, Сальери!

Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал... Слепой скрипач в трактире
Разыгрывал voi che sarete. Чудо!
Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!

(Входит слепой старик со скрипкой.)

Из Моцарта нам что-нибудь!
*(Старик играет арию из Дон-Жуана;
Моцарт хохочет.)*

С а л ь е р и.

И ты смеяться можешь?

М о ц а р т.

Ах, Сальери!
Ужель и сам ты не смеешься?

С а л ь е р и.

Нет.

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадону Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.
Пошел, старик.

М о ц а р т.

Постой же, вот тебе,
Пей за мое здоровье.

(Старик уходит.)

Ты, Сальери,
Не в духе нынче. Я приду к тебе
В другое время.

С а л ь е р и.

Что ты мне принес?

М о ц а р т.

Нет — так, безделицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две, три мысли.
Сегодня их я набросал. Хотелось
Твое мне слышать мненье; но теперь
Тебе не до меня.

С а л ь е р и.

Ах, Моцарт, Моцарт!
Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.

М о ц а р т (*за фортепиано*).

Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом — хоть с тобой —
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак иль что-нибудь такое...
Ну, слушай же.

(*Играет.*)

С а л ь е р и.

Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! — Боже!
Ты, Моцарт, недостойн сам себя.

М о ц а р т.

Что ж, хорошо?

С а л ь е р и.

Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

М о ц а р т.

Ба! право? может быть...
Но божество мое проголодалось.

С а л ь е р и.

Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.

М о ц а р т.

Пожалуй;
Я рад. Но дай, схожу домой, сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.

(Уходит.)

С а л ь е р и.

Жду тебя; смотри ж.

Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить — не то, мы все погибли:
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше.

Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой,
И никогда на шопот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хоть обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Всё медлил я.

Как жажда смерти мучила меня,
Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принесет незапные дары;
Быть может, посетит меня восторг
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое — и наслажуся им...
Как пировал я с гостем ненавистным,
Быть может, мнил я, злейшего врага
Найду; быть может, злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты —
Тогда не пропадешь ты, дар Изоры.
И я был прав! и наконец нашел
Я моего врага, и новый Гайден
Меня восторгом дивно упоил!
Теперь — пора! заветный дар любви,
Переходи сегодня в чашу дружбы.

Сцена II

(Особая комната в трактире; фортепиано.)

Моцарт и Сальери (за столом).

С а л ь е р и.

Что ты сегодня пасмурен?

М о ц а р т.

Я? Нет!

С а л ь е р и.

Ты верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?
Обед хороший, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

М о ц а р т.

Признаться,
Мой Requiem меня тревожит.

С а л ь е р и.

А!
Ты сочиняешь Requiem? давно ли?

М о ц а р т.

Давно, недели три. Но странный случай...
Не сказывал тебе я?

С а л ь е р и.

Нет.

М о ц а р т.

Так слушай:

Недели три тому, пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего—не знаю.
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? Назавтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать — и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Но между тем я...

С а л ь е р и.

Что?

М о ц а р т.

Мне совестно признаться в этом...

С а л ь е р и.

В чем же?

М о ц а р т.

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третей
Сидит.

С а л ь е р и.

И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку,
Иль перечти женитьбу Фигаро».

М о ц а р т.

Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него Тарара сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я всё твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?

С а л ь е р и.

Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.

М о ц а р т.

Он же гений,
Как ты, да я. А гений и злодейство
Две вещи несовместные. Не правда ль?

С а л ь е р и.

Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта.)

Ну, пей же.

М о ц а р т.

За твое

Здоровье, друг, за искренний союз,
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии.

(Пьет.)

С а л ь е р и.

Постой,

Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?

М о ц а р т *(бросает салфетку на стол).*
Довольно, сыт я.

(Идет к фортепиано.)

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem. *(Играет.)*

Ты плачешь?

С а л ь е р и.

Эти слезы

Впервые лью: и больно и приятно
Как будто тяжкий совершил я долг,
Как будто нож целебный мне отсек

Страдавший член! друг Моцарт, эти слезы...
Не замечай их. Продолжай, спеши
Еще наполнить звуками мне душу...

М о ц а р т.

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль? Но я нынче нездоров,
Мне что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же!

С а л ь е р и.

До свиданья.

(Один.)

Ты заснешь
Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы—и не был
Убийцею создатель Ватикана?

БАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Leporello: O statua gentilissima
Del gran' Comendatore!..
...Ah, Padrone!
Don Giovanni.*

* (Лепорелло: О любезнейшая статуя
Великого командора!
...Ах, господин!
Дон Жуан.)

Сцена I

Дон Гуан и Лепорелло.

Д о н Г у а н .

Дождемся ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Мадрита! Скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащем закрыв, а брови шляпой.
Как думаешь? узнать меня нельзя?

Л е п о р е л л о .

Да, Дон Гуана мудрено признать!
Таких как он такая бездна!

Д о н Г у а н .

Шутишь?

Да кто ж меня узнает?

Л е п о р е л л о .

Первый сторож,
Гитана, или пьяный музыкант,
Иль свой же брат, нахальный кавалер,
Со шпагою под-мышкой и в плаще.

Д о н Г у а н.

Что за беда, хоть и узнают! только б
Не встретился мне сам король. А впрочем
Я никого в Мадрите не боюсь.

Л е п о р е л л о.

А завтра же до короля дойдет,
Что Дон Гуан из ссылки самовольно
В Мадрит явился—что тогда, скажите,
Он с вами сделает?

Д о н Г у а н.

Пошлет назад.

Уж верно головы мне не отрубят.
Ведь я не государственный преступник.
Меня он удалил, меня ж любя,
Чтобы меня оставила в покое
Семья убитого...

Л е п о р е л л о.

Ну то-то же!

Сидели б вы себе спокойно там.

Д о н Г у а н.

Слуга покорный! я едва, едва
Не умер там со скуки. Что за люди,
Что за земля! а небо?.. точно дым.
А женщины? Да я не променяю,
Вот видишь ли, мой глупый Лепорелло,
Последней в Андалузии крестьянки

На первых тамошних красавиц—право.
Они сначала нравились мне
Глазами синими да белизною,
Да скромностью—а пуще новизною;
Да слава богу, скоро догадался—
Увидел я, что с ними грех и знаться—
В них жизни нет, всё куклы восковые;
А наши!.. Но послушай, это место
Знакомо нам; узнал ли ты его?

Л е п о р е л л о.

Как не узнать: Антоньев монастырь
Мне памятен. Езжали вы сюда,
А лошадей держал я в этой роще.
Проклятая, признаться, должность! вы
Приятнее здесь время проводили,
Чем я, поверьте.

Д о н Г у а н (*задумчиво*).

Бедная Инеза!

Ее уж нет! как я любил ее!

Л е п о р е л л о.

Инеза!—черноглазая... О, помню,
Три месяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помог лукавый.

Д о н Г у а н.

В июле... ночью. Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре

И помертвелых губах. Это странно.
Ты, кажется, ее не находил
Красавицей. И точно, мало было
В ней истинно-прекрасного. Глаза,
Одни глаза, да взгляд... такого взгляда
Уж никогда я не встречал. А голос
У ней был тих и слаб—как у больной—
А муж ее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

Л е п о р е л л о .

Что ж, вслед за ней другие были.

Д о н Г у а н .

Правда.

Л е п о р е л л о .

А живы будем, будут и другие.

Д о н Г у а н .

И то.

Л е п о р е л л о .

Теперь которую в Мадрите
Отыскивать мы будем?

Д о н Г у а н .

О, Лауру!

Я прямо к ней бегу являться.

Л е п о р е л л о .

Дело.

Д о н Г у а н .

К ней прямо в дверь—а если кто-нибудь
Уж у нее—прошу в окно прыгнуть.

Л е п о р е л л о .

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго нас покойницы тревожат.
Кто к нам идет?

(Входит монах.)

М о н а х .

Сейчас она придет
Сюда. Кто здесь? Не люди ль Доны Анны?

Л е п о р е л л о .

Нет, сами по себе мы господа,
Мы здесь гуляем.

Д о н Г у а н .

А кого вы ждете?

М о н а х .

Сейчас должна приехать Дона Анна
На мужнину гробницу.

Д о н Г у а н.

 Дона Анна
Де-Сольва! как! супруга командора
Убитого... не помню кем?

М о н а х.

 Развратным,
Бессовестным, безбожным Дон Гуаном.

Л е п о р е л л о.

Ого! вот как! Молва о Дон Гуане
И в мирный монастырь проникла даже.
Отшельники хвалы ему поют.

М о н а х.

Он вам знаком, быть может?

Л е п о р е л л о.

 Нам? нимало.

А где-то он теперь?

М о н а х.

 Его здесь нет,
Он в ссылке далеко.

Л е п о р е л л о.

 И слава богу.
Чем далее, тем лучше. Всех бы их,
Развратников, в один мешок да в море.

Д о н Г у а н.

Что, что ты врешь?

Л е п о р е л л о.

Молчите: я нарочно...

Д о н Г у а н.

Так здесь похоронили командора?

М о н а х.

Здесь; памятник жена ему воздвигла
И приезжает каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

Д о н Г у а н.

Что за странная вдова!
И не дурна?

М о н а х.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны,
Но лгать грешно; не может и угодник
В ее красе чудесной не сознаться.

Д о н Г у а н.

Недаром же покойник был ревнив.
Он Дону Анну взаперти держал,
Никто из нас не видывал ее.
Я с нею бы хотел поговорить.

М о н а х.

О, Дона Анна никогда с мужчиной
Не говорит.

Д о н Г у а н.

А с вами, мой отец?

М о н а х.

Со мной иное дело; я монах.
Да вот она.

(Входит Дона Анна.)

Д о н а А н н а.

Отец мой, отойдите.

М о н а х.

Сейчас, сеньора; я вас ожидал.

(Дона Анна идет за монахом.)

Л е п о р е л л о.

Что, какова?

Д о н Г у а н.

Ее совсем не видно

Под этим вдовьим черным покрывалом,
Чуть узенькую пятку я заметил.

Л е п о р е л л о.

Довольно с вас. У вас воображенье
В минуту дорисует остальное;

Оно у вас проворней живописца,
Вам всё равно, с чего бы ни начать,
С бровей ли, с пог ли.

Д о н Г у а н.

Слушай, Лепорелло,
Я с нею познакомлюсь.

Л е п о р е л л о.

Вот еще!

Куда как нужно! мужа повалил
Да хочет поглядеть на вдовьи слезы.
Бессовестный!

Д о н Г у а н.

Однако, уж и смерклось.
Пока луна над нами не взошла
И в светлый сумрак тьмы не обратила,
Взойдем в Мадрит.

(Уходит.)

Л е п о р е л л о.

Испанский гранд, как вор,
Ждет ночи и луны боится—боже!
Проклятое житье! да долго ль будет
Мне с ним возиться? Право, сил уж нет!

Сцена II

(Комната. Ужин у Лауры.)

Первый гость.

Клянусь тебе, Лаура, никогда
С таким ты совершенством не играла.
Как роль свою ты верно поняла!

Второй.

Как развила ее! с какою силой!

Третий.

С каким искусством!

Лаура.

Да, мне удавалось
Сегодня каждое движение, слово,
Я вольно предавалась вдохновенью.
Слова лились как будто их рождала
Не память рабская, но сердце...

Первый.

Правда.

Да и теперь глаза твои блестят
И щеки разгорелись, не проходит

В тебе восторг. Лаура, не давай
Остыть ему бесплодно; спой, Лаура,
Спой что-нибудь.

Л а у р а.

Подайте мне гитару.

(Поет.)

В с е.

О brava! brava! * чудно! бесподобно!

П е р в ы й.

Благодарим, волшебница. Ты сердце
Чаруешь нам. Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь—мелодия... взгляни:
Сам Карлос тронут, твой угрюмый гость.

В т о р о й.

Какие звуки! сколько в них души!
А чьи слова, Лаура?

Л а у р а.

Дон Гуана.

Д о н К а р л о с.

Что? Дон Гуан!

* (Браво! браво!)

Л а у р а.

Их сочинил когда-то
Мой верный друг, мой ветреный любовник.

Д о н К а р л о с.

Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец,
А ты, ты дура!

Л а у р а.

Ты с ума сошел?
Да я сейчас велю тебя зарезать
Моим слугам, хоть ты испанский гранд.

Д о н К а р л о с (*встает*).

Зови же их.

П е р в ы й.

Лаура, перестань;
Дон Карлос, не сердись. Она забыла...

Л а у р а.

Что? что Гуан на поединке честно
Убил его родного брата? Правда: жаль,
Что не его.

Д о н К а р л о с.

Я глуп, что осердился.

Л а у р а.

Ага! сам сознаешься, что ты глуп.
Так помиримся.

Д о н К а р л о с .

Виноват, Лаура,
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

Л а у р а .

А виновата ль я, что поминутно
Мне на язык приходит это имя?

Г о с т ь .

Ну, в знак, что ты совсем уж не сердита,
Лаура, спой еще.

Л а у р а .

Да, на прощанье.
Пора, уж ночь. Но что же я спою?
А, слушайте.

(Поет.)

В с е .

Прелестно, бесподобно!

Л а у р а .

Прощайте ж, господа.

Г о с т и .

Прощай, Лаура.

(Выходят. Лаура останавливает Дон Карлоса.)

Л а у р а .

Ты, бешеный, останься у меня,
Ты мне понравился; ты Дон Гуана

Напомнил мне, как выбралил меня
И стиснул зубы с скрежетом.

Д о н К а р л о с.

Счастливец!

Так ты его любила?

(Лаура делает утвердительный знак.)

Очень?

Л а у р а.

Очень.

Д о н К а р л о с.

И любишь и теперь?

Л а у р а.

В сию минуту?

Нет, не люблю. Мне двух любить нельзя.
Теперь люблю тебя. —

Д о н К а р л о с.

Скажи, Лаура,

Который год тебе?

Л а у р а.

Осьмнадцать лет.

Д о н К а р л о с

Ты молода... и будешь молода
Еще лет пять иль шесть. Вокруг тебя

Еще лет шесть они толпиться будут,
Тебя ласкать, лелеять и дарить
И серенадами ночными тешить,
И за тебя друг друга убивать
На перекрестках ночью. Но когда
Пора пройдет, когда твои глаза
Впадут и веки, сморщась, почернеют,
И седина в косе твоей мелькнет,
И будут называть тебя старухой,
Тогда—что скажешь ты?

Л а у р а.

Тогда? Зачем
Об этом думать? что за разговор?
Иль у тебя всегда такие мысли?
Приди—открой балкон. Как небо тихо!
Недвижим теплый воздух—ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной—
И сторожа кричат протяжно: *ясно!*..
А далеко, на севере—в Париже—
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует.—
А нам какое дело? Слушай, Карлос,
Я требую, чтоб улыбнулся ты...
Ну, то-то ж!

Д о н К а р л о с.

Милый демон!

(*Стучат.*)

Д о н Г у а н.
Гей! Лаура!

Л а у р а.
Кто там? чей это голос?

Д о н Г у а н.
Отопри...

Л а у р а.
Ужели!.. боже!..
(Отпирает двери, входит Дон Гуан.)

Д о н Г у а н.
Здравствуй...

Л а у р а.
Дон Гуан!..

Д о н К а р л о с.
Как! Дон Гуан!..
(Лаура кидается ему на шею.)

Д о н Г у а н.
Лаура, милый друг!..
(Целует ее.)

Кто у тебя, моя Лаура?

Д о н К а р л о с .

Я,

Дон Карлос.

Д о н Г у а н .

Вот нечаянная встреча!
Я завтра весь к твоим услугам. —

Д о н К а р л о с .

Нет!

Теперь — сейчас.

Л а у р а .

Дон Карлос, перестаньте!
Вы не на улице — вы у меня —
Извольте выдти вон.

Д о н К а р л о с *(ее не слушая)*.

Я жду. Ну что ж,
Ведь ты при шпаге.

Д о н Г у а н .

Ежели тебе
Не терпится, изволь.

(Бьются.)

Л а у р а .

Ай! ай! Гуан!..

(Кидается на постелю. Дон Карлос падает.)

Д о н Г у а н.

Вставай, Лаура. Кончено.

Л а у р а.

Что там?

Убит? прекрасно! в комнате моей!

Что делать мне теперь, повеса, дьявол?

Куда я выброшу его?

Д о н Г у а н.

Быть может,

Он жив еще.

Л а у р а (*осматривает тело*).

Да! жив! гляди, проклятый,

Ты прямо в сердце ткнул—небось, не мимо,

И кровь нейдет из треугольной ранки,

А уж не дышит—каково?

Д о н Г у а н.

Что делать?

Он сам того хотел.

Л а у р а.

Эх, Дон Гуан,

Досадно, право. Вечные проказы —

А всё не виноват... Откуда ты?

Давно ли здесь?

Д о н Г у а н.

Я только что приехал
И то тихонько — я ведь не прощен...

Л а у р а.

И вспомнил тотчас о своей Лауре?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не верю я. Ты мимо шел случайно
И дом увидел.

Д о н Г у а н.

Нет, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою
За городом, в проклятой венте. Я Лауры
Пришел искать в Мадрите.

(Целует ее.)

Л а у р а.

Друг ты мой!..
Постой!.. при мертвом!.. что нам делать с ним?

Д о н Г у а н.

Оставь его — перед рассветом, рано,
Я вынесу его под епанчею
И положу на перекрестке.

Л а у р а.

Только
Смотри — чтоб не увидели тебя.
Как хорошо ты сделал, что явился

Одной минутой позже! у меня
Твои друзья здесь ужинали. Только
Что вышли вон. Когда б ты их застал!

Д о н Г у а н.

Лаура, и давно его ты любишь?

Л а у р а.

Кого? ты видно бредишь.

Д о н Г у а н.

А признайся:

А сколько раз ты изменяла мне
В моем отсутствии?

Л а у р а.

А ты, повеса?

Д о н Г у а н.

Скажи... нет, после переговоров!

Сцена III

(Памятник Командора.)

Д о н Г у а н.

Всё к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным
Я скрылся здесь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею —
Мне кажется, замечен. — До сих пор
Чинились мы друг с другом; но сегодня
Впущуся в разговоры с ней; пора.
С чего начну? «Осмелюсь»... или нет:
«Сеньора»... ба! что в голову придет,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни...
Пора б уж ей приехать. Без нее —
Я думаю — скучает командор.
Каким он здесь представлен исполином!
Какие плечи! что за Геркулес!..
А сам покойник мал был и тщедушен,
Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку
До своего он носу дотянуть.
Когда за Ескурьялом мы сошлись,
Наткнулся мне на шпагу он и замер
Как на булавке стрекоза — а был

Он горд и смел—и дух имел суровый...
А! вот она.

(Входит Дона Анна.)

Д о н а А н н а.

Опять он здесь. Отец мой,
Я развлекла вас в ваших помышленьях —
Простите.

Д о н Г у а н.

Я просить прощенья должен
У вас, сеньора. Может, я мешаю
Печали вашей вольно изливаться? —

Д о н а А н н а.

Нет, мой отец, печаль моя во мне,
При вас мои моления могут к небу
Смиренно возноситься—я прошу
И вас свой голос с ними соединить.

Д о н Г у а н.

Мне, мне молиться с вами, Дона Анна!
Я не достоин участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять —
И только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда, склонившись тихо,
Вы черные власы на мрамор бледный
Рассыплете—и мнится мне, что тайно
Гробницу эту ангел посетил,

В смущенном сердце я не обретаю
Тогда молений. Я дивлюсь безмолвно
И думаю—счастлив, чей хладный мрамор
Согрет ее дыханием небесным
И окроплен любви ее слезами — —

Д о н а А н н а.

Какие речи — странные!

Д о н Г у а н.

Сеньора?

Д о н а А н н а.

Мне... Вы забыли.

Д о н Г у а н.

Что? что недостойный
Отшельник я? что грешный голос мой
Не должен здесь так громко раздаваться?

Д о н а А н н а.

Мне показалось... я не поняла — —

Д о н Г у а н.

Ах, вижу я; вы всё, вы всё узнали!

Д о н а А н н а.

Что я узнала?

Д о н Г у а н.

Так, я не монах—
У ваших ног прощенья умоляю...

Д о н а А н н а.

О боже! встаньте, встаньте... Кто же вы?

Д о н Г у а н.

Несчастный, жертва страсти безнадежной.

Д о н а А н н а.

О боже мой! и здесь, при этом гробе!
Подите прочь—

Д о н Г у а н.

Минуту, Дона Анна.

Одну минуту!

Д о н а А н н а.

Если кто взойдет!..

Д о н Г у а н.

Решетка заперта. Одну минуту!

Д о н а А н н а.

Ну? что? чего вы требуете?

Д о н Г у а н.

Смерти!

О, пусть умру сейчас у ваших ног,

Пусть бедный прах мой здесь же похоронят,
Не подле праха, милого для вас,
Не тут, не близко—дале где-нибудь,
Там—у дверей—у самого порога,
Чтоб камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб
Пойдете кудри наклонять и плакать.—

Д о н а А н н а .

Вы не в своем уме.

Д о н Г у а н .

Или желать

Кончины, Дона Анна, знак безумства
Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце;
Когда б я был безумец, я бы ночи
Стал провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами ваш сон;
Не стал бы я скрываться, я напротив
Старался быть везде б замечен вами;
Когда б я был безумец, я б не стал
Страдать в безмолвии...

Д о н а А н н а .

И так-то вы

Молчите?

Д о н Г у а н.

Случай, Дона Анна, случай
Увлек меня—не то вы б никогда
Моей печальной тайны не узнали.

Д о н а А н н а.

И любите давно уж вы меня?

Д о н Г у а н.

Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И понял я, что значит слово счастье.

Д о н а А н н а.

Подите прочь—вы человек опасный.

Д о н Г у а н.

Опасный! чем?

Д о н а А н н а.

Я слушать вас боюсь.

Д о н Г у а н.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому ваш вид—одна отрада.
Я не питаю дерзостных надежд.
Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден.—

Д о н а А н н а.

Подите — здесь не место
Таким речам, таким безумствам. Завтра
Ко мне придите. Если вы клянётесь
Хранить ко мне такое ж уваженье,
Я вас приму — но вечером — позднее —
Я никого не вижу с той поры,
Как овдовела — —

Д о н Г у а н.

Ангел, Дона Анна!
Утешь вас бог, как сами вы сегодня
Утешили несчастного страдальца.

Д о н а А н н а.

Подите ж прочь.

Д о н Г у а н.

Еще одну минуту.

Д о н а А н н а.

Нет, видно мне уйти... к тому же моленье
Мне в ум нейдет. Вы развлекли меня
Речами светскими; от них уж ухо
Мое давно, давно отвыкло. Завтра
Я вас приму —

Д о н Г у а н.

Еще не смею верить,
Не смею счастью моему предаться...

Я завтра вас увижу!—и не здесь,
И не украдкою!

Д о н а А н н а.

Да, завтра, завтра.
Как вас зовут?

Д о н Г у а н.

Диего де Кальвадо.

Д о н а А н н а.

Прощайте, Дон Диего. *(Уходит.)*

Д о н Г у а н.

Лепорелло!

(Лепорелло входит.)

Л е п о р е л л о.

Что вам угодно?

Д о н Г у а н.

Милый Лепорелло!

Я счастлив!— — Завтра—вечером позднее...

Мой Лепорелло, завтра—приготовь...

Я счастлив как ребенок!

Л е п о р е л л о.

С Доной Анной

Вы говорили? может быть она

Сказала вам два ласковые слова

Или ее благословили вы?

Д о н Г у а н.

Нет, Лепорелло, нет! она свиданье,
Свиданье мне назначила!

Л е п о р е л л о.

Неужто!

О вдовы, все вы таковы!

Д о н Г у а н.

Я счастлив!

Я петь готов, я рад весь мир обнять.

Л е п о р е л л о.

А командор? что скажет он об этом?

Д о н Г у а н.

Ты думаешь, он станет ревновать?
Уж верно нет; он человек разумный
И верно присмирел с тех пор, как умер.

Л е п о р е л л о.

Нет; посмотрите на его статую.

Д о н Г у а н.

Что ж?

Л е п о р е л л о.

Кажется, на вас она глядит
И сердится.

Д о н Г у а н.

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мне—
Нет, не ко мне,—а к Доне Анне, завтра.

Л е п о р е л л о.

Статую в гости звать! зачем?

Д о н Г у а н.

Уж верно
Не для того, чтоб с нею говорить—
Проси статую завтра к Доне Анне
Прийти попозже вечером и стать
У двери на часах.

Л е п о р е л л о.

Охота вам
Шутить, и с кем!

Д о н Г у а н.

Ступай же!

Л е п о р е л л о.

Но...

Д о н Г у а н.

Ступай!

Л е п о р е л л о .

Преславная, прекрасная статуя!
Мой барин, Дон Гуан, покорно просит
Пожаловать... Ей-богу, не могу,
Мне страшно.

Д о н Г у а н .
Трус! вот я тебя!..

Л е п о р е л л о .

Позвольте.

Мой барин, дон Гуан, вас просит завтра
Придти попозже в дом супруги вашей
И стать у двери...
(Статуя кивает головой в знак согласия.)

Ай!

Д о н Г у а н .
Что там?

Л е п о р е л л о .

Ай, ай!..

Ай, ай!.. Умру!

Д о н Г у а н .
Что случилось с тобою?

Л е п о р е л л о (кивая головой).
Статуя... ай!..

Д о н Г у а н.

Ты кланяешься!

Л е п о р е л л о.

Нет,

Не я, она!

Д о н Г у а н.

Какой ты вздор несешь!

Л е п о р е л л о.

Подите сами.

Д о н Г у а н.

Ну, смотри ж, бездельник.

(Статуе.) Я, командор, прошу тебя придти
К твоей вдове, где завтра буду я,
И стать на стороже в дверях. Что? будешь?

(Статуя кивает опять.)

О боже!

Л е п о р е л л о.

Что? я говорил...

Д о н Г у а н.

Уйдем.

Сцена IV

(Комната Доны Анны.)

Дон Гуан и Дона Анна.

Д о н а А н н а.

Я приняла вас, Дон Диего; только
Боюсь, моя печальная беседа
Скучна вам будет. Бедная вдова,
Всё помню я свою потерю. Слезы
С улыбкою мешаю, как апрель.
Что ж вы молчите?

Д о н Г у а н.

Наслаждаюсь молча,
Глубоко мыслью быть наедине
С прелестной Доной Анной, здесь—не там,
Не при гробнице мертвого счастливец—
И вижу вас уже не на коленях
Пред мраморным супругом.

Д о н а А н н а.

Дон Диего,
Так вы ревнивы—муж мой и во гробе
Вас мучит?

Д о н Г у а н .

Я не должен ревновать,
Он вами выбран был.

Д о н а А н н а .

Нет, мать моя
Велела мне дать руку Дон Альвару,
Мы были бедны, Дон Альвар богат.

Д о н Г у а н .

Счастливец! он сокровища пустые
Принес к ногам богини, вот за что
Вкусил он райское блаженство! Если б
Я прежде вас узнал—с каким восторгом
Мой сан, мой богатства, всё бы отдал,
Всё за единый благосклонный взгляд!
Я был бы раб священной вашей воли,
Все ваши прихоти я б изучал,
Чтоб их предупреждать, чтоб ваша жизнь
Была одним волшебством непрерывным.
Увы!—Судьба судила мне иное.

Д о н а А н н а .

Диего, перестаньте: я грешу,
Вас слушая—мне вас любить нельзя,
Вдова должна и гробу быть верна.
Когда бы знали вы, как Дон Альвар
Меня любил! о, Дон Альвар уж верно
Не принял бы к себе влюбленной дамы,

Когда б он овдовел—он был бы верен
Супружеской любви.

Д о н Г у а н.

Не мучьте сердца
Мне, Дона Анна, вечным поминаньем
Супруга. Полно вам меня казнить,
Хоть казнь я заслужил, быть может.

Д о н а А н н а.

Чем же?

Вы узами не связаны святыми
Ни с кем—не правда ль? Полюбив меня,
Вы предо мной и перед небом правы.

Д о н Г у а н.

Пред вами! боже!

Д о н а А н н а.

Разве вы виновны
Передо мной? Скажите, в чем же?

Д о н Г у а н.

Нет,

Нет, никогда.

Д о н а А н н а.

Диего, что такое?
Вы предо мной не правы? в чем, скажите?

Д о н Г у а н.

Нет! ни за что!

Д о н а А н н а.

Диего, это странно:
Я вас прошу, я требую...

Д о н Г у а н.

Нет, нет.

Д о н а А н н а.

А! так-то вы моей послушны воле!
А что сейчас вы говорили мне?
Что вы б рабом моим желали быть.
Я рассержусь, Диего, отвечайте,
В чем предо мной виновны вы?

Д о н Г у а н.

Не смею,
Вы ненавидеть станете меня.

Д о н а А н н а.

Нет, нет. Я вас заранее прощаю,
Но знать желаю — —

Д о н Г у а н.

Не желайте знать
Ужасную, убийственную тайну.

Д о н а А н н а.

Ужасную! вы мучите меня,
Я страх как любопытна—что такое?
И как меня могли вы оскорбить?
Я вас не знала—у меня врагов
И нет и не было. Убийца мужа
Один и есть.

Д о н Г у а н *(про себя)*.

Идет к развязке дело!
Скажите мне: несчастный Дон Гуан
Вам незнаком?

Д о н а А н н а.

Нет, отроду его
Я не видала.

Д о н Г у а н.

Вы в душе к нему
Питаете вражду?

Д о н а А н н а.

По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
От моего вопроса, Дон Диего—
Я требую...

Д о н Г у а н.

Что если б Дон Гуана
Вы встретили?

Д о н а А н н а .

Тогда бы я злодею
Кинжал вонзила в сердце.

Д о н Г у а н .

Дона Анна,
Где твой кинжал? Вот грудь моя.

Д о н а А н н а .

Что вы? Диего!

Д о н Г у а н .

Я не Диего, я Гуан.

Д о н а А н н а .

О боже! нет, не может быть, не верю.

Д о н Г у а н .

Я Дон Гуан.

Д о н а А н н а .

Неправда.

Д о н Г у а н .

Я убил
Супруга твоего; и не жалею
О том — и нет раскаянья во мне.

Д о н а А н н а.

Что слышу я? Нет, нет, не может быть.

Д о н Г у а н.

Я Дон Гуан и я тебя люблю.

Д о н а А н н а (*падая*).

Где я?.. где я?.. мне дурно, дурно.

Д о н Г у а н.

Небо!

Что с нею? что с тобою, Дона Анна?

Встань, встань, проснись, опомнись: твой Диего,
Твой раб у ног твоих.

Д о н а А н н а.

Оставь меня.

(*Слабо.*) О, ты мне враг—ты отнял у меня
Всё, что я в жизни...

Д о н Г у а н.

Милое созданье!

Я всем готов удар мой искупить,
У ног твоих жду только приказанья,
Вели—умру; вели—дышать я буду
Лишь для тебя — — —

Д о н а А н н а.

Так это Дон Гуан...

Д о н Г у а н.

Не правда ли—он был описан вам
Злодеем, извергом—о, Дона Анна?
Молва, быть может, не совсем неправа,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготеет. Так, разврата
Я долго был покорный ученик,
Но с той поры как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас полюбя, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.

Д о н а А н н а.

О, Дон Гуан красноречив—я знаю,
Слыхала я; он хитрый искунитель.
Вы, говорят, безбожный развратитель,
Вы сущий демон. Сколько бедных женщин
Вы погубили?

Д о н Г у а н.

Ни одной доньне
Из них я не любил.

Д о н а А н н а.

И я поверю,
Чтоб Дон Гуан влюбился в первый раз,
Чтоб не искал во мне он жертвы новой!

Д о н Г у а н.

Когда б я вас обманывать хотел,
Признался ль я, сказал ли (б) я то имя,
Которого не можете вы слышать?
Где ж видно тут обдуманность, коварство?

Д о н а А н н а.

Кто знает вас?—Но как могли придти
Сюда вы! Здесь узнать могли бы вас,
И ваша смерть была бы неизбежна.

Д о н Г у а н.

Что значит смерть? за сладкий миг свиданья
Безропотно отдам я жизнь.

Д о н а А н н а.

Но как же
Отсюда выдти вам, неосторожный!

Д о н Г у а н (*целуя ей руки*).

И вы о жизни бедного Гуана
Заботитесь! Так ненависти нет
В душе твоей небесной, Дона Анна?

Д о н а А н н а.

Ах, если б вас могла я ненавидеть!
Однако ж надобно расстаться нам.

Д о н Г у а н .

Когда ж опять увидимся?

Д о н а А н н а .

Не знаю,

Когда-нибудь.

Д о н Г у а н .

А завтра?

Д о н а А н н а .

Где же?

Д о н Г у а н .

Здесь.

Д о н а А н н а .

О, Дон Гуан, как сердцем я слаба.

Д о н Г у а н .

В залог прощенья мирный поцелуй...

Д о н а А н н а .

Пора, поди.

Д о н Г у а н .

Один, холодный, мирный...

Д о н а А н н а.

Какой ты неотвязчивый! на, вот он.
Что там за стук?.. о, скройся, Дон Гуан.

Д о н Г у а н.

Прощай же, до свиданья, друг мой милый.
(Уходит и вбегает опять.)

А!..

Д о н а А н н а.

Что с тобой? А!..

(Входит статуя командора; Дона Анна падает.)

С т а т у я.

Я на зов явился.

Д о н Г у а н.

О боже! Дона Анна!

С т а т у я.

Брось ее,
Всё кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан.

Д о н Г у а н.

Я? Нет. Я звал тебя и рад, что вижу.

С т а т у я.

Дай руку.

Д о н Г у а н .

Вот она... О, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти, пусти мне руку — —
Я гибну — кончено — о, Дона Анна!..

(Проваливаются.)

П И Р В О В Р Е М Я Ч У М Ы

(Из Вильсоновой трагедии: The city of the
plague.)

*(Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих
мужчин и женщин.)*

М о л о д о й ч е л о в е к .

Почтенный председатель! я напому
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечанья,
Столь едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостя наша, насылает
На самые блестящие умы.
Тому два дня, наш общий хохот славил
Его рассказы; не возможно быть,
Чтоб мы в своем веселом пированьи
Забыли Джаксона! Его здесь кресла
Стоят пустые, будто ожидая
Весельчака—но он ушел уже
В холодные подземные жилища...
Хотя красноречивейший язык
Не умолкал еще во прахе гроба;
Но много нас еще живых, и нам
Причины нет печалиться. И так
Я предлагаю выпить в его память,

С веселым звоном рюмок, с восклицаньем,
Как будто б был он жив.

П р е д с е д а т е л ь.

Он выбыл первый
Из круга нашего. Пускай в молчаньи
Мы выпьем в честь его.

М о л о д о й ч е л о в е к.

Да будет так!

(Все пьют молча.)

П р е д с е д а т е л ь.

Твой голос, милая, выводит звуки
Родимых песен с диким совершенством;
Спой, Мери, нам, уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Безумнее, как тот, кто от земли
Был отлучен каким-нибудь виденьем.

М е р и *(поет)*.

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресение бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса. .

*

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит,—
Тихо всё—одно кладбище
Не пустеет, не молчит—

*

Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их!
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой!

*

Если ранняя могила
Суждена моей весне—
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне,—
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей;
Уст умерших не касайся;
Следуй издали за ней.

*

И потом оставь селенье!
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

*

П р е с е д а т е л ь .

Благодарим, задумчивая Мери,
Благодарим за жалобную песню!
В дни прежние чума такая ж видно
Холмы и доли ваши посетила,
И раздавались жалкие стенанья
По берегам потоков и ручьев,
Бегущих ныне весело и мирно
Сквозь дикий рай твоей земли родной;
И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв,
Едва оставил память о себе
В какой-нибудь простой пастушьей песне
Унылой и приятной... нет! ничто
Так не печалит нас среди веселий,
Как томный, сердцем повторенный звук!

М е р и.

О, если б никогда я не певала
Вне хижины родителей своих!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себе я, кажется, внимаю
Поющей у родимого порога—
Мой голос слаще был в то время: он
Был голосом невинности...

Л у и з а.

Не в моде
Теперь такие песни! Но всё ж есть
Еще простые души: рады таять
От женских слез, и слепо верят им.
Она уверена, что взор слезливый
Ее неотразим—а если б то же
О смехе думала своим, то верно
Всё б улыбалась. Вальсингам хвалил
Крикливых северных красавиц: вот
Она и расстоналась. Ненавижу
Волос шотландских этих желтизну.

П р е д с е д а т е л ь.

Послушайте: я слышу стук колес!
*(Едет телега, наполненная мертвыми телами.
Негр управляет ею.)*

Ага! Луизе дурно; в ней, я думал—
По языку судя, мужское сердце.
Но так-то—нежного слабей жестокий,

И страх живет в душе, страстями томимой!
Брось, Мери, ей воды в лицо. Ей лучше.

М е р и.

Сестра моей печали и позора,
Приляг на грудь мою.

Л у и з а, *приходя в чувство.*

Ужасный демон
Приснился мне: весь черный, белоглазый...
Он звал меня в свою тележку. В ней
Лежали мертвые — и лепетали
Ужасную, неведомую речь...
Скажите мне: во сне ли это было?
Проехала ль телега?

М о л о д о й ч е л о в е к.

Ну, Луиза,
Развеселись — хоть улица вся наша,
Безмолвное убежище от смерти,
Приют пиров ничем не возмутимых,
Но знаешь? эта черная телега
Имеет право всюду разъезжать —
Мы пропускать ее должны! Послушай
Ты, Вальсингам: для пресечения споров
И следствий — женских обмороков, спой
Нам песню — вольную, живую песню —
Не грустию шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую песнь,
Рожденную за чашею кипящей.

П р е д с е д а т е л ь .

Такой не знаю—но спою вам гимн
Я в честь чумы—я написал его
Прошедшей ночью, как расстались мы.
Мне странная нашла охота к рифмам,
Впервые в жизни! Слушайте ж меня:
Охрипый голос мой приличен песне.—

М н о г и е .

Гимн в честь чумы! послушаем его!
Гимн в честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

П р е д с е д а т е л ь (*поет*).

Когда могущая зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов,—
Навстречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.

*

Царица грозная, Чума,
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой...
Что делать нам? и чем помочь?

*

Как от проказницы зимы,
Запремся так же от Чумы!

Зажожем огни, нальем бокалы;
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

*

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

*

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

*

И так — хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы,
И Девы-Розы пьем дыханье —
Быть может — — полное Чумы!

(Входит старый священник.)

С в я щ е н н и к .

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной!
Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц молюсь я на кладбище,—
А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов—и землю
Над мертвыми телами потрясают!
Когда бы стариков и жен моленья
Не освятили общей, смертной ямы—
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

Н е с к о л ь к о г о л о с о в .

Он мастерски об аде говорит!
Ступай, старик! ступай своей дорогой!

С в я щ е н н и к .

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души—
Ступайте по своим домам!

П р е д с е д а т е л ь .

Домà

У нас печальны—юность любит радость.

С в я щ е н н и к.

Ты ль это, Вальсингам? Ты ль самый тот,
Кто три тому недели, на коленях,
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над ее могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких воздыханий?
Ступай за мной!

П р е д с е д а т е л ь.

Зачем приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не должен
Я за тобой идти: я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознаньем беззаконья моего
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю—
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня господь)
Погибшего—но милого созданья...
Тень матери не вызовет меня
Отселе—поздно—слышу голос твой,
Меня зовущий—признаю усилья
Меня спасти... старик! иди же с миром,
Но проклят будь, кто за тобой пойдет!

Многие.

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошел! пошел!

Священник.

Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель *(встает)*.

Клянись же мне, с поднятой к небесам—
Увядшей, бледною рукой—оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!
О, если б от очей ее бессмертных
Скрыть это зрелище! меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным—
И знала рай в объятиях моих...
Где я? Святое чадо света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не достигнет уже....

Женский голос.

Он сумасшедший:
Он бредит о жене похороненной!

Священник.

Пойдем, пойдем...

Председатель.

Отец мой, ради бога,
Оставь меня!

С в я щ е н н и к .

Спаси тебя господь!

Прости, мой сын.

*(Уходит. Пир продолжается. Председатель
остается, погруженный в глубокую
задумчивость.)*

〈P Y C A J E A〉

Берег Днепра. Мельница

Мельник, дочь его.

М е л ь н и к.

Ох, то-то все вы, девки молодые,
Все глупы вы. Уж если подвернулся
К вам человек завидный, не простой,
Так должно вам его себе упрочить.
А чем? разумным, честным поведением,
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь обиняком
О свадьбе заговаривать—а пуще
Беречь свою девическую честь—
Бесценное сокровище; она—
Что слово—раз упустишь, не воротишь.
А коли нет на свадьбу уж надежды,
То всё-таки, по крайней мере, можно
Какой-нибудь барыш себе—иль пользу
Родным да выгадать; подумать надо:
«Не вечно ж будет он меня любить
И баловать меня». — Да нет! куда
Вам помышлять о добром деле! кстати ль?
Вы тотчас одуреете; вы рады
Исполнить даром прихоти его,

Готовы целый день висеть на шее
У милого дружка—а милый друг
Глядь и пропал, и след простыл; а вы
Остались ни с чем; ох, все вы глупы!
Не говорил ли я тебе сто раз:
Эй, дочь, смотри; не будь такая дура,
Не прозевай ты счастья своего,
Не упускай ты князя, да спроста
Не погуби самой себя.—Что ж вышло?..
Сиди теперь, да вечно плачь о том,
Чего уж не воротишь.

Д о ч ь.

Почему же
Ты думаешь, что бросил он меня?

М е л ь н и к.

Как, почему? да сколько раз, бывало,
В неделю он на мельницу ездил?
А? всякой божий день, а иногда
И дважды в день—а там всё реже, реже
Стал приезжать—и вот девятый день
Как не видали мы его. Что скажешь?

Д о ч ь.

Он занят; мало ль у него заботы?
Ведь он не мельник—за него не станет
Вода работать. Часто он твердит,
Что всех трудов его труды тяжеле.

М е л ь н и к.

Да, верь ему. Когда князя трудятся,
И что их труд? травить лисиц и зайцев,
Да пировать, да обижать соседей,
Да подговаривать вас, бедных дур.
Он сам работает; куда как жалко!
А за меня вода!.. а мне покою
Ни днем, ни ночью нет, а там посмотришь:
То здесь, то там нужна еще починка—
Где гниль, где течь.— Вот если б ты у князя
Умела выпросить на перестройку
Хоть несколько деньжонок, было б лучше.

Д о ч ь.

Ах!

М е л ь н и к.

Что такое?

Д о ч ь

Чу! я слышу топот
Его коня... Он, он!

М е л ь н и к.

Смотри же, дочь,
Не забывай моих советов, помни...

Д о ч ь.

Вот он, вот он.

(Входит князь. Конюший уводит его коня.)

К н я з ь .

Здорово, милый друг.—
Здорово, мельник.

М е л ь н и к .

Милостивый князь,
Добро пожаловать. Давно, давно
Твоих очей мы светлых не видали.
Пойду тебе готовить угощенье.

(Уходит.)

Д о ч ь .

Ах, наконец, ты вспомнил обо мне!
Не стыдно ли тебе так долго мучить
Меня пустым, жестоким ожиданьем?
Чего мне в голову ни приходило?
Каким себя я страхом ни пугала?
То думала, что конь тебя занес
В болото или пропасть, что медведь
Тебя в лесу дремучем одолел,
Что болен ты, что разлюбил меня—
Но слава богу! жив ты, невредим,
И любишь всё попрежнему меня,
Не правда ли?

К н я з ь .

Попрежнему, мой ангел.
Нет, больше прежнего—

⟨ О н а . ⟩

Однако ты
Печален; что с тобою?

К н я з ь .

Я печален?
Тебе так показалось—нет, я весел
Всегда, когда тебя лишь вижу. —

О н а .

Нет,

Когда ты весел, издали ко мне
Спешишь и кличешь—где моя голубка,
Что делает она? а там целуешь
И вопрошаешь: рада ль я тебе
И ожидала ли тебя так рано—
А нынче—слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь, не целуешь в очи;
Ты чем-нибудь встревожен верно. Чем же?
Уж на меня не сердись ли ты?

К н я з ь .

Я не хочу притворствовать напрасно.
Ты права: в сердце я ношу печаль
Тяжелую—и ты ее не можешь
Ни ласками любовными рассеять,
Ни облегчить, ни даже разделить.—

О н а .

Но больно мне с тобою не грустить
Одною грустью—тайну мне поведай.

Позволишь — буду плакать; не позволишь, —
Ни слезкой я тебе не досажу.

К н я з ь.

Зачем мне медлить? чем скорей, тем лучше.
Мой милый друг, ты знаешь, нет на свете
Блаженства прочного: ни знатный род,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто беды не может миновать.
И мы — не правда ли, моя голубка? —
Мы были счастливы; по крайней мере
Я счастлив был тобой, твоей любовью
И что вперед со мною ни случится,
Где б ни был я, всегда я буду помнить
Тебя, мой друг; того, что я теряю
Ничто на свете мне не заменит.

О н а.

Я слов твоих еще не понимаю,
Но уж мне страшно. Нам судьба грозит,
Готовит нам неведомое горе,
Разлуку, может быть?

К н я з ь.

Ты угадала,
Разлука нам судьбою суждена.

О н а.

Кто нас разлучит? разве за тобою
Идти во след я всюду не властна?

Я мальчиком оденусь. Верно буду
Тебе служить, дорогою, в походе
Иль на войне—войны я не боюсь—
Лишь видела б тебя.—Нет, нет, не верю!
Иль выведать мои ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь.

К н я з ь.

Нет, шутки мне на ум нейдут сегодня;
Выведывать тебя не нужно мне;
Не снаряжаюсь я ни в дальний путь,
Ни на войну.—Я дома остаюсь,
Но должен я с тобой навек проститься.

О н а.

Постой, теперь я понимаю всё...
Ты женишься? (*Князь молчит.*) Ты женишься!..

К н я з ь.

Что делать?

Сама ты рассуди. Князя не вольны,
Как девицы—не по сердцу они
Себе подруг берут, а по расчетам
Иных людей, для выгоды чужой—
Твою печаль утешит бог и время;
Не забывай меня; возьми на память
Повязку—дай, тебе я сам надену.
Еще с собой привез я ожерелье—

Возьми его.— Да вот еще: отцу
Я это посулил. Отдай ему.

(Дает ей в руки мешок с золотом.)

Прощай.—

О н а.

Постой; тебе сказать должна я...

Не помню что...

К н я з ь.

Припомни.

О н а.

Для тебя

Я всё готова... нет не то... Постой—

Нельзя, чтобы навеки в самом деле

Меня ты кинуть мог... *(Нет.—)* Всё не то...

Да!.. вспомнила: сегодня у меня

Ребенок твой под сердцем шевельнулся.

К н я з ь.

Несчастливая! как быть? хоть для него

Побереги себя; я не оставлю

Ни твоего ребенка, ни тебя.

Современем, быть может, сам приеду

Вас навестить. Утешься, не крушися.

Дай обниму тебя в последний раз.

(Уходя.)

Ух! кончено—душе как будто легче.

Я бури ждал, но дело обошлось
Довольно тихо.

(Уходит. Она остается неподвижною.)

М е л ь н и к, *входит.*

Не угодно ль, [князь,]
Пожаловать на мельницу... Да где же он?
Скажи, где князь наш? ба, ба, ба! какая
Повязка! вся в камнях дорогих!
Так и горит! и бусы!.. Ну, скажу,
Подарок царский. Ах, он благодетель!
А это что? мошонка! уж не деньги ль?
Да что же ты стоишь, не отвечаешь,
Не вымолвишь словечка? али ты
От радости нежданной одурела,
Иль на тебя столбняк нашел?

Д о ч ь.

Не верю,
Не может быть. Я так его любила,
Или он зверь? иль сердце у него
Косматое?

М е л ь н и к.

О ком ты говоришь?

Д о ч ь.

Скажи, родимый, как могла его
Я прогневить? в одну недельку разве
Моя краса пропала? иль его
Отравой опоили?

М е л ь н и к.

Что с тобою?

Д о ч ь.

Родимый, он уехал.— Вон он скачет! —
И я, безумная, его пустила,
Я за полы его не уцепилась,
Я не повисла на узде коня!
Пускай же б он с досады отрубил
Мне руки по локоть, пускай бы тут же
Он растоптал меня своим конем!

М е л ь н и к.

[Ты бредишь?]

Д о ч ь.

Видишь ли, князя не вольны,
Как девицы, не по сердцу они
Берут жену себе... а вольно им,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: тебя я повезу
В мой светлый терем, в тайную светлицу
И наряжу в парчу и в бархат алый.
Им вольно бедных девушек учить
С полуночи на свист их подыматься,
И до зари за мельницей сидеть —
Им любо сердце княжеское тешить
Бедами нашими, а там прощай,
Ступай, голубушка, куда захочешь,
Люби, кого замыслишь.

М е л ь н и к.

Вот в чем дело.

Д о ч ь.

Да кто ж (скажи) невеста?—на кого
Он променял меня? (но) я узнаю,
Я доберусь—я ей скажу, злодейке:
Отстань от князя, видишь, две волчихи
Не водятся в одном овраге.

М е л ь н и к.

Дура!

Уж если князь берет себе невесту,
Кто может помешать ему? Вот то-то.
Не говорил ли я тебе...

Д о ч ь.

И мог он

Как добрый человек со мной прощаться,
И мне давать подарки—каково!—
И деньги! выкупить себя он думал!
Он мне хотел язык засеребрить,
Чтоб не прошла о нем худая слава
И не дошла до молодой жены.
Да, бишь, забыла я—тебе отдать
Велел он это серебро, за то,
Что был хорош ты до него, что дочку
За ним пускал таскаться, что ее
Держал не строго... В прок тебе пойдет
Моя погибель. *(Отдает ему мешок.)*

О т е ц *(в слезах)*.

До чего я дожил!
Что бог привел услышать.—Грех тебе
Так горько упрекать отца родного.
Одно дитя ты у меня на свете,
Одна отрада в старости моей.
Как было мне тебя не баловать?
Бог наказал меня за то, что слабо
Я выполнил отцовский долг.

Д о ч ь.

Ох, душно!
Холодная змея мне шею давит!..
Змеей, змеєю он меня *(опутал)*
Не жемчугом!.. *(Рвет с себя жемчуг.)*

(М е л ь н и к.)

Опомнись.

(Д о ч ь.)

Так бы я
Разорвала тебя, змею-злодейку,
Проклятую разлучницу мою!

М е л ь н и к.

Ты бредишь, право, бредишь.

Д о ч ь *(сымает с себя повязку)*.

Вот венец мой,
Венец позора! вот чем нас венчал

Лукавый враг, когда я отреклася
Ото всего, чем прежде дорожила.
Мы развенчались. — Сгинь ты, мой венец!

(Бросает повязку в Днепр.)

Теперь всё кончено...

(Бросается в реку.)

С т а р и к, падая.

Ох, горе, горе!

Княжеский терем

Свадьба. Молодые сидят за столом. Гости.
Хор девушек.

С в а т.

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, князь с княгиней молодой!
Дай вам бог жить в любви да совете,
А нам у вас почаще пировать.
Что ж, красные девицы, вы примолкли?
Что ж, белые лебёдушки, притихли?
Али все песенки вы перепели?
Аль горлышки от пенья пересохли?

Х о р.

Сватушка, сватушка,
Бестолковой сватушка!
По невесту ехали —
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Верее молилися:
Верее ль, вереюшка,
Укажи дороженьку

По невесту ехати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся;
В мошне денежка шевелится,
К красным девушкам норовится.

С в а т.

Насмешницы, уж выбрали вы песню! —
На, на, возьмите, не корите свата.

(Дарит девушек.)

О д и н г о л о с.

По камушкам, по желтому песочку
Пробегала быстрая речка,
В быстрой речке гуляют две рыбки,
Две рыбки, две малые плотицы.
А слышала ль ты, рыбка-сестрица,
Про вести-то наши, про речные?
Как вечер у нас красна девица топилась,
Утопая, мила друга проклинала?

С в а т.

Красавицы! да это что за песня?
Она, кажись, не свадебная; нет.
Кто выбрал эту песню? а?

Д е в у ш к и.

Не я —

Не я — не мы...

С в а т.

Да кто ж пропел ее?

(Шопот и смятение между девушками.)

К н я з ь.

Я знаю кто.

(Встает изо стола и говорит тихо конюшему.)

〈То〉 мельничиха здесь

Скорее выведи ее. Да сведай,

Кто смел ее впустить.

(Конюший подходит к девушкам.)

К н я з ь, *садится, про себя.*

Она, пожалуй,

Готова здесь наделать столько шума,

Что со стыда не буду знать, куда

И спрятаться.

К о н ю ш и й.

Я не нашел ее.

К н я з ь.

Ищи. Она, я знаю, здесь. Она

Пропела эту песню.

Г о с т ь.

Ай да мед!

И в голову и в ноги так и бьет —

Жаль — горек: подсластить его б не худо.

(Молодые целуются. Слышен слабый крик.)

Князь.

Она! вот крик ее ревнивый. (*Конюшему.*) Что?

Конюший

Я не нашел ее нигде.

Князь.

Дурак.

Дружко, *вставая.*

Не время ль нам княгиню выдать мужу,
Да молодых в дверях осыпать хмелем?

(*Все встают.*)

Сваха.

Вестимо, время. Дайте ж петуха.

(*Молодых кормят жареным петухом, потом осыпают хмелем—и ведут в спальню.*)

Сваха.

Княгиня душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

(*Молодые уходят в спальню, гости все расходятся, кроме свахи и дружки.*)

Дружко.

Где чарочка?— всю ночь
Под окнами я буду разъезжать,
Так укрепиться мне вином не худо.

С в а х а, *наливает ему чарку.*
На, кушай, на здоровье.

Д р у ж к о.

Ух! спасибо.
Всё хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда.—

С в а х а.

Да, слава богу,
Всё хорошо—одно не хорошо.

Д р у ж к о.

А что?

С в а х а.

Да не к добру пропели песню
Не свадебную, а бог весть какую.

Д р у ж к о.

Уж эти девушки—никак нельзя им
Не попоказить.—Статочно ли дело
Мутить нарочно княжескую свадьбу.
Пойти-ко мне садиться на коня.
Прощай, кума.

(Уходит.)

С в а х а.

Ох, сердце не на месте!
Не в пору сладили мы эту свадьбу.

Светлица

Княгиня и мамка.

Княгиня.

Чу—кажется, трубят; нет, он не едет.
Ах, мамушка, как был он женихом,
Он от меня на шаг не отлучался,
С меня очей, бывало, не сводил.
Женился он, и всё пошло не так.
Теперь меня ранёшенько разбудит
И уж велит себе коня седлать;
Да до ночи, бог ведает, где ездит.
Воротится, чуть ласковое слово
Промолвит мне, чуть ласковой рукой
По белому лицу меня потреплет.

Мамка.

Княгинюшка, мужчина что петух:
Кири куку! мах мах крылом и прочь.
А женщина, что бедная наседка,
Сиди себе, да выводил цыплят.
Пока жених—уж он не насидится,
Ни пьёт, ни ест, глядит—не наглядится.
Женился—и заботы настают:

То надобно соседей навестить,
То на охоту ехать с соколами,
То на войну нелегкая несет,
Туда, сюда — а дома не сидится.

Княгиня.

Как думаешь? уж нет ли у него
Занобы тайной? —

Мамка.

Полно, не грехи:
Да на кого тебя он променяет?
Ты всем взяла: красою ненаглядной,
Обычаем и разумом. Подумай:
Ну в ком ему найти, как не в тебе,
Сокровища такого?

Княгиня.

Когда б услышал бог мои молитвы
И мне послал детей. К себе тогда б
Умела вновь я мужа привязать — — — —
А! полон двор охотниками. Муж
Домой приехал. Что ж его не видно?

(Входит ловчий.)

Что князь, где он?

Ловчий.

Князь приказал домой
Отъехать нам.

Княгиня.

А где ж он сам?

Ловчий.

Остался

Один в лесу на берегу Днепра.

Княгиня.

И князя вы осмелились оставить
Так одного; усердные вы слуги!
Сейчас назад, сейчас к нему скачите
Сказать ему, что я прислала вас. —

(Ловчий уходит.)

Ах, боже мой! в лесу ночной порою
И дикий зверь, и лютый человек,
И леший бродит — долго ль до беды.
Скорей зажги свечу перед иконой.

Мамка.

Бегу, мой свет, бегу — —

Днепр. Ночь

Р у с а л к и.

Веселой толпою
С глубокого дна
Мы ночью всплываем —
Нас греет луна.
Любо нам порой noctную
Дно речное покидать,
Любо вольной головою
Высь речную разрезать,
Подавать друг дружке голос,
Воздух звонкий раздражать,
И зеленый, влажный волос
В нем сушить и отряхать. —

О д н а.

Тише, тише! под кустами
Птички кроются (?) во мгле. —

Д р у г а я

Между месяцем и нами
Кто-то ходит по земле.

(Прячутся.)

Князь.

Невольню к этим грустным берегам
Меня влечет неведомая сила...
Всё здесь напоминает мне былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повесть.
Здесь некогда [любовь] меня встречала —
Свободная, [кипящая] любовь,—
Я счастлив был, безумец!.. и я мог
Так ветрено от счастья отказаться.
Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —
Вот мельница! Она уж развалилась;
Веселый шум ее колес умолкнул;
Стал жернов — видно, умер и старик.
Дочь бедную оплакал он не долго.
Тропинка тут вилась — она заглохла.
Давно-давно сюда никто не ходит —
Тут садик был с забором — неужели
Разросся он кудрявой этой рощей?
Ах, вот и дуб заветный, здесь она,
Обняв меня, поникла и умолкла — — —
Возможно ли?.. — —

(Идет к деревьям, листья сыплются.)

Что это значит? листья
Поблекнув вдруг свернулись и с шумом
Посыпались как пепел на меня.

Передо мной стоит он гол и черен,
Как дерево проклятое —
(Входит старик, в лохмотьях и полунагой.)

С т а р и к.
Здорово,
Здорово, зять —

К н я з ь.
Кто ты?

С т а р и к.
Я здешний ворон.

К н я з ь.
Возможно ль? Это мельник.

С т а р и к.
Что за мельник!
Я продал мельницу бесам запечным,
А денежки отдал на сохраненье
Русалке, вещей дочери моей.
Они в песку Днепра-реки зарыты,
Их рыбка-одноглазка стережет.

К н я з ь.
Несчастный, он помешан. Мысли в нем
Рассеяны как тучи после бури.

С т а р и к.
Зачем вечер ты не приехал к нам?
У нас был пир, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждал меня?

Старик.

Кто ждал? вестимо, дочь.
Ты знаешь, я на всё гляжу сквозь пальцы
И волю вам даю: сиди она
С тобою хоть всю ночь, до петухов,
Ни слова не скажу я.

Князь.

Бедный мельник!

Старик.

Какой я мельник, говорят тебе,
Я ворон, а не мельник. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
В реку, я побежал за нею следом
И с той скалы прыгнуть хотел, да вдруг
Почувствовал, два сильные крыла
Мне выросли внезапно из-под мышек
И в воздухе сдержали. С той поры
То здесь, то там летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилке
Сижу, да каркаю.

Князь.

Какая жалость!

Кто ж за тобою смотрит?

С т а р и к.

Да, за мною
Присматривать не худо. Стар я стал
И шаловлив. За мной, спасибо, смотрит
Русалочка.

К н я з ь.

Кто?

С т а р и к.

Внучка.

К н я з ь.

Невозможно
Понять его. Старик, ты здесь в лесу
Иль с голоду умрешь, или зверь тебя
Заест. Не хочешь ли пойти в мой терем
Со мною жить?

С т а р и к.

В твой терем? нет! спасибо!
Заманишь, а потом меня, пожалуй,
Удавишь ожерельем. Здесь я жив.
И сыт и волен. Не хочу в твой терем.
(Уходит.)

К н я з ь.

И этому всё я виною! Страшно
Ума лишиться. Легче умереть:

На мертвеца глядим мы с уваженьем,
Творим о нем молитвы. Смерть равняет
С ним каждого. Но человек, лишенный
Ума, становится не человеком.
Напрасно речь ему дана, не правит
Словами он; в нем брата своего
Зверь узнает, он людям в посмеянье;
Над ним всяк волен, бог его не судит.
Старик несчастный! вид его во мне
Раскаянья все муки растравил!

Л о в ч и й.

Вот он. Насилу-то его сыскали!—

К н я з ь.

Зачем вы здесь?

Л о в ч и й.

Княгиня нас послала.

Она боялась за тебя.

К н я з ь.

Несносна

Ее заботливость! иль я ребенок,
Что шагу мне ступить нельзя без няньки?
(Уходит. Русалки показываются над водой.)

Р у с а л к и.

Что сестрицы? в поле чистом
Не догнать ли их скорей?

Плеском, хохотом и свистом
Не пугнуть ли их коней?
Поздно. Рощи потемнели,
Холодеет глубина,
Петухи в селе пропели,
Закатилась луна — —

О д н а.

Погодим еще, сестрица.

Д р у г а я.

Нет, пора, пора, пора,
Ожидает нас царица,
Наша строгая сестра.—

(Скрываются.)

Днепровское дно

(*Терем русалок.*)

Русалки прядут около своей царицы.

С т а р ш а я р у с а л к а .

Оставьте пряжу, сестры. Солнце село.
Столбом луна блестит над нами. Полно,
Плывите вверх под небом поиграть,
Да никого не трогайте сегодня:
Ни пешехода щекотать не смейте,
Ни рыбакам их невод отягчать
Травой и тиной, ни ребенка в воду
Заманивать рассказами о рыбках.

(*Входит Русалочка.*)

Где ты была?

Д о ч ь .

На землю выходила
Я к дедушке. — Всё просит он меня
Со дна реки собрать ему те деньги,
Которые когда-то в воду к нам
Он побросал. — Я долго их искала;
А что такое деньги, я не знаю —
Однако же я вынесла ему

Пригоршню ракушек самоцветных:
Он очень был им рад.

Р у с а л к а.

Безумный скряга!

Послушай, дочка. Нынче на тебя
Надеюсь я. На берег наш сегодня
Придет мужчина. Стереди его
И выдь ему навстречу. Он нам близок,
Он твой отец.

Д о ч ь.

Тот самый, что тебя
Покинул и на женщине женился?

Р у с а л к а.

Он сам; к нему нежнее приласкайся
И расскажи всё то, что от меня
Ты знаешь про свое рождение; таюже
И про меня. И если спросит он
Забыла ль я его иль нет, скажи,
Что всё его я помню и люблю
И жду к себе. Ты поняла меня?

Д о ч ь.

О, поняла.

Р у с а л к а.

Ступай же.

(Одна.)

С той поры,
Как бросилась без памяти я в воду

Отчаянной и презренной девчонкой,
И в глубине Днепра-реки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло семь долгих лет...
Я каждый день о мщеньи помышляю,
И ныне, кажется, мой час настал.

Берег

К н я з ь.

Печальные, печальные мечты
Вчерашняя мне встреча оживила.
Отец несчастный! как ужасен он!
Авось опять его сегодня встречу,
И согласится он оставить лес
И к нам переселиться...

(Русалочка выходит на берег.)

Что я вижу!

Откуда ты, прекрасное дитя?

(.)

**〈СЦЕНЫ
ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН〉**

М а р т ы н.

Послушай, Франц: в последний раз говорю тебе как отец: я долго терпел твои проказы; а долее терпеть не намерен. Уймись, или худо будет.

Ф р а н ц.

Помилуй, батюшка; за что ты на меня сердишься? Я, кажется, ничего не делаю.

М а р т ы н.

Ничего не делаю! то-то и худо, что ничего не делаешь. Ты ленивец, даром хлеб ешь, да небо коптишь. На что ты надеешься? на мое богатство? Да разве я разбогател, сложа руки да сочиняя глупые песни? Как минуло мне четырнадцать лет, покойный отец дал мне два крейцера в руку, да два пинка в гузно, да промолвил: ступай-ка, Мартын, сам кормиться, а мне и без тебя тяжело. С той поры мы уж и не видались; слава богу, нажил я себе и дом, и деньги, и честное имя — а чем? бережливостию, терпением, трудолюбием. Вот уж мне и за пятьдесят, и пора бы уж отдохнуть да тебе передать и счетные книги и весь дом. А могу ли о том и подумать? Какую

могу иметь к тебе доверенность? Тебе бы только гулять с господами, которые нас презирают, да забирают в долг товары. Я знаю тебя, ты стыдишься своего состояния.—Но слушай, Франц. Коли ты не переменишься, не отстанешь от дворян, да не примешься порядком за свое дело—то, видит бог, выгоню тебя из дому, а своим наследником назначу Карла Герца, моего подмастерья.—

Ф р а н ц.

Твоя воля, батюшка; делай, как хочешь.

М а р т ы н.

То-то ж; смотри.—

(Входит брат Бертольд.)

М а р т ы н.

Вот и другой сумасброд. Зачем пожаловал?

Б е р т о л ь д.

Здравствуй, сосед. Мне до тебя нужда.

М а р т ы н.

Нужда! опять денег?

Б е р т о л ь д.

Да... не можешь ли одолжить полтораста гульденов?

М а р т ы н.

Как не так—где мне их взять? Я ведь не клад.

Б е р т о л ь д.

Пожалуй—не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадашие.

М а р т ы н.

Как не пропадашие? Мало ли я тебе передавал денег? куда они делись?

Б е р т о л ь д.

В дело пошли; но теперь прошу тебя уж в последний раз.

М а р т ы н.

Об этих последних разгах я слышу уж не в первый раз.

Б е р т о л ь д.

Нет, право. Последний мой опыт не удался от безделицы—теперь уж я все расчислил; опыт мой не может не удался.

М а р т ы н.

Эх, отец Бертольд! Коли бы ты не побросал в алхимический огонь всех денег, которые прошли через твои руки—то был бы богат. Ты сулишь мне сокровища, а сам приходишь ко мне за милостыней. Какой тут смысл?

Б е р т о л ь д.

Золота мне не нужно, я ищу одной истины.—

М а р т ы н.

А мне чорт ли в истине, мне нужно золото.

Б е р т о л ь д.

Так ты не хочешь поверить мне еще?

М а р т ы н.

Не могу и не хочу.—

Б е р т о л ь д.

Так прощай же, сосед.

М а р т ы н.

Прощай.

Б е р т о л ь д.

Пойду к барону Раулю, авось даст он мне денег.

М а р т ы н.

Барон Рауль? да где взять ему денег? Вассалы его разорены.—А слава богу, нынче на большой дороге не так-то легко наживаться.

Б е р т о л ь д.

Я думаю, у него деньги есть, потому что у герцога затевается турнир, и барон туда отправляется. Прощай.

М а р т ы н.

И ты думаешь, даст он тебе денег?

Б е р т о л ь д.

Может быть, и даст.

М а р т ы н.

И ты употребишь их на последний опыт?

Б е р т о л ь д.

Неприменно.

М а р т ы н.

А если опыт не удастся?

Б е р т о л ь д.

Нечего будет делать. Если и этот опыт не удастся, то алхимия вздор.—

М а р т ы н.

А если удастся?

Б е р т о л ь д.

Тогда... я возвращу тебе с лихвой и благодарностию все суммы, которые занял у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

М а р т ы н.

Зачем барону, а не мне?

Б е р т о л ь д.

И рад бы, да не могу: ты знаешь, что я обещался пресвятой богородице разделить мою тайну с тем, кто поможет мне при последнем и решительном моем опыте.

М а р т ы н.

Эх, отец Бертольд, охота тебе разоряться. Куда же ты?—постой! ну, так и быть. На этот раз дам тебе денег взаймы. Бог с тобою. Но смотри же, сдержи свое слово. Пусть этот опыт будет последним и решительным.

Б е р т о л ь д.

Не бойся. Другой уж не понадобится...

М а р т ы н.

Погоди же здесь; сейчас тебе вынесу—сколько, бишь, тебе надобно?

Б е р т о л ь д.

Полтораста гульденов.

М а р т ы н.

Полтораста гульденов... Боже мой! и еще в какие крутые времена.

Бертольд и Франц.

Б е р т о л ь д.

Здравствуй, Франц, о чем ты задумался?

Ф р а н ц.

Как мне не задумываться? сейчас отец грозился меня выгнать и лишить наследства.

Б е р т о л ь д.

За что это?

Ф р а н ц.

За то, что я [не люблю нашего состояния] и что я знакомство веду с рыцарями.

Б е р т о л ь д.

Он не совсем прав, да и не совсем виноват. —

Ф р а н ц.

Разве мещанин недостойн дышать одним воздухом с дворянином? Разве не все мы произошли от Адама?

Б е р т о л ь д.

Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель были первые братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем — и они не были равны перед богом. В первом семействе уже мы видим неравенство и зависть.

Ф р а н ц.

Виноват ли в том, что (не) люблю своего состояния? что честь для меня дороже денег?

Б е р т о л ь д.

Всякое состояние имеет свою честь и свою выгоду—дворянин воюет и красуется. Мещанин трудится и богатеет. Почтен дворянин за решеткою своей башни—купец в своей лавке...

(Входит Мартын.)

М а р т ы н.

Вот тебе полтораста гульденов—смотри ж, тешу тебя в последний раз.

Б е р т о л ь д.

Благодарен, очень благодарен. Увидишь, не будешь раскаиваться.

М а р т ы н.

Постой! ну, а если опыт твой тебе удастся, и у тебя будет и золота и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнью?

Б е р т о л ь д.

Займусь еще одним исследованием: мне кажется, есть средство открыть *perpetuum mobile*. *

* (Вечное движение.)

М а р т ы н.

Что такое *perpetuum mobile*?

Б е р т о л ь д.

Perpetuum mobile, то-есть *вечное движение*. Если найду вечное движение, то я не вижу границ творчеству человеческому... видишь ли, добрый мой Мартын: делать золото задача заманчивая, открытие, может быть, любопытное — но найти *perpetuum mobile*... о!..

М а р т ы н.

Убирайся к чорту с твоим *perpetuum mobile*!.. Ей-богу, отец Бертольд, ты хоть кого из терпения выведешь. Ты требуешь денег на дело, а говоришь бог знает что. Невозможно. Экий он сумасброд!

Б е р т о л ь д.

Экий он брюзга!

(Расходятся в разные стороны.)

Ф р а н ц.

Чорт побери наше состояние! — отец у меня богат — а мне какое дело? Дворянин, у которого нет ничего, кроме зазубренного меча да заржавленного шлема, счастливее и почетнее отца моего. Отец мой сымает перед ним шляпу — а тот и не смотрит на него. — Деньги! потому что

деньги достались ему не дешево, так он и думает, что в деньгах вся и сила.—Как не так!—если он так силен, попробуй отец ввести меня в баронский замок! деньги! деньги рыцарю не нужны—на то есть мещане—как прижмет их, так и забрызжет кровь червонцами — — чорт побери наше состояние!—да по мне лучше быть последним минстрелем—этого, по крайней мере, в замке принимают — — госпожа слушает его песни, наливает ему чашу и подносит из своих рук. — —

Купец, сидя за своими книгами, считает, считает—клянется, хитрит перед всяким покупщиком—«Ей-богу, сударь, самый лучший товар, дешевле нигде не найдете».—Врешь ты, жид.—«Никак нет, честию вас уверяю»... Честию! — — Хороша честь!—А рыцарь—он волен как сокол—он никогда не горбился над счетами—он идет прямо и гордо—он скажет слово, ему верят.

Да разве это жизнь?—Чорт ее побери!—Пойду лучше в минстрели.

Однако, что это сказал монах? Турнир в * и туда едет барон—ах, боже мой! там будет и Клотильда. Дамы обсядут кругом, трепеща за своих рыцарей—трубы затрубят—выступят герольды, рыцари объедут поле, преклоняя копья перед балконом своих красавиц— — трубы опять затрубят—рыцари разъедутся—помчатся друг на друга... дамы ахнут. — — Боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнире — никогда герольды

не возгласят моего имени, презренного мещанского имени—никогда Клотильда не ахнет...

Деньги! кабы знал он, как рыцари презирают нас, несмотря на наши деньги...

А л ь б е р.

А! это Франц, на кого ты раскричался?

Ф р а н ц.

Ах, сударь, вы меня слышали—я сам с собою рассуждал.—

А л ь б е р.

А о чем рассуждал ты сам с собою?

Ф р а н ц.

Я думал, как бы мне попасть на турнир.—

А л ь б е р.

Ты хочешь попасть на турнир?

Ф р а н ц. .

Точно так.

А л ь б е р.

Ничего нет легче—у меня умер мой конюший—хочешь ли на его место?

Ф р а н ц.

Как! бедный ваш Яков умер? Отчего ж он умер?

А л ь б е р .

Ей-богу, не знаю—в пятницу он был здоровешенек—вечером воротился я поздно (я был в гостях у Ремона и порядочно подпил)—Яков сказал что-то... я рассердился и ударил его—помнится, по щеке—а может быть и в висок—однако, нет: точно по щеке.—Яков повалился—да уж и не встал—я лег не раздевшись—а на другой день узнаю, что мой бедный Яков—умрѐ.

Ф р а н ц .

Ай, рыцарь! видно, пощечины ваши тяжелы.

А л ь б е р .

На мне была железная рукавица.—Ну что же, хочешь быть моим конюшим?

Ф р а н ц *(почесывается)*.

Вашим конюшим?

А л ь б е р .

Что же ты ~~почесываешься~~?—соглашайся.—Я возьму тебя на турнир,—ты будешь жить у меня в замке. Быть оруженосцем у такого рыцаря, как я, не шутка: ведь уж это ступень. Современем,—как знать—тебя посвятим и в рыцари—многие так начинали.

Ф р а н ц .

А что скажет мой отец?

А л ь б е р.

А ему какое дело до тебя?

Ф р а н ц.

Он меня наследства лишит.

А л ь б е р.

А ты плюнь—тебе ж будет легче.

Ф р а н ц.

И я буду жить у вас в замке? — —

А л ь б е р.

Конечно.—Ну, согласен?

Ф р а н ц.

Вы не будете давать мне пощечин?

А л ь б е р.

Нет, нет—не бойся—а хоть и случится такой грех—что за беда?—не все ж конюшие убиты до смерти.

Ф р а н ц.

И то правда: коли случится такой грех—посмотрим, кто кого...

А л ь б е р.

Что? что ты говоришь, я тебя не понял.

Ф р а н ц.

Так, я думал сам про себя.

А л ь б е р.

Ну, что ж—соглашайся.— —

Ф р а н ц.

Извольте—согласен.

А л ь б е р.

Нечего было и думать. Достань же себе лошадь и приходи ко мне.— —

Берта и Клотильда.

К л о т и л ь д а.

Берта, скажи мне что-нибудь, мне скучно.

Б е р т а.

О чем же я буду вам говорить?—не о нашем ли рыцаре?

К л о т и л ь д а.

О каком рыцаре?

Б е р т а.

О том, который остался победителем на турнире.—

К л о т и л ь д а.

О графе Ротенфельде. Нет, я не хочу говорить о нем; вот уже две недели, как мы возвратились — а он и не думал приехать к нам; это с его стороны неучтивость.—

Б е р т а.

Погодите — я уверена, что он будет завтра...

К л о т и л ь д а.

Почему ты так думаешь?

Б е р т а.

Потому, что я его во сне видела.

К л о т и л ь д а.

И, боже мой! это ничего не значит. Я всякую ночь вижу его во сне.

Б е р т а.

Это совсем другое дело — вы в него влюблены.

К л о т и л ь д а.

Я влюблена! прошу пустяков не говорить.— Да и про графа Ротенфельда толковать тебе нечего.— Говори мне о ком-нибудь другом.

Б е р т а.

О ком же? О конюшем братца, о Франце?

К л о т и л ь д а.

Пожалуй, говори мне о Франце.

Б е р т а.

Вообразите, сударыня, что он от вас без ума.

К л о т и л ь д а.

Франц от меня без ума?—кто тебе это сказал?

Б е р т а.

Никто, я сама заметила; когда вы садитесь верхом, он всегда держит вам стремя; когда служит за столом, он не видит никого, кроме вас; если вы уроните платок, он всех проворнее его подымет—а на нас и не смотрит.— —

К л о т и л ь д а.

Или ты дура, или Франц пререзкая тварь.— —

(Входят Альбер, Ротенфельд и Франц.)

А л ь б е р.

Сестра, представляю тебе твоего рыцаря, граф приехал погостить в нашем замке.

Г р а ф.

Позвольте, благородная девица, недостойному вашему рыцарю еще раз поцеловать ту прекрасную руку, из которой получил я драгоценнейшую награду.

К л о т и л ь д а.

Граф, я рада, что имею честь принимать вас у себя... Братец, я буду вас ожидать в северной башне.— — *(Уходит.)*

Г р а ф.

Как она прекрасна!

А л ь б е р.

Она предобрая девушка. Граф, что же вы не раздеваетесь—где ваши слуги? Франц! разуи графа. *(Франц медлит.)* Франц, разве ты глух?

Ф р а н ц.

Я не всемирный слуга, чтобы всякого разувать.— —

Г р а ф.

Ого, какой удалец!

А л ь б е р.

Грубиян! *(замахивается)* я тебя прогоню!

Ф р а н ц.

Я сам готов оставить замок.

А л ь б е р.

Мужик, подлая тварь! извините, граф, я с ним управлюсь — — Вон!.. *(Толкает его в спину.)* Чтобы духу твоего здесь не было!—

Г р а ф.

Пожалуйста, не трогайте этого дурака; он, право, не стоит...

К л о т и л ь д а.

Братец, мне до тебя просьба.

А л ь б е р.

Чего ты хочешь?

К л о т и л ь д а.

Пожалуйста, прогони своего конюшего Франца, он осмелился мне нагрубить...

А л ь б е р.

Как! и тебе?.. Жаль же, что я уж его прогнал; он от меня так скоро б не отделался.—Да что ж он сделал?

К л о т и л ь д а.

Так, ничего. Если ты уж его прогнал, так нечего и говорить.—Скажи, братец, долго ли граф пробудет у нас?

А л ь б е р.

Думаю, сестра, что это будет зависеть от тебя.—Что ж ты краснеешь?..

К л о т и л ь д а.

Ты всё шутишь — а он и не думает...

А л ь б е р.

Не думает? о чем же?

К л о т и л ь д а.

Ах, братец, какой ты несносный! — Я говорю, что граф обо мне и не думает. —

А л ь б е р.

Посмотрим, посмотрим — что будет, то будет.

Ф р а н ц.

Вот наш домик... Зачем было мне оставлять его для гордого замка? — Здесь я был хозяин, — а там — слуга... и для чего?.. для гордых взоров наглой, благородной девицы. — Я переносил унижения, я унился в глазах моих — я сделался слугою того, кто был моим товарищем, я привык сносить детские обиды глупого, избалованного повесы — — я не примечал ничего... Я, который не хотел зависеть от отца — я стал зависим от чужого — — И чем это всё кончилось? — боже — кровь кидается в лицо — кулаки мои сжимаются... О, я им отомщу, отомщу...

Как-то примет меня отец? *(Стучится.)*

К а р л (выходит).

Кто там так бодро стучит?—А, Франц, это ты.—
(Про себя.) Вот черт принес! —

Ф р а н ц.

Здравствуй, Карл; отец дома?

К а р л.

Ах, Франц—давно же ты здесь не был — —
Отец твой с месяц как уж помер.

Ф р а н ц.

Боже мой! что ты говоришь?.. Отец мой умер!—
Невозможно.

К а р л.

Так-то возможно, что его и схоронили.

Ф р а н ц.

Бедный, бедный старик!.. И мне не дали знать,
что он болен—может быть, он умер с горести—
он меня любил; он чувствовал сильно. Карл—
и ты не мог послать за мною!—он меня бы бла-
гословил.—

К а р л.

Он осердился на приказчика и выпил сгоряча
три бутылки пива, оттого и умер. Знаешь ли что
еще, Франц? Ведь он лишил тебя наследства—
а отдал всё свое имение...

Ф р а н ц.

Кому?

К а р л.

Не смею тебе сказать — ты такой вспылчивый —

Ф р а н ц.

Знаю: тебе...

К а р л.

Бог видит, я не виноват. — Я готов был бы тебе всё отдать — — потому что, видишь ли, хоть закон и на моей стороне — однако, вот, по совести, чувствую, что всё-таки сын наследник отца, а не подмастерье... Но, видишь, Франц — — — я ждал тебя, а ты не приходил — я и женился — — а вот теперь, как женат, уж я и не знаю, что делать... и как быть. — —

Ф р а н ц.

Владей себе моим наследством, Карл, я у тебя его не требую. — На ком ты женат?

К а р л.

На Юлии Фурст, мой добрый Франц, на дочери Иоганна Фурста, нашего соседа — — я тебе ее покажу. Если хочешь остаться, то у меня есть порожний уголок...

Ф р а н ц.

Нет, благодарствуй, Карл — кланяйся Юлии — и вот отдай ей эту серебряную цепочку — от меня на память...

К а р л.

Добрый Франц! — Хочешь с нами отобедать? — мы только что сели за стол.

Ф р а н ц.

Не могу, я спешу...

К а р л.

Куда же?

Ф р а н ц.

Так, сам не знаю — прощай.

К а р л.

Прощай, бог тебе помоги — (*Франц уходит.*)
А какой он добрый малый — и как жаль, что он такой беспутный! — Ну, теперь я совершенно покоен; у меня не будет ни тяжбы, ни хлопот.

Вассалы, вооруженные косами и дубинами.

Ф р а н ц.

Они проедут через эту лужайку — смотрите же, не робеть; — подпустите их как можно ближе,

продолжая косить—рыцари на вас гаркнут и на-
скачут—тут вы размахнитесь косами, по лошади-
ным ногам—а мы из лесу и приударим... чу!..—
Вот они.

(Франц с частью вассалов скрывается за лес.)

К о с а р и, поют.

Ходит вò поле коса.

Зеленая полоса

Вслед за ней ложится—

Ой, ходи, моя коса.

Сердце веселится —

(Несколько рыцарей, между ними Альбер и Ротенфельд.)

Р ы ц а р и.

Гей, вы—долой с дороги!

(Вассалы снимают шляпы и не трогаются.)

А л ь б е р.

Долой, говорят вам!.. Что это значит, Ротен-
фельд? они ни с места.

Р о т е н ф е л ь д.

А вот, пришпорим лошадей, да потопчем их
порядком...

К о с а р и.

Ребята, не робеть...

*(Лошади раненые падают с седоками, другие
бесятся.)*

Ф р а н ц *(бросается из засады)*.
Вперед, ребята! у! у!..

О д и н р ы ц а р ь, *другому*.
Плохо, брат—их более ста человек.—

Д р у г о й.
Ничего, нас еще пятеро верхами.—

Р ы ц а р и.
Подлецы, собаки, вот мы вас!

В а с с а л ы.
У! у! у!
(Сражение. Все рыцари падают один за другим.)

В а с с а л ы *(бьют их дубинами, косами)*.
Наша взяла!.. Кровопийцы! разбойники! гордецы поганые! теперь вы в наших руках...

Ф р а н ц.
Который из них Ротенфельд?—друзья, подымите забрала—где Альбер?
(Едет другая толпа рыцарей.)

О д и н и з н и х.
Господа! посмотрите, что это значит? здесь дерутся.—

Д р у г о й.

Это бунт—подлый народ бьет рыцарей...

Р ы ц а р и.

Господа! господа! копыя в упор!.. Пришпоривай!..

(Наехавшие рыцари нападают на вассалов.)

В а с с а л ы.

Беда! беда! это рыцари!.. *(Разбегаются.)*

Ф р а н ц.

Куда вы! оглянитесь, их нет и десяти человек!..

(Он ранен; рыцарь хватает его за ворот.)

Р ы ц а р ь.

Постой, брат... Успеешь им проповедать.

Д р у г о й.

И эти подлые твари могли победить благородных рыцарей—смотрите—один, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужас!

(Лежащие рыцари встают один за другим.)

Р ы ц а р и.

Как! вы живы?

А л ь б е р.

Благодаря железным латам... *(Все смеются.)*
Ага! Франц, это ты,—дружок? Очень рад, что встречаю тебя... Господа рыцари! благодарим за великодушную помощь.

О д и н и з р ы ц а р е й.

Не за что; на нашем месте вы бы сделали то же самое —

А л ь б е р.

Смею ли просить вас в мой замок дня на три, отдохнуть после сражения и дружески попировать.

Р ы ц а р и.

Извините, что не можем воспользоваться вашим благородным гостеприимством. Мы спешим на похороны Эльсбергского принца—и боимся опоздать...

А л ь б е р.

По крайней мере—сделайте мне честь у меня отужинать.

Р ы ц а р и.

С удовольствием — — Но у вас нет лошадей — позвольте предложить вам наших — — мы сядем за вами, как освобожденные красавицы *(Са-*

дятся.) А этого молодца, так и быть, довезем уж до первой виселицы... Господа, помогите его привязать к репице моей лошади...

Замок Ротенфельда

Рыцари ужинают.

Один рыцарь.

Славное вино!

Ротенфельд.

Ему более ста лет... Прадед мой поставил его в погреб, отправляясь в Палестину, где и остался; этот поход ему стоил двух замков и ротенфельдской рощи, которую продал он за бесценок какому-то епископу.

Рыцарь.

Славное вино!—За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!..

Рыцари.

За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!..

Клотильда.

Благодарю вас, рыцари... За здоровье ваших дам... *(Пьет)*.

Ротенфельд.

За здоровье наших избавителей!

Рыцари.

За здоровье наших избавителей!

Один из рыцарей.

Ротенфельд! праздник ваш прекрасен; но ему чего-то недостает.— —

Ротенфельд.

Знаю, кипрского вина; что делать— всё вышло на прошлой неделе.

Рыцарь.

Нет, не кипрского вина; недостает песен миннезингера.—

Ротенфельд.

Правда, правда... Нет ли в соседстве миннезингера? ступайте-ка в гостиницу...

Альбер.

Да чего ж нам лучше? Ведь Франц еще не повешен—кликнуть его сюда!

Ротенфельд.

И в самом деле, кликнуть сюда Франца!

Рыцарь.

Кто этот Франц?

Ротенфельд.

Да тот самый негодяй, которого вы взяли сегодня в плен.

Рыцарь.

Так он и миннезингер?

Альбер.

О! всё, что вам угодно. Вот он.

Ротенфельд.

Франц! рыцари хотят послушать твоих песен, коли страх не отшиб у тебя памяти, а голос еще не пропал.

Франц.

Чего мне бояться? Пожалуй, я вам спою песню моего сочинения. Голос мой не задрожит, и язык не отнялся.

Ротенфельд.

Посмотрим, посмотрим. Ну—начинай...

Франц *(поет)*.

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Он себе на шею четки
Вместо шарфа навязал,
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А. М. D.* своею кровью
Начертал он на щите.

И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины
Именуя громко дам,—

Lumen coeli, sancta rosa! **
Восклицал он, дик и рьян,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.

Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он строго заключен;

* (Ave Mater Dei — слава божьей матери.)

** (Свет небес, святая роза.)

Всё безмолвный, всё печальный,
Как безумец умер он.

(Восклицанья.)

Рыцари.

Славная песня; да она слишком заунывна.
Нет ли чего повеселее?

Франц.

Извольте; есть повеселее.

Ротенфельд.

Люблю за то, что не унывает!— Вот тебе кубок вина.

Франц.

Воротился ночью мельник...
Жонка! что за сапоги?—
Ах ты, пьяница, бездельник!
Где ты видишь сапоги?
Иль мутит тебя лукавый?
Это ведра.— Ведра? право?—
Вот уж сорок лет живу,
Ни во сне, ни на яву
Не видал до этих пор
Я нигде на ведрах шпор.

Рыцари.

Славная песня! прекрасная песня!— ай да миннезингер!

Ротенфельд.

А все-таки я тебя повешу.

Рыцари.

Конечно—песня песнею, а веревка веревкой.
Одно другому не мешает.

Клотильда.

Господа рыцари! я имею просьбу до вас—обещайтесь не отказать.—

Рыцарь.

Что изволите приказать?

Другой.

Мы готовы во всем повиноваться.

Клотильда.

Нельзя помиловать этого бедного человека?—
он уже довольно наказан и раной и страхом виселицы...

Ротенфельд.

Помиловать его!.. да вы не знаете подлого народа. Если не пугнуть их порядком да пощадить их предводителя, то они завтра же взбунтуются опять...

Клотильда.

Нет, я ручаюсь за Франца—Франц! не правда ли, что если тебя помилуют, то уже более бунтовать не станешь? —

Франц (в чрезвычайном смущении).
Сударыня... Сударыня...

Рыцарь.

Ну, Ротенфельд, — что дама требует, в том рыцарь не может отказать. Надобно его помирловать.

Рыцари.

Надобно его помиловать.

Ротенфельд.

Так и быть: мы его не повесим — но запрем его в тюрьму, и даю мое честное слово, что он до тех пор из нее не выдет, пока стены замка моего не подымутся на воздух и не разлетятся...

Рыцари.

Быть так...

Клотильда.

Однако...

Ротенфельд.

Сударыня, я дал честное слово.

Франц.

Как, вечное заключение! да по мне лучше умереть.

Ротенфельд.

Твоего мнения не спрашивают—отведите его в башню...

(Франца уводят.)

Франц.

Однако ж я ей обязан жизнью.

(.)

(Черновой план этой пьесы)

Un riche marchand de drap. Son fils (poète), amoureux d'une jeune demoiselle noble. Il fuit et se fait écuyer dans le château du père, vieux chevalier. La jeune demoiselle le dédaigne. Le frère arrive avec prétendent. Humiliation du jeune homme. Il est chassé par le frère à la prière de la demoiselle.

Il arrive chez le drapier. Colère et sermon du vieux bourgeois. Arrive frère Berthold. Le drapier le sermonne aussi. On saisit frère Berthold et on l'enferme en prison.

Berthold en prison s'occupe d'Alchimie—il découvre la poudre.—Révolte des paysans, fomentée par le jeune poète.—Siège du château. [Berthold] le fait sauter. Le chevalier—la médiocrité personnifiée—est tué d'une balle.

La pièce finit par des reflexions — et par l'arrivée de Faust sur la queue du diable (découverte de l'imprimerie, autre artillerie).*

* (Богатый торговец сукном. Сын его (поэт) влюблен в знатную девицу. Он бежит и становится конюхом в замке отца (девицы), старого рыцаря. Молодая девушка им пренебрегает. Является брат с претендентом (на ее руку.) Унижение молодого человека. Он выгнан братом по просьбе девушки.

Он приходит к суконщику. Гнев и увещания старого мещанина. Является брат Бертольд. Суконщик журит и его. Брата Бертольда хватают и сажают в тюрьму.

Бертольд в тюрьме занимается алхимией — он изобретает порох. — Восстание крестьян, возбужденное молодым поэтом. Осада замка. [Бертольд] взрывает его. Рыцарь — воплощенная посредственность — убит пулею. Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола (изобретение книгопечатания — своего рода артиллерии.)

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ

〈Из комедии об игроке〉

— Скажи, какой судьбой друг другу мы попались?
В одном углу живем — а месяц не видались.
Откуда и куда?

— Я шел к тебе, сестра—
Хотелось мне с тобой увидаться.

— Пора.

— Ей-богу, занят был —

— Да чем?

— Делами, службой.

Я, право, дорожу, сестра, твоею дружбой.

Люблю тебя душой, и рад бы иногда

С тобою посидеть... но видишь ли, беда —

Никак не съедемся — я дома, ты в карете.

. — Но мы могли бы в свете

Видаться каждый день.

Конечно, — я бы мог

Пуститься в [знатный свет]...

Нет, нет. Избави бог! —

По счастью модный круг теперь совсем не в моде.

Ты знаешь ли, (?) [мы жить привыкли] на свободе.

Не ездим в общества, не знаем наших дам,

Мы вас оставили на жертву [старикам],

Любезным баловням осьмнадцатого века —

А впрочем, — не найдешь живого человека
В отборном обществе...

— Хвалиться есть ли чем!

Что тут хорошего? Ну, я прощаю тем,
Которые, пускась в пятнадцать лет на волю,
Привыкли — как же быть — лишь к пороху [да к]
полю;

Казармы нравятся им больше наших зал —
Но ты, который век в биваках не жывал,
Который не видал походной пыли сроду —
Зачем перенимать у них пустую моду?
Какая нужда в том?

— В кругу своем они

О дельном говорят, читают Жомини.

— Да ты не читывал с тех пор, как ты родился.
Ты шлафорком одним, да трубкою пленился,
Ты жить не можешь там, где должен быть одет,
Где [вечно] не куришь, где только банка нет. —

(Наброски плана этой комедии.)

Вальберхова вдова — Сосницкий ее брат —
Брянский любовник Вальберховой—Рамазанов,
Боченков...—Сосницкий дает завтрак—изъясне-
ния—Пополам—Начинается игра—Сосницкий
всё проигрывает, гнет Величкина на карту—
отчаянье его.

Сосницкий и Вальберхова.

Вальберхова: Играл?—Играл—Долго ли тебе
быть бог знает где? Добро—либералы, да ты-то

что?—зачем не в свете?—Да вся молодежь. Вы все бранчивы—скучно, то ли дело, играть—Скоро ли отстанешь?—Никогда. Сестрица, милая (?), уезжай, у меня будет завтрак—Игра?—Нет—Прощай.

Сосницкий и Величкин.

Сосницкий—Карты. *Величкин*—проиграется—*Сосницкий*—Полно врать—я поспею —

Величкин и Брянский;—Брянский и Вальберхова—Брянский и Рамазанов—узнаёт—уговариваются.

Вальберхова: что за шум? *Величкин*: Играют. *Вальберхова*—а Брянский? *Величкин*: Там же. *Вальберхова*: Поди за Брянским. *Брянский и Вальберхова*—Я пополам—ему урок—он проигрывает. *Сосницкий* в отчаянии. *Брянский*—*Величкин* уговаривает—тот его ставит на карту—проигрывает—*Величкин* плачет. *Сосницкий*—также. *Брянский и Рамазанов*.—Конец.

Брянский, Рамазанов; Сосницкий: Вы здесь а мне ничего не сказали —

— Мочи нет устал—проигрался—

— Пора в театр; наш друг дает завтрак—он застрелится...

— Я шел к тебе, сестра.—Покорно благодарю, в одном доме мы неделю не видались, что ты

делал?—Занят был—сегодня я дома; уезжай, пожалуйста, тебе надо быть у тетки—я даю завтрак.—Бог знает какое общество, зачем тебя нет в свете и проч.

⟨В а д и м⟩

В а д и м.

Ты видел Новгород; ты слышал глас народа;
Скажи, Рогдай — жива ль славянская свобода?
Иль князя чуждого покорные рабы
Решились оправдать гонения судьбы?

Р о г д а й.

Вадим, надежда есть; народ нетерпеливый,
Старинной вольности питомец горделивый,
Досадуя, влачит позорный свой ярем;
Как иноземный гость, неведомый никем,
Являлся я в домах, на стогнах и на вече —
Вражду к правительству я зрел на каждой
встрече —

Уныние везде; торговли глас утих,
Встревожены умы, таится пламя в них.
Младые граждане кипят и негодуют —
Вадим, они тебя с надеждой именуют...

В а д и м.

Безумные... Давно ль они в глазах моих
Встречали торжеством властителей чужих

И вольные главы под иго преклоняли? —
Изгнанию моему давно ль рукоплескали?..
Теперь зовут меня — а завтра, может, вновь...
Неверна их вражда, неверна их любовь,
Но я не изменю —

〈Черновые планы трагедии о Вадиме.〉

Вадим влюблен; Рогнеда дочь Гостомысла; она невеста Громвала — славянина Рюрика.

Вадим и его шайка таятся близ могилы Гостомысла.

Вадим был во дворце и в городе и назначил свидание Рогнеде.

— Ты знаешь Громвала, зарежь его —

Рогнеда, раскаяние ее, воспоминания, является Вадим.

Рогнеда, Рюрик и Громвал.

Рюрик и Громвал — презренье к народу самовластья — Громвал его защищает.

Вадим в Новгороде на вече. Вестник — толпа — Рюрик! — Рогнеда открывает заговор — бунт — бой —

Вадим перед Рюриком —

Вадим и Громвал — свидание — друзья детства...

Вадим в мрачную ночь скрытый у могилы Гостомысла. —

Перевод из Ю. Бонжура

⟨Сын.⟩

Она меня зовет: поеду или нет?
Всё слезы, жалобы, упреки... мочи нет —
Откланяюсь, пора — она мне надоела.
К тому ж и без нее мне слишком много дела:
Я нынче отыскал за Каменным мостом
Вдову с племянницей, пойду туда пешком
Под видом будто бы невинного гулянья...
Ах! матушка идет... Предвижу увещанья —
А, здравствуйте, тамап — — —

⟨Мать.⟩

— Куда же ты, постой.—
Я шла к тебе, мой друг, мне надобно с тобой
О деле говорить.—

⟨Сын.⟩

— Я знал.

⟨Мать.⟩

— Возьми ж терпенье.
Мой друг, не нравится твое мне поведенье.—

⟨Сын.⟩

А в чем же?

⟨М а т ь.⟩

Да во всем — во-первых, ты жены
Не видишь никогда — вы как разведены.
Адель всегда одна — всё дома — ты в карете,
На скачке (?), в опере, на балах, вечно в свете —
Или уже нельзя с женою посидеть?

⟨С ы н.⟩

Да, право, некогда —

⟨М а т ь.⟩

— Ты дома б мог иметь
Обеды, вечера — ты должен бы представить
Жену свою везде... пора, пора исправить
Привычки прежние. Нельзя ли сам собой
Отвыкнуть, наконец, от жизни холостой?
Я сделаю тебе другое замечанье —
(.)

⟨Наброски плана этой комедии.⟩

А к т е I

Scène première: Derville reçoit un rendez-vous
[pour le soir] Derville et sa mère — exposition.
. Derville et sa femme, seule, Adèle et Char-
les. NB.

* ⟨А к т I

С ц е н а I. Дервилью назначено свидание [на вечер].
Дервиль и его мать — экспозиция.
Дервиль и его жена, одна. Адель и Шарль —NB.)

A c t e II

Scène V — Adèle seule — et une domestique,
qui apporte une miniature — Adèle seule

Scène VII — Adèle et sa belle mère — scène IX

A c t e III

Charles seul — sa cousine — le fuit

Scène II — Charles, Derville — et sa femme

Charles et M-me Derville — explications

Scène VIII — le mari — la belle mère

Scène IX — Charles seul — scène X

A c t e IV

Scène 5. Un billet — la belle mère — 6 —
M-r Derville (scènes) 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15

A c t e V

La dernière *

* (А к т II

С ц е н а 5. Адель одна — и служанка, приносящая ми-
ниатюру — Адель одна.

С ц е н а 7. Адель и ее свекровь —

С ц е н а 9.

А к т III

Шарль один — кузина его избегает.

С ц е н а 2. Шарль, Дerville и его жена

Шарль и госпожа Дerville — объяснения

С ц е н а 8. Муж, свекровь

С ц е н а 9. Шарль один.

С ц е н а 10.

А к т IV

С ц е н а 5. Записка — свекровь — 6 — господин Дerville—
(сцены) 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 —

А к т V

(Сцена) — последняя.

**〈Насилу выехать решились
из Москвы...〉**

— Насилу выехать решились из Москвы.
Здорова ль, душенька?

Здоровы ль, сударь, вы?

— Смешно: ни надписи, ни подписи — кому же?
Вдове? — не может быть! ну кто соперник мой?
А! верно Сонюшке! — смиреннице такой!
Пора [ей] хлопотать о (муже)

Ну, как живете в подмосковной?
Что Ольга Павловна?

— Мы ждали, ждали вас.

Мы думали, [ваш] жар любовный

Уж и погас — —

И с [бельведера] (вдаль) смотрели беспрестанно...
Не мчится, не (нрзбр)

— Спешить бы слишком было странно —

Я не любовник, а жених. —

А что ее сестра?

— [Ей], кажется, не скучно:

Эльвиrow с нею неразлучно —

— Ага —

— Вчера был здесь, сегодня ждем его —
Так точно, от него, что с вами?

— Ничего.

— Ей-богу сердце не на месте.

— Пожалуй, милая, вот это письмецо
Тихонько подложи...

— Кому?

— Моей невесте —

Да, Ольге Павловне — что смотришь мне в лицо?

Не прямо в руки ей, конечно —

Не проболтайся ж, друг сердечный.

[— Ей-богу, вас понять нельзя].

Она ведь знает вашу руку —

— Да [это написал не я].

— Вот что!.. вы выдумали штуку,

Хотите испытать невесту?

— Как не так!

Мне? ревновать? избави боже!

Но всё ж, дитя, я не дурак —

— А что же?

— Браслеты я купил — прикажешь — покажу?..

Вот Ольге Павловне обновка —

А знаешь ли, что я тебе (скажу?)

Дарю ее тебе, примерная плутовка.

— Помилуйте, да мне — и думать [я не] смела...

Мне совестно — я вся горю —

Покорно вас благодарю.

— Я так (нрзбр)

— Послушай!.. улетела!..

〈Через неделю буду в Париже...〉

Г р а ф и н я, *одна, держит письмо.*

«Через неделю буду в Париже непременно»...
Письмо от двенадцатого, сегодня осьмнадцатое;
он придет завтра! боже мой, что мне делать?

(Входит Дорвиль.)

Д о р в и л ь.

Здравствуйте, мой ангел, каково вам сегодня?
Послушайте, что я вам расскажу. Умора... Что
с вами? вы в слезах!

Г р а ф и н я.

Вы чудовище.

Д о р в и л ь.

Опять! ну что за беда? Всё дело останется
в тайне. Слава богу, никто ничего не подозре-
вает: все думают, что у вас водяная. На-днях
всё будет кончено. Вы для виду останетесь еще
недель шесть в своей комнате, потом опять яви-
тесь в свет, и все вам обрадуются.

Г р а ф и н я.

Удивляюсь вашему красноречию. А муж?

Д о р в и л ь.

Граф ничего не узнает. Мужья никогда ничего не узнают. Месяца через три он придет к нам из армии; мы примем его как ни в чем не бывало; одного боюсь: он в вас опять влюбится — и тогда...

Г р а ф и н я.

Прочтите это письмо.

Д о р в и л ь.

Ах, боже мой!

Г р а ф и н я.

Нечего глаза таращить. Я пропала — вы губили меня.

Д о р в и л ь.

Ангел мой! я в отчаянии, что с нами будет!

Г р а ф и н я.

С нами! с вами ничего не будет, а меня граф убьет.

Д о р в и л ь.

Кто его звал? Какая досада!

Г р а ф и н я.

Досада! вам досадно потому, что вам некуда будет ездить на вечер, пока не заведете себе другой любовницы (баронессы д'Овре, например. Несносная мигушка!). *(Передразнивает ее.)* Видите, что вы чудовище: я гибну, а вы смеетесь.

Д о р в и л ь.

Я не допущу его до Парижа; я поеду навстречу к графу. Мы поссоримся; я вызову его на дуэль и проколю его.

Г р а ф и н я.

Какой ужас! Я не позволю вам проколоть моего мужа. Он для меня был всегда так добр. Я перед ним кругом виновата; я могла забыть все свои обязанности, изменить ему... и для кого?.. Для изверга, который не посовестился... Оставьте меня; говорят вам, оставьте меня.

Д о р в и л ь.

Поезжайте в свою деревню, в Британию.

Г р а ф и н я.

Это зачем? разве граф за мною не поскачет?

Д о р в и л ь.

Скройте в мой замок.

Г р а ф и н я.

Вот еще! а шум? а соблазн? но, может быть, вам того и надобно. Вы хотите, чтоб весь свет узнал о моем бесчестии: самолюбие ваше того требует.

Д о р в и л ь.

Как вы несправедливы! но что же нам делать?

Г р а ф и н я.

Вот до чего довели вы меня! ах, Дорвиль! я говорила вам; вы не хотели мне верить; вы поставили на своем; посмотрите, что из этого вышло... Нечего ко мне ласкаться; подите прочь. Дорвиль, Дорвиль! перестаньте. Вы с ума сошли. Ах!.. Пойдите; какая прекрасная мысль!

Д о р в и л ь.

Что такое?

Г р а ф и н я.

Я умру со стыда, но нет иного способа.

Д о р в и л ь.

Что ж такое?

Г р а ф и н я.

После узнаете.

< >

〈«От этих знатных господ...»〉

— От этих знатных господ покою нет и нашему брату тюремщику. Простых людей, слава богу, мы вешаем каждую пятницу, и никогда с ними никаких хлопот. Прочтут им приговор, священник причастит их на скорую руку — дадут бутылку вина — коли есть жена или ребятишки, коли отец или мать еще живы, впустишь их на минуту, а чуть лишь слишком завоют или заболтаются, так и вон милости просим. На рассвете придет за ними Жак-палач, и всё кончено. А вот посадили к нам графа Конрада, так я и жизни не рад.—Я у него на посылках. Принеси — то-то, скажи — то, кликни — того-то. Начальство поминутно меня требует: всё ли у тебя исправно? да не ушел ли он? да не зарезался бы он? да доволен ли он? чорт побери знатных господ! И с тех пор, как судьи приговорили его к смерти — так тюрьма моя сделалась трактиром, — ей богу, трактиром. И друзья, и родня, и знакомые — все лезут с ним прощаться — отпирай всякому да смотри за всеми, да не смей никого обидеть — и хоть бы что-нибудь в руку перепало — да нет, всё народ благородный — свободен от всех податей. Право

ни на что не похоже! слава богу, что утром отрубят ему голову — а уж эту ночь напляшемся. *(Стучат.)* Это кто стучится? *(Идет к дверям и открывает окошечко.)* Что вам надобно?

С л у г а, за дверью.

Отворяй, — графиня с дочерью!

Т ю р е м щ и к.

А где пропуск?

С л у г а *(бросает ему бумагу).*

На! скорее ж! поворачивайся! —

Т ю р е м щ и к.

Сейчас, сейчас! экая каторга!

(Отворяет двери. Входят графиня и дочь ее; обе в черном платье. Тюремщик им низко кланяется.)

⟨Конспект пьесы о сыне палача⟩

Un grand seigneur, coupable de haute trahison et condamné à mort, attend dans sa prison le jour de l'exécution. Etc.

Le bourreau et son fils tous deux présents aux adieux de la noble famille. La fille s'évanouit, le jeune homme la porte des secours.

Scène de l'échafaud.

Le jeune homme rentre chez ses parents pour les maudire et les quitter pour la vie. Colère du vieux bourreau.

Le jeune entre au service du prince. Il fait son chemin. *

* (Вельможа, совершивший важную измену и осужденный на смерть, ждет в тюрьме дня своей казни, и т. д.)

Палач и его сын, оба присутствуют при прощании знатного семейства. Дочь падает в обморок, молодой человек оказывает ей помощь.

Сцена эшафота.

Молодой человек возвращается к родителям, чтобы проклясть их и покинуть навсегда. Гнев старого палача.

Молодой человек поступает на службу к князю. Он выходит в люди.)

Il est fait chevalier etc.

Il revoit dans un tournois la fille du condamné etc.

Il obtient sa main etc.

14 Sept(embre) *

* (Он делается рыцарем и т. д.
Он встречает на турнире дочь осужденного и т. д.
Он получает ее руку и т. д.)

14 сент(ября).

〈Конспект драмы о папессе〉

А с т е I

La fille d'un honnête artisan, étonnée de son savoir, la mère vulgaire, n'y voyant rien de bon. Gilbert invite un savant à venir voir sa fille—le prodige de famille. Préparatifs où la mère est seule à faire tout. *La passion du sav(oir)*.

Le savant (*le démon du savoir*) arrive au milieu de tout le monde invité par Gil(bert)—Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Comméragе des femmes, joie du père, soucis et orgueil de la fille. Elle fuit pour aller en Angleterre (?) étudier à l'université.

Elle devant St. Simon L'ambition. *

*〈А к т I

Дочь честного ремесленника, который дивится ее учености, простоватая мать, не видящая в этом ничего хорошего. Жильбер приглашает ученого посмотреть на его дочь—чудо в семье. Приготовления, в которых приходится всё делать одной. *Страсть к знанию*.

Ученый (*демон знания*) появляется среди народа, приглашенного Жильбером.—Он говорит с одной Жанной и уходит.—Пересуды женщин; радость отца, заботы и гордость дочери. Она убегает, чтобы поехать в Англию (?) учиться в университете.

Она перед св. Симоном. Честолюбие.〉

A c t e II

Jeanne à l'université sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol.—Amour, jalousie, duel—*en récit*. Jeanne soutient une thèse et est faite docteur.—

Jeanne prieur d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Les moines se plaignent...

Jeanne à Rome, cardinal. Le pape meurt—elle est faite pape.— —

A c t e III

Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne, son condisciple. Leur reconnaissance. Elle le menace de l'Inquisition, et lui d'un éclat. Il pénètre jusqu'à elle. Elle devient sa maîtresse.

Elle accouche entre le Colisée et le couvent de vv.
Le diable l'emporte.

* (А к т II

Жанна в университете под именем Жана Майнцского. Она сближается с молодым испанским дворянином, любовь, ревность, дуэль—*в рассказе*. Жанна защищает диссертацию и становится доктором. Жанна—настоятельница монастыря; строгий устав, который она там вводит. Монахи жалуются. Жанна в Риме, кардиналом. Папа умирает—ее делают папой.

А к т III

Жанна начинает скучать. Приезжает испанский посланник, ее товарищ в годы ученья. Они узнают друг друга. Она грозит ему инквизицией, а он скандалом. Он пробирается к ней. Она становится его любовницей. Она рожает между Колизеем и монастырем vv. Дьявол ее уносит.)

— — —
Si c'est un drame, il rappellera trop le Faust—
il vaut mieux en faire un poëme dans le style
de Cristabel, ou bien en octaves.*

* (Если это будет драма, она слишком будет напоминать Фауста—лучше сделать из этого поэму в стиле «Кристалель», или же в октавах.)

〈Граф и кровельщик〉

«И ты тут был?»

«Расскажи, как это случилось».

«Изволь—я только расплатился с хозяином и хотел уже выдти, как вдруг слышу страшный шум; и граф сюда входит со всею своею свитою. Я скорее снял шляпу, и по стенке стал пробираться до дверей, но он увидел меня и спросил, что я за человек.—Я Гаспар Дик, кровельщик, готовый к вашим услугам, милостивый граф, отвечал я с поклоном,—и стал пятиться к дверям, но он опять со мной заговорил и безо всякого ругательства: «А сколько ты выработываешь в день, Гаспар Дик?» Я призадумался—зачем этот вопрос? Не думает ли он о новом налоге? На всякой случай я отвечал ему осторожно: милостивый граф—день на день не похож; в иной выработаешь пять и шесть копеек, а в другой и ничего.—«А женат ли ты, Гаспар Дик?»—Я тут опять призадумался. Зачем ему знать, женат ли я? Однако отвечал ему смело:—Женат.—«И дети есть?»—И дети есть.—(Я решился говорить всю правду, ничего не утаивая).—Тогда граф оборотился к своей свите и сказал: «Гос-

пода, я думаю, что будет ненастье; моя абервильская рана что-то начинает ныть. — Пospешим до дождя доехать: велите скорее седлать лошадей» —

КОММЕНТАРИИ

Борис Годунов

Печатается по тексту отдельного издания «Бориса Годунова» 1831 г., сверенному с рукописями: 1) черновой 1825 года, 2) перебеленной, с датой «7 ноября 1825» (с поправками Жуковского), и 3) писарской копией с поправками Пушкина.

Среди рукописей Пушкина, относящихся к «Борису Годунову», сохранился также отдельный листок с заглавием: «Драматическая повесть, комедия о настоящей беде Московскому Государству. О царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Летопись о многих мятежах и пр. [сочиненье *(нрзбр)* Палицына], писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Воронице». Здесь же имеется список действующих лиц и стихи о старце Леониде (см. ниже). Кроме того Пушкин набрасывал ряд заметок к «Борису Годунову» о своем предке Гавриле Пушкине, о Годунове, Самозванце, Плещееве.

«Борис Годунов» был начат Пушкиным в селе Михайловском в 1824 году. К декабрю этого года

относится план трагедии и перечень исторических событий, относящихся к эпохе Бориса и самозванца, сделанный по X и XI томам «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Работая над «Борисом Годуновым» с перерывами, Пушкин особенно занят им был весной 1825 года. Уже к 13 июля повидимому первая часть была закончена. Вторая часть трагедии была закончена к 15 сентября, третья (последняя)—7 ноября 1825 года. Из писем Пушкина к Н. Н. Раевскому и из оставшихся в его рукописях заметок (см. о них ниже) явствует огромная работа Пушкина по теории драмы, сопутствовавшая его занятиям над собственной трагедией. Она была задумана как реформа русской трагедии вообще, наносящая удар косности «классической» драмы во имя создания новой, свободной от уз канона, романтической трагедии. «Борису Годунову» предшествовало и работе над ним сопутствовало чтение трагедий и хроник Шекспира, романов В. Скотта, сочинений по драматургии г-жи де Сталь («О Германии»), лекций А. В. Шлегеля («Курс драматургической литературы»), статей о Шекспире Гизо, статей во французской прессе (журнал «Le Globe» и др.).

В качестве исторических источников своей драмы Пушкин изучал, помимо соответственных томов «Истории» Карамзина, также летописи (например, жизнеописание царя Федора Иоанновича, составленное патриархом Иовом). Сюжет

о властителя-узурпаторе, лежащий в основе «Бориса Годунова», был связан для Пушкина в историко-бытовом плане с заговором на жизнь Павла I, к чему имел прикосновение его сын — Александр I, а в литературном плане — с рядом трагедий на аналогичную тему: Расина («Гофлия»), Вольтера («Китайский сирота»), Шекспира («Макбет», «Генрих IV»). Следуя за Карамзиным в приписывании Борису убийства царевича, Пушкин оставался на этой точке зрения и после статьи М. П. Погодина, доказывавшего в 1829 году, в противоположность Карамзину, что Борис только готовил царевичу «смерть политическую, а не настоящую». Сохранились заметки Пушкина на полях статьи Погодина, страстно полемизирующие с ней ссылками на летописи и проводящие аналогию с Наполеоном, «ровно 200 лет после Бориса» явившимся «убийцей» герцога Ангиенского. Замечания заключались возражением на погодинское предложение судить Бориса «по существующим *ныне* законам». Пушкин отвечал: «Судит их (царей) история, ибо на царей и на *(нрзбр)* нет *иного* суда». Ряд сцен «Бориса Годунова» не имеет за собой никаких исторических данных (Самозванец и Марина Мнишек, сцены с вымышленным сыном Курбского и др.).

Формальное новаторство Пушкина в трагедии уже с самого начала отпугивало современников. Так, еще 10 мая 1825 года Н. Н. Раевский писал Пушкину: «Итак, тебе предстоит проложить

путь и к развитию национального театра... При-знаюсь, я не совсем понимаю, зачем ты хочешь писать свою трагедию белыми стихами?..» Сам характеризуя «Бориса Годунова» как «литературный подвиг: романтическую трагедию», Пушкин революционно сломал все привычные нормы трагедийного канона. Он отказался от александрийского (шестистопного) стиха, в процессе работы над пьесой заменил деление на действия делением на двадцать четыре сцены, быстрая смена которых не давала даже возможности думать о постановке их на современном Пушкину театре. В корне разрушив единство времени и места, Пушкин вместе с тем ввел, подобно Шекспиру, в свою трагедию и прозаические (в частности массовые) сцены и «простонародные» диалоги, вплоть до интернациональной натуралистической ругани (сцена «Равнина близ Новгорода-Северского»). Когда впоследствии пьеса была наконец напечатана Пушкиным, все это вызвало в реакционной части критики бурю возмущения. Нападали на неопределенность жанра, относимого к новому роду комедии (*comédie mixte*), ведущей начало от Лашоссе. Надеждин был шокирован сценой в корчме и, пробуя разобраться в жанре, возводил его к истории в сценах и лицах по примеру романов В. Скотта и трилогии Вите («Лига», «Баррикады», «Смерть Генриха III»), протестовал против «фарса» сцены в корчме и «сцены с юродивым» и «карикатур-

ного смешения языков на сцене битвы». Большинство современников ставило Пушкину в вину и раздвоение интереса между фигурами Бориса и Самозванца. Анонимный рецензент в отдельном издании, посвященном трагедии, замечал: «А что тут есть трагического? Не прикажете ли представить ее на театре? У кулисных-то мастеров заболели бы руки. Это, сударь, настоящие *Китайские тени...*» Далее шли нападки на отсутствие единого героя и на «смесь русского с немецким и французским» («можно ли было ожидать от Пушкина такой галиматьи?»).

Смысл связи Пушкина с шекспировским театром и романтическим жанром «исторических сцен» был не понят, но нащупана эта связь была правильно. «Борис Годунов» выдвинут тем же историческим потоком романтизма, что и ряд «исторических сцен», восходящих к методу Шекспира, Гете, отчасти Шиллера (в «Валленштейне») и В. Скотта. Однако современники были неправы, упрекая Пушкина по выходе «Бориса Годунова», в 1831 году, в подражании некоторым западным образцам. Фактически «Борис Годунов» был написан раньше большинства их и раньше многих западных романтических «манифестов». Так, «Сцены» Вите (с похожей на «Бориса Годунова» манерой точных исторических датировок перед каждой сценой) вышли лишь в мае 1826 года; «Кромвель» В. Гюго с знаменитым предисловием, излагавшим *credo* француз-

ского романтизма,—в 1827 году; «Нейльские вечера» Диттмера и Каве—также в 1827 году; «Современные сцены» Леве-Веймарса—в 1828 году, и т. д.

Появление в свет «Бориса Годунова» было задержано личной цензурой Николая I, формально не запретившего, но и не позволившего печатать трагедию и советовавшего Пушкину «с нужным очищением переделать комедию свою в историческую повесть или роман наподобие Вальтера Скотта». Пушкин отказался от переделок (3 января 1827 года) и ограничился напечатанием в журналах отдельных сцен: в «Московском вестнике» 1827, № 1 (сцена с Пименом), в «Северных цветах на 1828 год» (сцена с Курбским), в «Деннице» 1830 (две первые сцены).

Ввиду этого задержанное на пять лет отдельное издание «Бориса Годунова» 1831 года было воспринято уже на фоне достижений французской драматургии, и Пушкин с горьким раздражением писал Плетневу о московских отзывах: «Здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал, что моя трагедия—подражание Кромвелю Виктора Гюго».

Только кругу ближайших друзей трагедия стала известна целиком уже в 1826—1828 гг. Крылов метко характеризовал совершенство и вместе с тем своеобразие нового жанра, назвав «Бориса Годунова» «совершеннейшим уродом». На чтениях в кругу писателей высокие оценки

трагедии были даны В. А. Жуковским и А. Мицкевичем, а позже, после 1831 года, в печати — Дельвигом, И. Киреевским и Веневитиновым. Однако общее равнодушие и непонимание публики сделали то, что Пушкин стал называть свою трагедию анахронизмом. В ответ на предложение одного из рецензентов променять сцену «Бориса Годунова» на картинку «Дамского журнала» Пушкин грустно и устало писал Раевскому: «Воспитанные под влиянием французской критики, русские привыкли к правилам, утвержденным сею критикою, и неохотно смотрят на всё, что не подходит под ее законы. Нововведения опасны и, кажется, не нужны...»

В письме от 30 января 1829 года, посылая тому же Раевскому «Бориса Годунова», Пушкин, между прочим, обронил важное замечание: «Вот моя трагедия, так как вы непременно этого хотите; но я требую, чтоб прежде ее чтения вы пробежали последний том Карамзина. Она исполнена шуток и тонких намеков, относящихся к истории того времени, как наши безделки Киева и Каменки.* Надо уметь понимать их—это непременное условие». Очевидно Пушкин этим требованием указывает на возможность намеков и применений к истории своего времени. Трагедия,

* В селе Каменка Киевской губ. находился один из политических центров декабристов. Пушкин жил в Каменке с ноября 1820 года по март 1821 года, проводя время, по его выражению, за «демагогическими спорами».

писавшаяся в годы, непосредственно предшествовавшие восстанию декабристов, неспроста была так внимательно обследована и потом отклонена цензурой. Не говоря уже о том, что многое в ней было абсолютно нецензурным не только с точки зрения сценической (пьяноватые монахи не могли быть допущены на сцену, никогда не выводились на сцене по тем временам и патриархи и цари такого типа, как Годунов), но казалось опасным и с точки зрения появления в печати. По крайней мере официозный рецензент, 1826 года, отметил «выражения, которые нельзя произнести ни в одном благопристойном трактате», и не одобрил слова: «не надо бы молиться за царя Ирода», которые «хотя и не подлежат никаким толкам и применениям», но, очевидно, были подозрительны. По поводу монолога боярина Пушкина было замечено уже прямо, что «царская власть представлена в ужасном виде и что в нем явно говорится, что кто только будет обещать свободу крестьянам, тот взбунтует их».

Сам Пушкин видимо опасался за сцену с юридическим, про которую писал Вяземскому: «никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак: торчат». Эту фразу следует расшифровывать так же, как и вышеприведенные фразы насчет «тонких намеков», повидимому как возможность применений слов о «царе Ироде» к Александру I.

Несмотря на некоторую правку, сделанную с помощью Жуковского в 1829 году, трагедия

была вновь возвращена Пушкину и только в конце 1830 года была пропущена к печати, с посвящением памяти Карамзина (первоначально Пушкин предполагал посвятить ее Жуковскому). Однако сцены III (Девичье поле) и XII (уборная Марины) здесь отсутствовали. Было опущено и имя юродивого (Николка).

Сознавая (как сознавали это и другие передовые современники) огромное значение осуществляемого им в «Борисе Годунове» литературного дела, Пушкин понимал и необходимость популяризации и раскрытия идей и точек зрения, легших в основу трагедии. Именно в связи с «Борисом Годуновым» он набросал большое количество пояснительных заметок (см. их текст в томе критической прозы), предполагая на основе их дать общее предисловие и ряд примечаний к трагедии.

В одном из проектов предисловия, написанного в 1827—1828 гг. в форме письма (к Н. Н. Раевскому), Пушкин между прочим писал:

«Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира; и принеши ему в жертву пред его алтарь два классические единства, едва сохранил последнее. Кроме сей пресловутой тройственности есть и единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно не предполагая, что можно оспаривать его необходимость),

единство слога—сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный Александрийский стих переменил я на пятистопный белый; в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы, не разделил своей трагедии на действия, словом, написал трагедию истинно романтическую—и думал уже, что публика скажет мне *большое спасибо*.

Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий...»

И далее:

«Вы читали в первой книге Московского Вестника отрывок из Бориса Годунова, сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях, умилительная кротость, простодушие, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, набожность к власти царя, данной им от бога—совершенное отсутствие суетности пристрастия—дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись князя Курбского отли-

чается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличается от смиренной жизни безмятежных иноков.

Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателя; что же вышло? Обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифмы называться стихами. Г-н З. предложил променять сцену Бориса Годунова на картинки Дамского Журнала. Тем и кончился строгий суд почтеннейшей публики.

Что ж из этого следует; — что г-н З. и публика правы, но что гг. журналисты виноваты, ошибочными известиями введшие меня во искушение. Воспитанные под влиянием французской литературы, русские привыкли к правилам, утвержденным ее критикою и неохотно смотрят на всё, что не подходит под сии законы. Нововведения опасны и кажется не нужны».

Далее Пушкин раскрывает, что под словом «применения» имеет в виду возможность и с т о л к о в а н и й в духе истолкования французами изображений в трагедии тиранов древности (Нерона и Тиберия) с намеками на французскую современность.

В цитированном французском «Письме к Н. Н. Раевскому» (1829), которое Пушкин просит сбегать: («Оно мне понадобится, если чорт соблазнит меня написать предисловие»), Пушкин однако настаивает именно на «намеках» «Бориса Годунова». В этом же письме-предисловии Пушкин раскрывает, как он понимает героев своей трагедии и ее драматургические законы:

«По примеру Шекспира, я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не гонясь за сценическими эффектами, романтическим пафосом и т. п. Стилль ее — смешанный. Он площадной и низкий там, где мне приходилось выводить людей простых и грубых; что касается грубых непристойностей — не обращайтесь на них внимания; это писалось наскоро и исчезнет при первой переписке. Мне улыбалась мысль о трагедии без любовной интриги; но любовь не только вошла существенной частью в романтический и страстный характер моего авантюриста, я заставил Димитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить необычайный характер этой последней. У Карамзина он только лишь очерчен, но, конечно, это была странная красавица; у нее была только одна страсть — честолюбие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе и представить. Посмотрите, как она, попробовав царской власти, опьяненная призраком, отдается одному проходимцу за другим, разделяя то отвратительное ложе жида, то палатку казака, все-

гда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей хотя слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она переносит войну, нищету, позор и в то же время сносится с польским королем, как коронованное лицо с равным себе, и жалко кончает свое бурное и необычайное существование. У меня для нее только одна сцена, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня, как страсть. Она ужас, что за полька, как говорила кузина г-жи Любомирской.

Гаврила Пушкин—один из моих предков; я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он обладал большими талантами как воин, придворный и как заговорщик в особенности. Это он и Плещеев обеспечили успех Самозванца своей неслыханной дерзостью. Затем я снова нашел его в Москве одним из 7 начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 г.—в думе, заседающим рядом с Козьмой Мининым, потом—воеводой в Нижнем, потом—между выборными людьми, венчавшими на царство Романова, потом—послом. Он был всем—даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище—городе, который он выжег в наказание не знаю за что, подобно проконсулам Национального Конвента.

Я рассчитываю вернуться также и к Шуйскому. Он представляет в истории странную смесь сме-

лости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый начинает заговор, и он же, заметьте, берет на себя всю тяжесть риска, кричит, обвиняет и из начальника делается отчаянным буяном. Он близок к тому, чтобы лишиться головы, но Дмитрий дает ему помилование уже на лобном месте, высылает, а затем, с тем ветреным великодушием, которое отличало этого милого авантюриста, снова призывает его к своему двору и осыпает милостями и почестями. Что же делает Шуйский, чуть было не попавшийся под топор и на плаху? Он спешит создать новый заговор, успевает, избирается царем, падает, и в крушении своем сохраняет больше достоинства и душевного величия, нежели в продолжение всей своей жизни.

Дмитрий очень напоминает Генриха IV. Как тот — он храбр, великодушен и хвастлив, как тот — равнодушен к религии; оба они из соображений политических отрекаются от своей веры; оба любят удовольствия и войну; оба предаются несбыточным проектам, оба являются центром заговоров. Но у Генриха IV не было на совести Ксении, хотя, правда, это ужасное обвинение и не доказано, и, что до меня, то я считаю своею священной обязанностью ему не верить.

Грибоедов критиковал мое изображение Иова, — патриарх действительно был человек большого ума, я же, по недосмотру, сделал из него глупца.

Создавая своего «Годунова», я размышлял о трагедии, но если б я вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал. Это, быть может, наиболее неизвестный вид произведений. Законы его старались обосновать на правдоподобии, а оно-то именно и исключается самою сущностью драмы; не говоря уже о времени, месте и проч., какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две части, из коих одна занята 2000 человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках.

2) *Язык.* Например, у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: «Увы! я слышу сладкие звуки греческой речи» и т. д. Все это не есть ли условное неправдоподобие? Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобию характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в Сиде: «А, вы хотите правило о 24 часах? Извольте». И тут же нагромоздил событий на 4 месяца. Нет ничего смешнее мелких изменений общепринятых правил. Альфиери глубоко почувствовал, как смешны речи «в сторону»,—он их уничтожает, но за то удлиняет монологи. Какое ребячество!»

Наконец, еще в одной заметке Пушкин писал: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Несмущаемый никаким иным

влиянием—Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен.—Источники богатые! умел ли ими воспользоваться—не знаю. По крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны».—

И несколько далее:

«Но признаюсь искренно: неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой—а не придворный обычай трагедии Расина—и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены...»

«...Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб) принят обыкновенно англичанами и немцами.—У нас первый пример оному находим мы кажется в Аргивянах; А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии, писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его—я сохранил цезуру французского пентаметра на второй стопе—и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия.—Есть шутки грубые, сцены просто-народные.—Хорошо, если поэт может их избежать, если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным. Поэту не должно быть площадным из доброй воли.

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, *son atome*,* но [без всякой дворянской спеси]. Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристокрацию нашу составляет дворянство новое; древнее же пришло в упадок, права его уравниены с правами прочих состояний, великие имения давно раздроблены, уничтожены и проч.—Принадлежать старой аристокрации не представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нареkanie в странности или бессмысленном подражании иностранцам».

Все эти заметки предполагаемого предисловия к «Борису Годунову», суммирующие взгляды Пушкина на трагедию вообще и в частности на роль его трагедии, показывают, что это предисловие было видимо задумано в жанре западных романтических предисловий-манифестов, сопровождавших новые трагедии. (Предисловие Гюго к «Кромвелю» и др.). Из сохранившегося пушкинского проекта собрания его сочинений видно, что Пушкин предполагал первоначально печатать «Бориса Годунова» «с Not'ами, с предисловием», т. е. с примечаниями и предисловием. Еще в ноябре 1831 года он писал бар. Е. Ф. Розену,

* (С увлечением.)

узнав, что тот пишет о «Борисе» для заграницы:
«Горю нетерпением прочитать Ваше предисловие
к Борису; думаю для второго издания написать
к Вам письмо, если позволите, и в нем изложить
свои мысли и правила, коими руководствовался
сочиняя мою трагедию».

ВАЖНЕЙШИЕ ВАРИАНТЫ

Из черновой редакции сцены «Кремлевские палаты»
(Стр. 12).

⟨В о р о т ы н с к и й.⟩

— Ужасное злодейство! о, конечно,
Губителя раскаянье грызет!..
Быть может кровь царевича святого
Ему шагнуть мешает на престол—
Ужасное злодейство! жаль, однако—
Борис умен; правление его
Покоило, величило Россию.
Прямой он царь—что будет без него—

⟨Ш у й с к и й.⟩

— И, не тужи—он будет государем.
Какая честь для нас, для всей России—
Возьмет венец и бармы Мономаха
(Вчерашний раб), татарин, зять Малюты,
Зять палача, и сам в душе палач.

⟨В о р о т ы н с к и й.⟩

— Да, род его не знатен—мы знатнее:
Ведь я, да ты, природные князья—

⟨Ш у й с к и й.⟩

— Природные, и Рюриковой крови—

⟨В о р о т ы н с к и й.⟩

— Так следственно и мы б имели право
Наследовать Феодору.

⟨Ш у й с к и й.⟩

— Да, боле

Чем Гудунов,* вчерашний раб—ну что ж,
Когда Борис шутить не перестанет,
Давай народ искусно волновать—
Пускай они оставят Годунова—
Своих князей у них довольно—пусть
Из нас они любого изберут
Себе царем—

⟨В о р о т ы н с к и й.⟩

— Да хорошо б,—но трудно;

Уже давно мы лишены уделов,
Давно царям мы, как дворяне, служим.
Народ отвык в нас видеть древний корень
Воинственных властителей своих—
И много нас наследников Варяга.

* ⟨В рукописях Пушкина и далее часто встречается написание Гудунов.⟩

Нет! мудрено тягаться с Годуновым—
Он привязал и страхом и любовью
И славою—все русские сердца—

〈Ш у й с к и й.〉

— Он смел—вот всё, а мы... но тише! Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад—
Пойдем, скорей, узнать [как] решено ли.

Черновая редакция сцены «Красная площадь»

(Стр. 15).

Неумолим! он от себя прогнал
Святи(те)лей, бояр и патриарха,
Они пред ним напрасно пали ниц—
Его страшит сияние престола.
О господи! кто будет нами править
[Попрежнему]—а царство без царя
Как устоит—подыметесь раздор,
А хищный хан набег опять готовит,
И явится внезапно под Москвой.
Кто оразит поганые толпы?
Кто сдвинет Русь в грозящую дружину?
О горе нам—но вот верховный дьяк
Выходит к нам, вещать решенье думы.
Ш-шь, слушайте Щелкалова! молчать!..

〈Щ е л к а л о в.〉

Бояре вам собором положили
В последний раз отведать силу просьбы

[Да сжалится правитель над Россией]
И примет власть. В(еликий) патриарх—
В Кремле отпев торжественный молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
Иконами—владимирской, донской
Воздвигнется. За ним синклит, бояре,
Дворяне, рать и выборные люди,
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем в последний раз Бориса
В слезах молить, да царствует над нами!..
Да сжалится над сирью Россией!—
Идите же вы с богом по домам,
Затеплите всенощную лампаду,
Молитесь—да взыдут к небесам
[Молитвы теплые], да ниспошлет отраду
[В унынии] господь своим [рабам]...

Черновая редакция сцены «Девичье поле»

(Стр. 17).

Теперь они пошли—к царице в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой вельмож. Он право слишком долго
Упрямится—однако есть надежда—
Нельзя ли нам пробиться за ограду?
Нельзя, куда!—И даже в поле [душно]
Не только там — — Легко ли? вся Москва
Сперлася здесь. — Смотри: ограды, кровли,
Все ярусы высокой колокольни,
Главы церквей и самые кресты

Унизаны народом любопытным.—
Но, что за шум, послушай, что за шум?
Смотри, смотри! все падают как волны,
За рядом ряд, еще—еще — — ну, брат,
Дошло до нас.—Скорее ж на колени.

Вой и плач.

Ах, смилуйся, отец наш, властвуй нами;
Будь нам царем!..

Все плачут, посмотри!
Заплачем же и мы—Я силую, брат,
Да не могу.—Я также.—Нет ли луку?
Потрем глаза.—Нет, я слюней намажу.

Из черновиков сцены «В Чудовом монастыре»

(Стр. 23)

Я в л е н и е 4

Чудов монастырь. Ночь

Летописец пишет, Григорий спит. —

Еще одно последнее сказанье
И летопись окончена моя—
Исполню долг, мне богом завещанный,
Заветный долг.— Не даром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил.
Передаю грядущим временам
[Заветную] времен минувших [повесть].
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет ее в хранительной пыли,

И в келии [до утра] затворясь,
Прочтет меня и сотворит молитву
И может быть меня он перепишет—
Для *(нрзбр)* православных христиан
Да ведают судьбу страны родной,
Своих царей усердно поминают
За их труды, за славу за добро,
А за грехи, за темные деянья
[Пречистую] смиренно умоляют.
Но близок день, лампада догорает
Еще одно ужасное преданье...
И в памяти навеки успокою
Земное всё.— Как быстро, как неясно
Минувшее проходит предо мной — —
Давно ль оно неслось событий полно,
Как океан усеянный волнами,
И так теперь безмолвно, безмятежно — —
Передо мной опять выходят люди,
Уже давно покинувшие мир —
Властители, которым был покорен —
И недруги и старые друзья—
Товарищи моей цветущей жизни
И в шуме битв и в мировых (?) беседах.
Но где же их знакомый лик и глас,
И действия и *(х мощные и)* страсти—
Немного слов доходит до меня,
Чуть, чуть их след ложится легкой тенью
И мне давно, давно пора за ними—
Борис, Борис! престола ты достиг.
Исполнились надменные желанья.—

Вокруг его * послушные рабы,
 Всё с трепетом его гордыне служит,
 Но счастья нет его душе преступной!
 И ты забыл младенца кровь святую...
 А между тем безвестное перо
 Здесь на тебя донос безмолвно пишет—
 И не уйдет злодейство от суда
 И на земле, как в вышних перед богом.

Непосредственно после сцены «В Чудовом монастыре» (стр. 31) первоначально предполагалась еще следующая сцена, исключенная Пушкиным из печатного текста:

Ограда монастырская

Григорий и Злой Чернец.

Г р (и г о р и й.)

Что за скука, что за горе наше бедное житье!
 День приходит, день проходит—видно,
слышно всё одно:
 Только видишь черны рясы, только
слышишь колокол.
 Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать
ничего—соснешь,
 Ночью долгою до света всё не спится чернецу.
 Сном забудешься, так душу грезы черные мутят;

* (Этот вариант остался недоработанным.)

Рад, что в колокол ударят, что разбудят костью-
лем.
Нет, не вытерплю! нет мочи. Через ограду да бегом.
Мир велик: мне путь дорога на четыре стороны.
Поминай как звали.

Ч е р н (е ц.)

Правда: ваше горькое житье.
Вы разгульные, лихие молодые чернецы.

Г р и г о р и й.

Хоть бы хан опять нагрязнул! хоть Литва бы
поднялась!
Так и быть! пошел бы с ними переведаться мечем.
Что, когда бы наш царевич из могилы вдруг во-
скрес
И вскричал: А где вы, дети, слуги верные мои?
Вы подите на Бориса, на злодея моего,
Изловите супостата, приведите мне его! — —

Ч е р н е ц.

Полно! не болтай пустого: мертвых нам не
воскресить!
Нет, царевичу иное, видно, было суждено —
Но послушай: если дело затевать, так затевать...

Г р и г о р и й.

Что такое?

Ч е р н е ц.

Если б я был так же молод, как и ты,
Если б ус не пробивала уж лихая седина — — —
Понимаешь?

Г р и г о р и й.

Нет, нисколько.

Ч е р н е ц.

Слушай: глупый наш народ
Легковерен; рад дивиться чудесам и новизне;
А бояре в Годунове помнят равного себе;
Племя древнего Варяга и теперь любезно всем,
Ты царевичу ровесник... если ты хитер и тверд...
Понимаешь? (*Молчание.*)

Г р и г о р и й.

Понимаю.

Ч е р н е ц.

Что ты скажешь?

Г р и г о р и й.

Решено!

Я Димитрий, я царевич.

Ч е р н е ц.

Дай мне руку: будешь царь.

В рукописях Пушкина сохранился еще следующий отрывок, намечавшийся после вышеприведенной сцены:

После сцены VI

Где ж он? где старец Леонид?
Я здесь один и всё молчит.
Холодный дух в лицо мне дует
И ходит холод по главе...
Что ж это? что же знаменует?
Беда ли мне, беда ль Москве?
Беда тебе, Борис лукавый!
Царевич тению кровавой
Войдет со мной в твой светлый дом.
Беда тебе! главы преступной
Ты не спасешь ни покаяньем,
Ни Мономаховым венцом.—

После сцены «Краков. Дом Вишневецкого» (стр. 71) первоначально следовала сцена, также исключенная Пушкиным из издания «Бориса Годунова» 1831 года:

Замок воеводы Мнишка в Самборе

(Уборная Марины.)

Марина, Рузя убирает ее, служанки.

М а р и н а, перед зеркалом.

Ну, что ж? готово ли? нельзя ли поспешить?

Р у з я.

Позвольте: наперед решите выбор трудный:
Что вы наденете, жемчужную ли нить
Иль полумесяц изумрудный?

М а р и н а.

Алмазный мой венец.

Р у з я.

Прекрасно! помните? его вы надевали,
Когда изволили вы ездить во дворец.
На бале, говорят, как солнце вы блистали.
Мужчины ахали, красавицы шептали...
В то время, кажется, вас видел в первый раз
Хоткевич молодой, что после застрелился.
А точно, говорят: на вас
Кто ни взглянул, тут и влюбился.

М а р и н а.

Нельзя ли поскорей.

Р у з я.

Сейчас.

Сегодня ваш отец надеется на вас.
Царевич видел вас не даром.
Не мог он утаить восторга своего,
Уж ранен он; так надобно его
Сразить решительным ударом.
А точно, панна, он влюблен.

Вот месяц, как, оставя Краков,
В гостях у нас пирует он .
Забыв войну, московский троп,
И бесит русских и поляков.

Ах, боже мой! дождусь ли дня?..
Не правда ли? когда в свою столицу
Димитрий поведет московскую царицу,
Вы не оставите меня?

М а р и н а.

Ты разве думаешь—царицей буду я?

Р у з я.

А кто ж, когда не вы? кто смеет красотою
Равняться здесь с моею госпожею?
Род Мнишков—ничьему еще не уступал;
Умом—превыше вы похвал...
Счастлив, кого ваш взор вниманья удостоит,
Кто сердца вашего любовь себе присвоит—
Кто б ни был он, хоть наш король,
Или французский королевич—
Не только нищий наш царевич,
Бог весть какой, бог весть отколь.

М а р и н а.

Он точно царский сын и признан целым светом.

Р у з я.

А всё ж он был прошедшею зимой
У Вишневецкого слугой.

М а р и н а.

Скрывался он.

Р у з я.

Не спорю я об этом—

А только знаете ли вы,

Что говорят о нем в народе?

Что будто он дьячек, бежавший из Москвы,
Известный плут в своем приходе.

М а р и н а.

Какие глупости!

Р у з я.

О, я не верю им—

Я только говорю, что должен он конечно

Благословлять еще судьбу, когда сердечно

Вы предпочли его другим.

С л у ж а н к а, *вбегает.*

Уж гости съехались.

М а р и н а.

Вот видишь: ты до света

Готова пустяки болтать.

А между тем я не одета...

Р у з я.

Сейчас, готово всё.

(Служанки суетятся.)

М а р и н а.

Мне должно всё узнать.

Сцена в «Царских палатах» (стр. 55) начиналась первоначально так:

К с е н и я (*держит портрет*).

Что ж уста твои
Не промолвили,
Очи ясные
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясные
Закатилися?..

Братец—а братец! скажи: королевич похож был на мой образок?

Ф е о д о р.

Я говорю тебе, что похож.

Пропущенные стихи из сцены: «Краков. Дом Вишневецкого» (см. стр. 69).

Лишь дайте мне добраться до Москвы.
А там уже Борис со мной и с вами
Расплатится. Что ж нового в Москве?

Х р у щ е в.

Всё тихо там еще. Но уж народ
Спасение царевича проведаль.
Уж грамоту твою везде читают,
Все ждут тебя. Недавно двух бояр
Борис казнил за то, что за столом
Они твое здоровье тайно пили.

С а м о з в а н е ц.

О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорят о нем?

Х р у щ е в.

Он удалился
В печальные свои палаты. Грозен
И мрачен он. Ждут казней. Но недуг
Его грызет. Борис едва влачится,
И думают, его последний час
Уж недалек.

С а м о з в а н е ц.

Как враг великодушный,
Борису я желаю смерти скорой;
Не то,—беда злодею. А кого
Наследником наречь намерен он?

Х р у щ е в.

Он замыслов своих не объявляет,
Но кажется, что молодого сына,
Феодора—он прочит нам в цари.

С а м о з в а н е ц.

В расчетах он, быть может, ошибется.

(стр. 70)

И я люблю парнасские цветы (*читает про себя*).

Х р у щ е в, *тихо Пушкину.*

Кто сей?

П у ш к и н.

Пиит.

Х р у щ е в.

Какое ж это званье?

П у ш к и н.

Как бы сказать? по-русски — виршеписец
Иль скоморох.

С а м о з в а н е ц.

Прекрасные стихи!

*Окончание «Бориса Годунова» в рукописи, пред-
ставленной Николаю I:*

Н а р о д.

Да здравствует царь Димитрий Иванович!

7 ноября 1825.

Конец комедии в ней же первая персона царь
Борис Годунов.

Слава отцу и сыну и святому духу.

Аминь.

〈Драматические сцены〉

Среди произведений Болдинской осени 1830 года значительнейшее место принадлежит «Драматическим сценам» Пушкина, большинство из которых было задумано или вчерне написано еще ранее, но здесь все они были закончены, исправлены и переписаны набело. Окончание «Скупого рыцаря» Пушкин пометил 23 октября; «Моцарта и Сальери» — 26 октября; «Каменного гостя» — 4 ноября. В ноябре был закончен и «Пир во время чумы».

Сохранился лист видимо представлявший, по замыслу Пушкина, проект обложки или заглавного листа для всех этих сцен, или «маленьких трагедий», как назвал их сам Пушкин в письме к Плетневу от 9 декабря 1830 года. На нем нарисован рыцарь в доспехах, стоящий около груды военных трофеев, на фоне пейзажа. Здесь же набросок головы старика, вероятнее всего относящийся к «Скупому рыцарю», и выведено заглавие, вписанное в орнамент: «Драматические сцены. 1830». Тут же Пушкин начал

подбирать и другие проекты заглавий: «Драматические очерки, Драматические изучения, Опыт драматических изучений». На листе, представлявшем единое целое с данным листом, имеется список этих опытов.

- I Окт(авы)
- II Скупой
- III Сальери
- IV Д. Г(уан)
- V Plague (т. е. чума)

Этот план датируется 1829—1830 гг.

Другой, повидимому более ранний перечень драматических произведений (он писан до 20 октября 1828 года) таков: «Скупой. Ромул и Рем. Моцарт и Сальери. Дон Жуан. Иисус. Беральд Савойский. Павел I. Влюбленный бес. Димитрий и Марина. Курбский». Нельзя сказать, были ли в какой-нибудь степени осуществлены Пушкиным остальные его замыслы: От «Беральда Савойского» уцелела только французская выписка, от «Влюбленного беса» — план, развитый потом в устную новеллу, известную по записи В. П. Титова; «Димитрий и Марина» и «Курбский» влились в «Бориса Годунова».

Существует также еще один, более поздний перечень, интересный тем, что отсылает Пушкинские драмы к иностранным источникам:

- Скуп(ой) [из Англ.]
- Моц(арт) и Саль(ери). С Нем(ецкого)
- Пир чумы. С Англ(ийского).

Несомненным импульсом отчасти к созданию, а отчасти к завершению драматических опытов Пушкина послужил английский сборник четырех поэтов, экземпляр которого, бывший у Пушкина в руках, сохранился в составе библиотеки П. А. Плетнева. Заглавие этой книги: «The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall. Complete in one volume», Paris, 1829. *

По этому сборнику Пушкин познакомился и с «Fazio», трагедией Генри Мильмана о скупом, и с «The city of the plague», драмой Джона Вильсона, легшей в основу «Пира во время чумы», и с «Dramatic Scenes» Брайана Уоллера Проктера (Барри Корнуола) ** и рядом сго же лирических произведений, переведенных Пушкиным или повлиявших на него (установлено работами Н. В. Яковлева).

В кратком предисловии Барри Корнуол определил сущность и жанр своих сцен так:

«Единственной целью, которую имел я в виду, когда писал эти «Сцены», было испытать, какое впечатление произведет стиль более естественный, чем тот, который издавна господствует в нашей драматической литературе.

* «Стихотворные произведения Мильмана, Боульса, Вильсона и Барри Корнуола в одном томе». Париж, 1829.

** По совету Пушкина некоторые из них (в том числе «Людовико Сфорца» и «Сокол») были переведены А. О. Ишимовой и (уже после смерти Пушкина) напечатаны в 8-м томе «Современника» за 1837 год. «Драматические очерки», стр. 75—175.

Я пытался соединить поэтические описания с выражениями естественных эмоций: но мне хотелось, чтобы первые уступали место вторым там, где они не соответствовали друг другу. С этой целью я решился оставить некоторые пассажи, занимательные, может быть, только как воспроизведение человеческих диалогов.

Может быть отмечено, что некоторые части, касающиеся описаний, являются чисто поэтическими и в обыденном ходе жизни никогда не встречаются. Однако должно вспомнить, что лица, которым приписываются эти пассажи, существовали во времена более рыцарские, чем настоящее, и когда люди были склонны предаваться всем необычайностям вымысла».

Это предисловие показывает, чем могли заинтересовать Пушкина «Сцены» Корнуола. И подобно тому как пьесы Корнуола далеки от политических тем, Пушкинские драматические сцены также чужды каких бы то ни было политических намеков. В этом отношении они противоположны системе трагедии, ранее разрабатывавшейся Пушкиным (отрывок «Вадим», «Борис Годунов»).

В «маленьких трагедиях» Пушкин изучал страсти (скупость, зависть и пр.), ставя их в определенную бытовую обстановку, раскрывая их в драматической форме диалогов, развертывающихся на интернациональном фоне разных эпох (Германия XVII века, Франция Средних веков,

старая Англия, Испания). Естественно, что в своих драматических экспериментах этого рода, являвшихся развитием увлечения драматургической манерой и техникой Шекспира, он заменил сложную композицию, конгломерат многих быстро сменяющихся сцен («Борис Годунов»), аналогично Б. Корнуолу, сравнительно небольшим количеством сцен («Скупой рыцарь» — три; «Моцарт и Сальери» — две; «Каменный гость» — четыре; «Пир во время чумы» — одна).

Упрощен вопрос о месте действия («Скупой рыцарь» — башня, подвал, дворец; «Моцарт и Сальери» — комната Сальери, особая комната в трактире; «Каменный гость» — Антоньев монастырь, комната Лауры, памятник Командора, комната Доны Анны; «Пир во время чумы» — улица). Проблема сценического времени также разрешена по-новому (действие совершается: в «Скупом рыцаре» — в несколько дней; в «Моцарте и Сальери» — в один день; в «Каменном госте» — в несколько дней; в «Пире во время чумы» — в течение части дня).

«Маленькие трагедии», как эксперимент в духе раннего реализма, требующий особой, камерной сцены, сценического успеха не имели ни при жизни Пушкина («Моцарт и Сальери»), ни позже.

Скупой рыцарь

Печатается по тексту «Современника» 1836 г., с исправлениями по рукописи.

Сохранилась единственная (перебеленная, с поправками) рукопись «Скупого рыцаря», с заглавием: «Скупой», зачеркнутым эпитафией из Державина, также зачеркнутым подзаголовком: («The savetous Knight»), и датой в конце текста: «23 октября 1830. Болд(ино)».

Вторым источником текста является напечатанный самим Пушкиным текст «Современника» 1836 года (цензурное разрешение 31 марта), т. I, стр. 110—130, с заглавием: «Скупой рыцарь» (Сцены из Ченстоновой траги-комедии: The saveteous Knight); подпись: «Р».

Болдинская рукопись писана вся одновременно в октябре 1830 года. Никаких первоначальных черновых рукописей, с которых она переписана, до нас не дошло, что затрудняет точную датировку написания пьесы. Рукопись имеет следы механической переписки. Но, вместе с тем, ряд мест рукописи свидетельствует, что в ней

помимо простых исправлений или перепланировки стихов продолжались и творческие переделки отдельных мест. Текст «Современника» печатался с какой-то другой рукописи, вероятнее всего с писарской копии с исправлениями Пушкина, как показывает обилие мелких различий между текстами Болдинской рукописи и «Современника». Эта посредствующая стадия работы над пьесой, когда «Скупой» превращается в «Скупого рыцаря», «траги-комедию», взятую из Ченстона, не дошла до нас. Впервые заглавие «Скупой рыцарь» употреблено Пушкиным уже 9 декабря 1830 года в письме к П. А. Плетневу.

Начало замыслов и первые приступы к работе над «Скупым» надо относить еще к 1826—1828 годам, близко ко времени работы над «Борисом Годуновым». Во всех списках-планах своих драматических произведений Пушкин именовал «Скупого» на первом месте. Последовательность дат, которыми Пушкин обозначал момент окончания своих пьес, показывает, что «Скупой» был закончен первым (23 октября). Что генезис этой пьесы надо относить к 1826 году, подтверждается также и так называемым планом ее, точнее несколькими словами, в которых вскрывается первый замысел «Скупого». Это запись: «(Жид), граф и сын». Данная карандашная запись находится в рукописи около записи III—IV строф пятой главы «Евгения Онегина» и датируется селом Михайловским, началом ян-

варя 1826 года. Возможно, что некоторые поправки в Болдинской рукописи «Скупого» сделаны по указаниям Жуковского, имевшего у себя рукопись в 1831 году и писавшего тогда Пушкину: «Возвращаю тебе твои прелестные пакости. Всем очень доволен... На Моцарта и Скупого сделаю некоторые замечания. Кажется, и то и другое еще можно усилить».

Рукопись 1830 года по точно неизвестным нам причинам лежала в литературном портфеле Пушкина до 1836 года, и только тогда он напечатал пьесу в «Современнике», но и то подписав ее французской буквой и сделав отвод от себя в подзаголовке в виде ссылки на несуществующего Ченстона. Как выше указано, уже в раннем черновом списке «маленьких трагедий» «Скупой» фигурирует с пометой: «Из Англ.». Можно думать, что Пушкин так долго выдерживал свою готовую трагедию и печатал ее без подписи, с рядом конспирирующих деталей, прежде всего, чтобы избежать биографически-личных применений. Дело в том, что в какой-то мере в основу I и III сцен «Скупого» легли и чисто биографические черты отношений Пушкина с отцом, Сергеем Львовичем, который, появившись пьеса сына за его полной подписью, без отвода к английской трагикомедии, мог быть обижен рядом легко понятных для современников аналогий.

В ряду бытовых наблюдений Пушкина, легших в основу указанных сцен «Скупого», прихо-

дится поэтому прежде всего отметить этот комплекс лично-биографических моментов. Скупость Сергея Львовича Пушкина была общеизвестна. Друзья Пушкиных и сам поэт постоянно подтрунивали над этой чертой, она же была причиной резкой ссоры поэта с отцом. О. С. Павлицева писала своему мужу об отце: «Мой отец только и делает, что плачет, вздыхает и жалуется встречному и поперечному. Когда у него просят денег на дрова и сахар, он ударяет себя по лбу и восклицает: «Что вы ко мне пристаёте? Я несчастный человек!»... Право, иногда он мне очень жалок. Старик всегда нуждается в деньгах, а их любит; его обкрадывают и обнищают со всех сторон...» Скупость отца — обычная тема семейной переписки и острот. Пушкин жалуется брату в письме от 25 августа 1823 года: «Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу... крайность может довести до крайности — мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию».

31 октября 1824 года Пушкин пишет Жуковскому из Тригорского о своей ссоре с отцом, называвшим Пушкина «*ce monstre, ce fils dénaturé*»: * «Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить — — — Перед тобой не оправ-

* Это чудовище, этот бесчеловечный сын.

дываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников Сибирских и лишения чести?» Градации интонаций этого эпизода, быть может, легли в основу соответствующей сцены обвинения бароном сына в покушении на убийство отца (градация обвинений от «убить» до «обокрасть». Ср. «Скупой рыцарь», стр. 152). То же письмо к Жуковскому Пушкин, тревожась огласки ссоры, заканчивал: «Поспеши: обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться—дойдет до правительства, посуди, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно».

Во всех воспоминаниях о Сергее Львовиче Пушкине отмечается рядом с его скряжничеством также напыщенная фальшивость его манер, актерство. Быть может это совмещение качеств и дало Пушкину первую мысль о двойственности скупого рыцаря, хотя видимо уже очень скоро герой Пушкина приобрел совершенно иные черты, ничего общего не имеющие с жалким образом Сергея Львовича.

Авторство Пушкина было широко расшифровано еще при жизни поэта, «Скупой рыцарь» был назначен к представлению вместе с драмой г-жи Ансело «Мария» и пьеской «Дамский доктор» на Александринском театре в понедельник 1 февраля 1837 года. Спектакль однако ввиду смерти Пушкина был перенесен на 2 февраля,

причем «Скупой рыцарь» из опасений демонстраций сочувствия Пушкину был вовсе снят и заменен водевилем.

А. И. Тургенев писал по этому поводу: «Сегодня еще прежде дуэли назначена и в афишках объявлена была для бенефиса Каратыгина пиеса из Пушкина «С к у п о й Р ы ц а р ь», сцены из Ченстовой траги-комедии. Каратыгин, по случаю отпевания Пушкина, отложил бенефис до завтра, но пиэсы этой—играть не будут!—вероятно опасаются излишнего энтузиасма...»

Сюжет «Скупого рыцаря» тесно связан с широко известной Пушкину обработкой мировой литературой типа скупца. Кроме «Скупого» Мольера и «Венецианского купца» Шекспира (сравнение которых Пушкин позднее сделал в особой заметке), Пушкин хорошо знал также изображения скупого у В. Скотта, Гофмана, Гольдони и др.

Подзаголовок печатного текста «Современника» со ссылкой на Ченстона должен быть признан позднейшей мистификацией Пушкина. Предполагая вначале дать подзаголовок: «Из ан(глийских сцен), Пушкин в болдинской рукописи только надписал по-английски: «The Covetous Knight», но и там зачеркнул эти слова. Пушкин повидимому имел в виду английского поэта В. Шенстона (Shenston, William; 1714—1763), автора элегий, од, песен, баллад, морализующих пьесок, пасторалей, философских опытов и пр. Но ничего подобного «Скупому рыцарю» у него нет.

Только поэма «Бережливость» некоторыми строками, говорящими о скупости, могла, быть может, дать почву для сближения имени Шенстона с «маленькой трагедией». Имя Шенстона было хорошо известно Пушкину еще в лицее. В форме «Ченстон» оно часто встречается например в «Кратком начертании теории изящной словесности» А. Мерзлякова, 1822 года. Позже Пушкин неоднократно сталкивался с ним, читая Байрона и В. Скотта.

ВАРИАНТЫ

Сравнительно с текстом «Современника» болдинская рукопись «Скупого Рыцаря» 1830 года дает много разночтений, между прочим, следующие:

Перед текстом пьесы зачеркнутое двухстишие:

Сам герцог звал меня на бал—Матильда
Там будет—нет, во что бы то ни стало...

Сцена I

Первоначально в словах Альбера (стр. 131) читалось:

А грудь ему не стоила двух су
потом:

А грудь ему не стоила двух ливров.

Стр. 136, стих:

Все сундуки фламандских богачей
читался первоначально:

Все сундуки голландских богачей.

Стр. 137, стих:

И как же служит? как алжирский раб. .
читался первоначально:

И как же служит: как избитый раб.

Стр. 137, стихи:

Да, на бароновых похоронах
Прольется больше денег, нежели слез.
читались первоначально:

Да, на бароновых похоронах
(Высокомощного владельца) больше
Прольется денег, нежели слез.

А л ь б е р. Ты прав.

Стр. 140—болдинская рукопись дает чтение,
принятое нами в основном тексте. В «Совре-
меннике»:

Его червонцы будут пахнуть ядом.

Стр. 141, начало стиха:

Больному кузнецу...
читалось первоначально:
Больному мельнику.

Заключительные стихи сцены I (стр. 141) были начаты первоначально:

Меня как сына содержать. Нет, полно
Мне в этой башне...

Сцена II

Первый стих читался первоначально:

Как юноша ждет тайного свиданья.

Стр. 143, стихи о злодействе первоначально читались:

Я свистну и ко мне послушно, тихо
Придет Злодейство в рубище кровавом.

Сцена III

Стр. 149, слова герцога первоначально читались:

Как давно мы с вами
Не виделись! Вы двор забыли мой.

Стр. 153, был еще вариант, затем отброшенный:

Я лгу, и гром не грянул, боже правый!..

и еще раньше:

И гром не грянул, и земля злодея

В сцене III (стр. 154) в тексте «Современника» дано чтение:

Бросьте это;
Отдайте мне перчатку эту.

Именно так эти стихи печатались и позже. Мы восстанавливаем это место в основном тексте, согласно поправке Пушкина в болдинской рукописи, полагая, что эта поправка была упущена из виду в писарской копии, с которой вероятно печатался «Скупой Рыцарь» в «Современнике».

Моцарт и Сальери

Печатается по текстам, трижды изданным самим Пушкиным («Северные цветы на 1832 год», стр. 17—32 (с полной подписью Пушкина), отдельный оттиск из «Северных цветов» вместе со стихами и «Стихотворения Александра Пушкина», третья часть, 1832, стр. 89—106).

«Моцарт и Сальери» закончен Пушкиным 26 октября 1830 года в Болдине, но набросан ранее в селе Михайловском, как это видно из сообщения поэта Веневитинова Погодину 11 сентября 1826 года («Борис Годунов—чудо.—У него еще Самозванец, Моцарт и Салиери...») и из перечня драм, датируемого 29 июля 1826 года.

Ни одной рукописи этой «маленькой трагедии» не сохранилось. Предполагают, что первоначально Пушкин хотел ее назвать «Зависть».

Уже 27 января (повторно 1 февраля) 1832 года трагедия была поставлена на петербургском Большом театре в бенефис актера Брянского (игравшего Сальери, Моцарта играл Сосницкий), но

поставлена небрежно, перед другим спектаклем (комедией и водевилем князя Шаховского), и не имела успеха. С негодованием отмечая шум публики, входившей в начале спектакля, рецензент «Северной пчелы» писал: «Правда, что сцены М о ц а р т и С а л ь е р и созданы для немногих, но и эти немногие не могли наслаждаться ими вполне».

История создания «Моцарта и Сальери» остается до сих пор не раскрытой до конца. Сам Пушкин на обороте записки к нему Н. М. Смирнова (конца 1832 года) набросал следующую заметку, проливающую некоторый свет на историю создания пьесы и быть может вызванную мнением Катенина о невинности исторического Сальери:

«В первое представление Дон Жуана, в то время, когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта—раздался свист—все обратились с изумлением и негодованием, и знаменитый Салиери вышел из зала—в бешенстве снедаемый завистью.

Салиери умер лет восемь тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении—в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать Дон Жуана, мог отравить его творца»

В одном из перечней драм Пушкин прямо сопроводил заглавие «Моцарта и Сальери» поме-

той: «С Нем(ецкого)». В настоящее время разысканиями Е. М. Браудо установлено, что Пушкин мог пользоваться сведениями о Моцарте в «Биографии Моцарта» 1818 года и во «Всеобщей музыкальной газете» 1825 года, а также, как это устанавливает М. П. Алексеев, мог знать и ряд других вариантов легенды об отравлении Моцарта, широко обсуждавшейся в литературных (в том числе французских) журналах. Тема отравления, мимолетно задетая и в «Скупом рыцаре», имеет в своей обработке в «Моцарте и Сальери» точки соприкосновения с пьесой Барри Корнуола «Людовико Сфорца» (ср. Д. Д. Благой, Социология творчества Пушкина, 1931, стр. 177—178 и 181).

В ряду биографическо-бытовых впечатлений, связанных с пьесой, могло иметь значение знакомство Пушкина в конце 20-х годов с композитором М. И. Глинкой и кругом русских музыкантов-дилетантов.

Следует также отметить наличие в библиотеке Пушкина книг, несомненно послуживших ему материалами (сочинения и письма Бомарше, разрезанные Пушкиным страницы Мармонтеля об «Ифигении» Глюка и конкурировавшей с ней одноименной опере Пиччини). Легкость, с которой Моцарт писал свои вещи при любых условиях, отмечалась, между прочим, в «Сыне отечества» 1827 года (ч. 116, № XXIII, стр. 215, «Моцартово письмо»).

Упомянутые в пьесе вещи Моцарта (1756—1791)—«Свадьба Фигаро» (1785), из которой взята и ария «*voi che sarette*», т. е. «вы, которые знаете», и «Реквием» (т. е. католическая заупокойная обедня—«Вечный покой») (1792)—постоянно исполнялись во времена Пушкина в Петербурге.

Г л ю к, Христофор-Вилибальд (1714—1787)—немецкий композитор, развивавший, в противовес церковной музыке, светскую, оперную. Широко известны его оперы: «Ифигения в Тавриде» и незаконченная «Ифигения в Авлиде». Пушкин вероятнее всего имеет в виду последнюю, законченную Моцартом (ср. «Ифигении н а ч а л ь н ы звуки...»).

П и ч ч и н и, Николо (1728—1800)—итальянский композитор, соперничавший в Париже с Глюком.

В 70-х годах XVIII века в Париже разгорелась борьба между приверженцами французской оперы («глюкистами») и сторонниками итальянской оперы («пиччинистами»). Ученик Глюка—Сальери возмущается успехами Пиччини у «диких парижан».

С а л ь е р и, Антонио (1750—1825)—итальянский композитор, автор многих опер (между прочим, «Тарар» на слова Бомарше), под конец жизни сторонник церковной музыки. Легенда о том, что Сальери отравил Моцарта, распространилась вскоре после смерти самого Сальери и была подхвачена немецкой и французской прессой.

Г а й д е н о м называет Пушкин Иосифа Г а й д н а (1732—1809), немецкого композитора, предшественника Моцарта. Его музыка часто исполнялась в России в 20-х годах XIX века.

Для деталей диалога Сальери и Моцарта Пушкин использовал также материалы переписки Вольтера (указание Н. О. Лернера) и для заключительных стихов о «гении и злодействе» мог вспомнить поэму французского поэта Ле-Миера «Живопись» (1769), где по поводу Микель Анджело Буонаротти говорится: «Часто повторялось, что для того, чтобы придать более истины распятому, Микель Анджело заколол кинжалом натурщика на кресте... Никогда еще момент вдохновения не мог быть моментом преступления, и даже я не могу поверить, чтобы преступление и гений были совместны». О том же эпизоде сообщал и Карамзин в «Письмах русского путешественника»: «Показывая Микель Анджелову картину Распятия Христова, рассказывают всегда, будто бы он, желая естественнее представить умирающего спасителя, умертвил человека, который служил ему моделью; но анекдот сей совсем невероятен» (указания А. М. Эфроса, Рисунки поэта, 1933, стр. 87—88).

Каменный гость

Печатается по изданию, под редакцией Б. В. Томашевского, «Каменный гость», Госиздат, 1923.

Сохранилась единственная рукопись пьесы, находящаяся ныне в Государственной публичной библиотеке имени Ленина. Эта рукопись представляет собою окончательную отделку переписанной трагедии, законченную Пушкиным, как показывает дата под текстом, 4 ноября 1830 года в Болдине. Уже в письме от 9 декабря того же года Пушкин упоминает «Каменного гостя» между других «драматических сцен или маленьких трагедий», под заглавием «Д. Жуан». С этим же условным заглавием (Дон Гуан) она встречается и в других перечнях Пушкина. Начертание имени Жуан и Гуан первоначально в рукописи колеблется, так же как Севилья первоначально названа Севиллой (как и в переводе «Я здесь, Инезилья» из Барри Корнуола), позже Севилья заменена Мадритом.

Эпиграмматические стихи из второй сцены «Каменного гостя» дважды вписывались самим

Пушкиным в альбомы. Первый раз—1 марта 1828 года—в альбом пианистки Шимановской:

...Из наслаждений жизни
Одной любви Музыка уступает,
Но и любовь мелодия...

Второй раз—5 октября 1832 года—в альбом П. Бартеневой, с вариантом в последнем стихе:

Но и любовь Гармония.

Первый замысел пьесы вероятнее всего относится к 1826—1827 гг. (она помечена в списке пьес на обороте автографа 1826 года).

Вероятно еще в начале 1831 года Пушкин показывал пьесу П. А. Вяземскому (последний знал о ней еще 17 декабря 1830 года). В июле 1831 года в Царском Селе он давал пьесу для чтения Жуковскому вместе с «Пиром во время чумы», показавшимся Жуковскому «едва ли не лучше Каменного гостя».

Однако при жизни Пушкина трагедия так и не была напечатана, впервые появившись лишь в 1839 году (в сборнике «Сто русских литераторов», т. I, стр. 49—95), с очень неисправным текстом.

«Каменный гость» является обращением Пушкина к средневековому легендарному сюжету о наказанном севильском обольстителе. Одной из обработок этого сюжета была драма Тирсо де-Мolina «Севильский обманщик или каменный гость» (1630), в свою очередь влиявшая на итало-фран-

цузский театр. Пушкин, конечно, прекрасно знал комедию Мольера «Дон Жуан или каменный пир» (1665) и оперу Моцарта на слова аббата Лоренцо да-Понте «Наказанный развратник или Дон Жуан» (1787). Из оперы Пушкиным взят эпиграф к «Каменному гостю». Из оперы же заимствовано имя слуги. Особенно близка сцена приглашения статуи в «Каменном госте» с 1-й сценой II акта оперы. Имеется сходство и в заключительных сценах, хотя в опере командор (отец донны Эльвиры), явившись, в свою очередь зовет Дон Жуана на ужин, и Дон Жуан проваливается в преисподнюю под морализующие сентенции хора.

Эти же сцены были обработаны и Мольером. Но этими эпизодами примитивной комедии о грешнике, наказанном мстью привидения за беспутную жизнь и за вызов убитому, и ограничивается заимствованное Пушкиным у предшественников в сюжете «Каменного гостя».

Отдельные детали монологов Дон Жуана и Доны Анны могут быть сопоставлены с деталями романтических трагедий и романов, современных Пушкину. Так, например, слова:

Бедная вдова,
Всё помню я свою потерю: слезы
С улыбкою мешаю, как апрель...—

восходят к трагедии Барри Корнуола (из сборника четырех английских поэтов) «Людовико Сфорца», а именно к словам:

Although a widow, not bivested of
Her sorrows quite, am here i' the midst
of tears,
To smile, like April, on you...*

(Отмечено впервые Д. Д. Благим, указ. соч., стр. 178.)

Имя Инезы, упоминаемое в I сцене,—обычное испанское имя. Пушкин мог припомнить его хотя бы по одной из испанских драм Мериме—«Inès Mendo», входившей в «Театр Клары Газуль» (1825). Ср. реплики Дон Гуана (стр. 174) и слова Дон Эстебана: «Да, я любил ее... как многих, ни больше, ни меньше... Инеса сегодня нехороша... она бледна, немного желта, у нее усталые глаза... чорт возьми! и та будет над ней издеваться! Бедная Инеса!..»

Об обычае ночных сторожей в Испании кричать *ясно!* имелась (вероятно восходящая к иностранным источникам и потому известная Пушкину ранее) заметка в отделе «Смесь» «Московского телеграфа» 1830, № 2 (цензурное разрешение 4 декабря)—«Ночные сторожа». Здесь сообщалось: «В Испании это *Сереносы*, так называемые по их обычаю громко возглашать о часе и погоде. В благословенном тамошнем климате почти всегда погода ясная, и потому они кричат: *La una*

* Я вдова, еще не совсем забывшая свои печали... Я сквозь слезы улыбаюсь тебе, как апрель...

у *media!* Tiempo *sereno!* В том же журнале (ч. 35, стр. 114—136, цензурное разрешение 26 сентября, 1830 г.) была напечатана статья Сен-При «Взгляд на нынешнюю Испанию», из которой, как мы думаем, Пушкин мог почерпнуть ряд сведений о местном колорите Испании. Здесь указывалось: «Испанские нравы, одежды, физиономии оживлены уже были рукою Сервантеса: половина дороги сделана; дойти по ней до конца надобен новый Валтер Скотт». В этой же статье Пушкин мог обратить внимание на мысленное перенесение автором себя и читателя из Парижа в Испанию, быть может сказавшееся на словах Дон Карлоса.

С «испанской» драмой В. Гюго «Hernani», появившейся на французской сцене в феврале 1830 года (подробный пересказ был напечатан в «Литературной газете» 1830 года, от 30 июня и разбор — в сентябрьской книжке «Московского телеграфа»), Пушкин и его круг были хорошо знакомы. Еще в мае 1830 года Пушкин благодарил Е. М. Хитрово за присылку этой вещи и писал ей: «Это одно из произведений современности, которое прочел я с наибольшим удовольствием». Колорит этой пьесы, отдельные интонации диалогов донны Соль и Эрнани и некоторые ситуации (сцена на балконе) могли оставить след на диалогах Дон Гуана с Лаурой и с Доной Анной. Можно предполагать, что в качестве романсов Лауры Пушкин хотел использовать свои стихотворения «Серенаду» и «Ночной зефир».

ВАРИАНТЫ

В сцене I разговор Дон Гуана с монахом (стр. 179) первоначально читался:

Д о н Г у а н.

Что за странная вдова?

А я слышал, покойник был ревнивец.
Он Дону Анну взаперти держал,
Никто из нас не видывал ее.
И не дурна?

М о н а х.

Мы красотой женской,
Отшельники, прельщаться не должны,
Но лгать грешно; не может и угодник
В ее красе чудесной не сознаться.

Д о н Г у а н.

Нельзя ли Дону Анну нам увидеть?

М о н а х.

Постойте здесь, она сейчас придет...
Да вот она!

(Входит Дона Анна.)

Д о н а А н н а.

Отец мой, отоприте!

М о н а х.

Сейчас, Сеньора; я вас ожидал.

(Дона Анна идет за монахом.)

Несколько ниже, в реплике Лепорелло Дон Гуану читалось:

Как живописцу нашему Перезу,
Вам всё равно, с чего бы ни начать.

В заключительном диалоге сцены I (стр. 181) читалось:

Мужа повалил
Да поглядеть идет на вдовьи слезы.

Д о н Г у а н.

Что ты ворчишь?

Л е п о р е л л о.

Я говорю, что трудно
Вам до нее добраться будет. Люди
Узнают вас.

Д о н Г у а н.

А здесь?

Л е п о р е л л о.

Над гробом мужа.

Д о н Г у а н.

Что ж? думаешь: он станет ревновать?

Л е п о р е л л о.

Бессовестный; не сдобровать ему!

Д о н Г у а н.

Ступай же ты в деревню, знаешь, в ту,
Где мельница, да жди меня. Я буду
Сам—иль пришло.

Л е п о р е л л о.

А как же? у Лауры
Не будем мы сегодня?

Д о н Г у а н.

Убирайся.

(Уходит.)

Л е п о р е л л о.

Прощайте. Жди теперь пока придет!
Проклятое житье! Да долго ль будет
Мне с ним возиться. Право сил уж нет.

В сцене II (стр. 187) Лаура первоначально произносила:

Открой балкон. Взгляни, как небо тихо;
Недвижим теплый воздух—как лимоном
И лавром пахнет ночь! И ярко месяц
Блестит на синеве густой и темной.

Д о н Г у а н .

Не знаю. Ни одной

Из них я не любил.

Д о н а А н н а .

И я поверю

Что Д(он) Гуан влюбился в первый раз,

Что он во мне не ищет жертвы новой!

Д о н Г у а н .

Ах, если б я обманывал тебя,

Признался ль я, сказал ли (б) я то имя,

Которого не можешь слышать ты?—

Иль видишь тут обдуманность, коварство?

Д о н а А н н а .

Кто знает вас? Но как ты мог придти

Сюда; тебя узнать могли бы люди

И смерть твоя была бы неизбежна.

Д о н Г у а н .

Что значит смерть? За сладкий миг свиданья

Безропотно отдам я жизнь.

Д о н а А н н а .

Но как же

Отсюда выдешь ты, неосторожный?

Д о н Г у а н (*целуя ей руки*).
И ты о жизни бедного Гуана
Забодишься! Так ненависти нет
В душе твоей небесной, Дона Анна?

Д о н а А н н а.
Когда б могла тебя я ненавидеть!

Пир во время чумы

Печатается по альманаху «Альциона на 1832 год», изданному бар. Розеном, где пьеса впервые появилась (на стр. 19—32), за полной подписью Пушкина, без всякой даты. В издании своих стихотворений Пушкин перепечатал «Пир во время чумы» в том же году, без изменений, убрав только подзаголовок. В 1831 году рукопись была у Жуковского. В 1910 году перебеленная с поправками рукопись «Пира» еще существовала, но затем исчезла (ее история изложена Л. Б. Модзалевским в 3—4-й книге «Звеньев», 1934). Вероятнее всего «Пир во время чумы» был написан в конце 1829 или в начале 1830 года и закончен, после других «маленьких трагедий», в Болдине вероятнее всего 6 ноября 1830 года. Датой издания «Сборника четырех английских поэтов» (1829), в котором Пушкин нашел пьесу Вильсона «The city of the plague» («Чумный город»), определяется начальный момент создания пьесы Пушкина. Поэт, близкий «озерной школе» романтиков, Джон Вильсон (1789—1854) впервые напечатал свою драму в 1816 году.

Пушкин, обратившись к этой драме, дал местами чрезвычайно близкий ее перевод, в духе своих обычных переводов, т. е. с тенденцией к большей лаконичности, с переработками и сокращениями, в особенности в многочисленных описаниях (подробный анализ см. у Н. В. Яковлева в «Пушкинском сборнике памяти С. А. Венгерова», 1923, стр. 93—132). Песня Мери у Пушкина дана совершенно своеобразно и по содержанию и по форме (хореем заменен амфибрахий Вильсона). Имена Дженни и Эдмонда отсутствуют в английской драме. Песня председателя сохраняется у Пушкина ямб подлинника в песне хора, но совершенно оригинальна по содержанию. Если мотив богоборчества стушеван Пушкиным в его «маленькой трагедии», то вполне оригинальный «гимн чуме», наоборот, делает его наиболее ярким местом в отличие от «песни» Вильсона.

Таким образом из трехактовой пьесы Вильсона внимание Пушкина обратила на себя только средняя часть сцены 4-й первого акта.

Пересказ всей пьесы Вильсона был сделан Л. Поливановым в «Сочинениях А. С. Пушкина для семьи и школы», 1887, т. III, стр. 79—91.

Уже летом 1831 года Пушкин давал в числе других «маленьких трагедий» читать переделанный текст «Пира во время чумы» В. А. Жуковскому, и тот писал ему по этому поводу в конце июля: «Возвращаю тебе твои прелестные пакости. Всем очень доволен. Напрасно сердисься на

чуму: она — едва ли не лучше Каменного гостя...» Тем же летом Пушкин отправил «Пир во время чумы» издателю «Альционы» Е. Ф. Розену и писал ему: «Вот Вам, любезный барон, пир во время чумы из Вильсоновой трагедии à effet».

В рукописи в первом монологе (стр. 219) первоначально были варианты:

Почтенный председатель! Я напомню
О человеке всем нам так знакомом.

Несколько ниже:

Зараза, гостя злая, насылает

и далее:

Забыли Венворта. Его здесь нет.

Позже Пушкин заменил имя героя Вильсона (Венворт) другим (Джаксон).

〈Русалка〉

Печатается по перебеленной, с поправками рукописи «Русалки» без заглавия, хранящейся в Государственной публичной библиотеке имени Ленина в Москве. С нее же печатался впервые текст, данный после смерти Пушкина в «Современнике» 1837 года. В этой рукописи имеется дата окончания перебелки первой сцены: «27 Апр. 1832». Остатки черновиков разного времени сохранились в других тетрадях Библиотеки имени Ленина. Сохранился и следующий план «Русалки»:

Мельник и князь.

Свадьба.

Княгиня и мамка.

Русалки.

Князь, старик и Русалочка.

Охотники.

Первоначальные упоминания мельника в «Скупом рыцаре» и «Каменном госте», видимо, свидетельствуют о моментах, хронологически близких (1829 г.?). Однако, отбившись от «маленьких

трагедий», «Русалка» переделывалась и перепланировывалась Пушкиным позднее (в 1832 г.), и самый конец ее (охотники, посланные княгиней и отыскивающие князя у Днепра) так и остался ненаписанным, или не дошел до нас. Сведение двух сцен (князь и мельник и князь и Русалочка) в одну также не было завершено. Близкая по форме к «маленьким трагедиям», «Русалка» отличается от них большим количеством сцен и действующих лиц, национально-фантастическим сюжетом. Близки по сюжету к «Русалке» Пушкинские «Яныш королевич», набросок 1826 г. «Как счастлив я» и, в известной мере, «Ундина» Жуковского. Пушкин знал оперу «Днепровская русалка» Н. С. Краснопольского — переделку «Das Donauweibchen» (1792) К. Ф. Генслера (1759—1825). Популярная ария из нее цитируется в «Евгении Онегине» («Приди в чертог ко мне златой»), и использование ее сюжета и отдельных частных в «Русалке» несомненно (одно из превращений царицы русалок в мельничиху, сцены княжеской охоты, возвращение князя на берег Днепра; ряд персонажей: конюший, мамка, и т. д.). Анализ обеих пьес дан в статье И. Н. Жданова, «Русалка» Пушкина и «Das Donauweibchen» Генслера» («Памяти А. С. Пушкина», сборник статей, 1900, стр. 139—179). «Днепровская русалка», знакомая Пушкину по русской сцене, имела и в личной библиотеке Пушкина. На «Русалке» сказалось и влияние рус-

ского фольклора. Начиная с современника Пушкина, поэта А. Ф. Вельтмана, ряд лиц пытался «закончить» неоконченную Пушкинскую пьесу. Особенно известна мистификация Д. П. Зуева (1897), выдавшего написанное им самим «окончание» «Русалки» (в нем был использован ряд стихов из черновигов Пушкина) за подлинное, Пушкинское окончание трагедии. Замечательный стиховой анализ Пушкинской «Русалки» и этой подделки был дан академиком Ф. Е. Коршем, поверившим однако в подлинность «окончания» («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1898).

ВАРИАНТЫ

В первой сцене (стр. 237) на вопрос девушки: «Уж на меня не сердисься ли ты?», князь первоначально отвечал:

От сокола не скрыться вороненку,
От глаз любви душе не утаиться.

Там же (стр. 238), после слов князя: «Ничто беды не может миновать», было еще:

Кто раз сказал: я счастлив, тот уж ведай,
Что близок, близок счастью конец!

Первоначальный конец сцены «Княжеский терем. Свадьба» (стр. 250), зачеркнутый самим Пушкиным, был таков:

Д р у ж к о.

Уж эти девушки — никак нельзя им
Не попроказить. Статочно ли дело
Мутить нарочно княжескую свадьбу.

(Слышен крик.)

Ба! это что? да это голос князя!

*(Девушка под покрывалом переходит через ком-
нату.)*

Ты видела?

С в а х а.

Да, видела.

К н я з ь, *выбегает.*

Держите!

Гоните со двора ее долой!

Вот след ее — с нее вода течет —

Д р у ж к о.

Да, так, вода, юродивая, видно,
Нечаянно сюда прокралась — слуги
Над ней смеясь, ее, знать окатили.

К н я з ь.

Ступай, прикрикни ты на них — как смели
Над нею издеваться — и ко мне
Впустить ее! *(Уходит).*

Д р у ж к о.

Ей-богу это странно —

Кто там?

(Входят слуги.)

Зачем пустили эту девку?

С л у г а.

Какую?

Д р у ж к о.

Мокрую.

С л у г а.

Мы мокрых девок

Не видели.

Д р у ж к о.

Куда ж она девалась?

С л у г а.

Не ведаем.

С в а х а.

Ох, сердце замирает.

Нет, это не к добру.

Д р у ж к о.

Пойти-ко мне! Садиться на коня!

Прощай, кума! *(Уходит.)*

Еще ранее выпущены стихи:

С в а х а.

Сердце замирает!

Не даром песню чудную пропели,

Не даром чудеса творятся. Чем-то

Всё это кончится? Нет, это не к добру.

Стихи, зачеркнутые в сцене «Светлица»
(стр. 252):

М а м к а.

Ну в ком ему найти, как не в тебе
Сокровища такого?

К н я г и н я.

Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы он любил
Какую-то красавицу, простую
Дочь мельника.

М а м к а.

Да, так и я слыхала
Тому давно, годов уж пять иль больше;
Но девушка, как слышно, утопилась,
Так нечего об ней и поминать.

К н я г и н я.

Уже одну любил он да покинул,
Так и меня покинуть может он.

Ту же сцену («Светлица») Пушкин пробовал
сначала написать народным стихом:

⟨М а м к а.⟩

— Княгиня княгинюшка,
Дитя мое милое,
Что сидишь невесело,
Головку повесила?

Ты не весь головушку,
Не печаль меня старую,
Свою няню любиму.

⟨К н я г и н я.⟩

— Ах, нянюшка, нянюшка, милая моя—
Как мне не тужить, как веселой быть?
Была я в девицах, друг любил меня,
Вышла за него, разлюбил меня.
Бывало дружок мой целый день сидит
Супротив меня, глядит на меня,
Глядит на меня, не смигивает,
Любовные речи пошептывает—
А нынче дружок мой ни свет, ни заря
Разбудит меня, да сам на коня,
До ночи ⟨в гостях⟩ разгуливает.
Приедет, не молвит словечушка мне
Он ласкового, приветливого—

⟨М а м к а.⟩

— Дитя мое, дитяtko,— не плачь, не тужи,
Не плачь, не тужи, сама рассуди:
Удал добр молодчик, что вольный петух,
Мах-мах крылом, запел, полетел;
А красная девица, что наседочка:
Сиди да сиди, цыплят выводы—

⟨К н я г и н я.⟩

— Уж нет ли у него зазнобы какой?
Уж нет ли на меня разлучницы?

⟨М а м к а.⟩

— Полно те, милая, сама рассуди—
Ты всем то взяла, всем то хороша!
Лица красотой, умом-разумом,
Лебединою походочкой,
Соловьинной поговорочкой,
Тихим ласковым обычаем...

Среди вариантов этого места сцены «Светлица»
(стр. 251) были еще такие:

⟨К н я г и н я.⟩

Не он ли, мамушка? Мне кажется ⟨что⟩ он...
Послушай-ка—нет, кажется не едет!
Ох, мамушка, как был он женихом,
Он более, нежней меня любил,
Теперь не то—приветным поцелуем
Ранешенько разбудит по утрам
И уж велит седлать себе коня,
И тешится охотой соколиной
До вечера, до поздних петухов...
Воротится—чуть ласковое слово
Промолвит мне—чуть ласковой рукой
По белому плечу меня потреплет
И прочь бежать... А раньше, боже мой!— —
Он от меня на шаг не отлучался,
С меня очей орлиных не сводил.

Н я н я.

Дитя мое, мужчина, что орел
Кири куку! Мах, мах крылом и прочь,

А женщина, что бедная наседка —
Сиди себе да выводи цыплят —
Пока жених, уж он не наглядится
Не ест не пьет: сидит не насидится
Пред милою голубкою (?) своей...
Но женится и настают заботы —
То надобно соседа навестить,*
То выехать с охотниками в поле,
То на войну, то тризны пировать.
Туда — сюда — а дома не сидится! —

⟨Княгиня.⟩

Как думаешь... уже нет ⟨ли⟩ у него
Какой-нибудь зазнобы тайной ⟨нет ли⟩
Уж на меня разлучницы лукавой —

⟨Няня.⟩

И полно, свет, одну тебя он любит,
Ну! на кого ж тебя ⟨то⟩ променять!
Ты всем взяла: — и ясной красотой
И разумом и тихим обхождением.
Ну где ему найти... как не в тебе,
Княгинюшка: любви и совета?
Кому с тобой...

⟨Княгиня (перебивает).⟩

Однако ж я слыхала
Что будто бы до свадьбы он любил

* ⟨Первоначально было: соседей воевать.⟩

Красавицу какую-то простую —
Дочь мельника —

⟨Н я н я.⟩

Да, да, и я слышала
Тому давно... Годов уж пять иль боле...
Но он ее, — узнав тебя, покинул —
И девушка, как слышно, утопилась —
Так нечего об ней и поминать!

К н ⟨я г и н я.⟩

Уже одну любил он да покинул,
Так и меня покинуть может он.

⟨Н я н я.⟩

Какой же вздор ты в голову берешь —
Ах, милая моя, ну вот и слезы...
Да перестань, княгинюшка, блажить.
Чу... слышишь ли? охотники трубят.
Не плачь, мой свет! Вот князь домой при-
ехал — —

⟨К н я г и н я.⟩

Где ж он? Смотри! Его не вижу я
В толпе ловцов — беги, узнай скорее,
Что князь, где князь? — — — —

⟨Л о в ч и й (входит).⟩

Он приказал домой
Отъехать нам —

⟨Княгиня.⟩

А где ж он сам?

⟨Ловчий.⟩

— Остался

Он за лесом по ту страну Днепра.

⟨Княгиня.⟩

И князя вы осмелились оставить
Там одного — усердные вы слуги!
Сейчас назад — сейчас к нему скачите!
Скажи ему, что я послала вас —
Ах, боже мой — один, ночной порою — — —
Чего ему не может приключиться:
И дикий зверь и лютей человек
И леший — враг — как знать! какую встречу
Судьба пошлет — и долго ли — беда?
Скорей, зажечь свечу перед кивотом;
Скорей, [пойдем!]

⟨Няня.⟩

Бегу, бегу, мой свет.

Далее в черновой рукописи Пушкин начал набрасывать монолог князя:

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —
Вот мельница — в развалинах она —
[Знакомый] шум ее колес умолкнул.

Да жернов стал — знать, умер и старик,
Дочь бедную оплакивал недолго.
Здесь хижина была — близ этих сосен...
И следу нет, а сосны зеленеют!
Где ж хижинка? Быть может [рыбаки]
Ее сожгли — в ней разложив огонь
В осенню ночь... Тропинка тут вилась
От хижинки до мельницы — заглохла!
Давно, давно по ней (никто) не ходит.
Тут садик был с забором. Неужели
Разросся он — кудрявой этой рощей?
Ах, вот и дуб заветный. Здесь она
Впервые мне, пылая, предалася.
Счастлив(ый сон!)

(Идет по берегу,) листья сыплются.)

Что это значит? Листья
Поблекнув вдруг свернулись и с шумом
Посыпались, как пепел, на меня —
Передо мной стоит он гол и черен
Как дерево проклятое. — Что это?

Далее в той же рукописи начаты многократные и разновременные переработки песни русалок (ср. стр. 254). Из них с трудом извлекаются лишь отдельные необработанные строфы и строки, например:

[Любо нам в часы ночные
Наши кельи водяные
покидать.]

[Любо кудри золотые
В тонком воздухе купать—]
Слой хрустальный головами
 разрезать,
Любо, любо над волнами
 выплывать,
подавать друг дружке голос,
Звонкий воздух сотрясать
И зеленый нежный (?) (волос)
В нем сушить и развевать.

Тише, тише над водами
Что-то дрогнуло во мгле,
Между месяцем и нами
Кто-то ходит по земле.

Не пора ль подняться нам
Ближе к воздуху к (звездам)
Порезвиться на земле,
Подышать в воздушной мгле—
Любо, милые мои,
Пить воздушные струи,
Там висеть и хохотать
И качаясь отдыхать.

〈Сцены из рыцарских времен〉

Печатается по рукописи Государственной публичной библиотеки им. Ленина и отдельным листкам, хранящимся в Ленинградской публичной библиотеке и в Пушкинском доме Академии наук.

Впервые опубликованы после смерти Пушкина, под заглавием «Сцены из рыцарских времен», данным В. А. Жуковским («Современник», 1837, т. V). В рукописи Пушкина заглавие отсутствует. Перед текстом сбоку написано слово «План». Точнее было бы, в согласии с содержанием пушкинского французского конспекта (см. стр. 300), объединять эти материалы под названием «Пьеса о крестьянском восстании».

Пушкин пробовал также изложить сюжет различными стиховыми размерами. Сохранились две попытки этого рода:

〈I〉

Ох горе мне, Мартын, Мартын.
Клянусь, ей, ей, ты мне не сын —
Моя [покойница сшалила]
В кого она тебя родила?

Мой прадед был честной бочар
Он передал свой сыну дар,
Дед был *(нрзбр)*, отец был *(тоже)*
прости им боже!
Я тож, — а ты, а ты то что?

⟨II⟩

— Эй, Франц, я говорю тебе в последний раз:
Я больше не хочу терпеть твоих проказ.
Уймись, или потом поплачешь, будь уверен.

— Да что ж я делаю?

— Ты? вовсе ничего,
[И в том-то и беда.] Ты кажется намерен
Хлеб даром есть.

Среди многих вариантов рукописей (впервые они разобраны С. М. Бонди в 1930 г.) между прочим имеются следующие:

К стр. 260:

Презирают, а того не ведают нахалы, что
старый Мартын не променяет своей лавки убранный
сверху до низу испанскими сукнами на их
голые каменные замки, где они с голоду свищут,
да побрякивают шпорами.

К стр. 271:

В первом семействе уже были различия состояний;
Каин рыл землю, Авель властвовал.

К стр. 272:

Мещанин трудится и богатеет. Почтен рыцарь

на коне боевом и за решеткой своей башни. Купца почитает народ в его лавке, но он был бы смешон на турнире.

В «Сценах из рыцарских времен» и прозаических драматических отрывках 30-х гг., в противоположность «маленьким трагедиям», Пушкин вновь возвращается к социально-острой тематике. Этот поворот в его творчестве совпадает и с поворотом его как прозаика от нейтральных «Повестей Белкина» к темам «бунта» в «Дубровском» и «Капитанской дочке».

Проблема изображения крестьянского восстания, интересовавшая Пушкина давно и обрабатывавшаяся им в разных жанрах, в «Сценах» (1834—1835) перенесена на фон средневековья. Несомненно близким литературным прецедентом для Пушкина была пьеса Мериме «Жакерия» (восстание крестьян XIV века). Сравнительный анализ пьес дан в работе Н. Демидова «О „Сценах из рыцарских времен“ А. С. Пушкина» («Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1900, т. V, кн. 2, стр. 631—640).

Первая песня Франца — переработка стихотворения «Легенда» (1829); вторая — обработка шотландской песенки (приводится в качестве эпиграфа в «Роб-Рое» В. Скотта).

⟨Отрывки и наброски⟩

⟨Из комедии об игроке⟩

Печатается по рукописи 1821 года, хранящейся в Публичной библиотеке имени Ленина. Впервые отрывок и план были напечатаны П. В. Анненковым («А. С. Пушкин в Александровскую эпоху», 1874, стр. 160—164 и «Материалы», 1855), отметившим также «обличительный характер задуманной комедии».

Отрывок этот набросан Пушкиным в Кишиневе и связан с планами («Вальберхова вдова...»), в которых все герои обозначены именами петербургских актеров. Планы датируются 4 июня 1821 года. Сюжет пьесы видимо должен был заключаться в том, что сестра («Вальберхова») хочет исправить брата-игрока («Сосницкого») и с этой целью заключает шуточный заговор с его друзьями, обыгрывающими «Сосницкого» вплоть до того, что последний вынужден поставить на карту своего старого крепостного («Величкина»). Господин и проигранный слуга —

оба плачут. Этим и заканчивается урок. Друзья («Брянский» и «Рамазанов») объясняют шутку.

〈Вадим〉

Печатается по рукописи, находящейся в Государственной публичной библиотеке имени Ленина. Впервые напечатан в изд. «Сочин. Пушкина» под ред. П. В. Анненкова, т. VII, 1857 г., стр. 65.

Замысел трагедии о «Вадиме»—вожде восстания вольнолюбивых новгородцев против деспотии варяга-Рюрика—относится к началу 20-х годов. Пушкину была хорошо известна одноименная трагедия Якова Княжнина (1793), сожженная екатерининской цензурой. «Вадим» характерен для «вольнолюбивых» настроений Пушкина кишиневской эпохи (1821 г.). Он примыкает к традиции писателей-декабристов, интересовавшихся той же темой («Вадим» Рылеева). Принужденный отказаться от мысли о высокой политической трагедии на тему о мятежнике, Пушкин пробовал начать на ту же тему поэму.

ВАРИАНТЫ

Среди черновых вариантов «Вадима» имеются, между прочим, следующие:

[Мы ждем тебя, Рогдай! Скажи, какую весть
О нашей родине ты можешь мне принести]

в словах Вадима (стр. 309):

[Достоин вечного проклятия судьбы]

в словах Рогдая:

[Явись... и перемен ударит грозный час]

в заключительной реплике Вадима:

[Безумные! давно ль в восторге зрел я вас,
Когда свою судьбу Варягам поручили....
И вольные главы под иго преклонили].

Планы поэмы на ту же тему см. в томе поэм.

⟨Перевод из К. Бонжура⟩

Печатается по рукописи Пушкинского дома.

Впервые был напечатан Анненковым в его издании «Сочинений Пушкина» 1855 г. (т. I, стр. 352), с пропуском начального стиха.

Отрывок представляет, как нами установлено, перевод из имевшейся у Пушкина в его личной библиотеке комедии К. Бонжура «*Le mari à bon-pes fortunes*» * (1824). Среди персонажей комедии Пушкин карандашом отметил на книге тех, которые были ему нужны, и особо тех, которых он не предполагал вводить в свой перевод. Особо набросал Пушкин схему действия той же комедии, выделяя сцены, которые ему были нужны (см. стр. 312). Пушкин довольно близко перевел сцену 4-ю акта первого (диалог матери, *Madame Derville*, и сына, *M-g Derville*). Сюжет популяр-

* «Муж—счастливый волокита».

ной французской пьески заключается в том, что легкомысленный муж (Дервиль) изменяет своей жене (Адели). Мать Дервиля пробует помирить супругов, что удается ей после ряда перипетий. Своему переводу Пушкин хотел придать колорит русской жизни (вариант: «Я нынче отыскал за *Троицким* мостом...») (Отрывок приблизительно (по почерку) датируется 1827 годом.

〈Насилу выехать решились из Москвы〉

Печатается по рукописи, хранящейся в Пушкинском доме. Впервые напечатан в академическом изд. «Сочинений Пупкина», т. IV, 1916, стр. 204—205.

По разноstopному стиху отрывок этот близок комедиям Шаховского и Хмельницкого и вероятнее всего восходит к французскому комедийному репертуару.

〈Через неделю буду в Париже〉

Печатается по рукописи, хранящейся в Пушкинском доме. Впервые напечатан в 1903 году И. А. Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», стр. 44—45.

Рукопись представляет перебеленную самим Пушкиным копию с отдельными поправками. (Первоначально вместо слова *Граф* во фразе: *Граф ничего не узнает*, было написано какое-то

иностранное имя; во фразе: *Месяца через три он придет к нам из армии, мы примем его*, было сначала: *к вам и вы примите его.*) Рукопись писана на четырех страницах белой почтовой бумаги (впоследствии проставлены жандармские цифры «51» и «53»), с водяным знаком фабрики Гончаровых 1830 года.

До сих пор не представляется возможным определить ни к какому сюжету относится отрывок, ни степень зависимости его от иностранных источников. Тематически он безусловно имеет точки соприкосновения с парижским эпизодом «Арапа Петра Великого» (главы I и II), и быть может, оставив замыслы романа, Пушкин продолжал работать над данным эпизодом, связывая его с другими драматургическими попытками 30-х годов из западной жизни.

Словом *Б р и т а н и я* очевидно обозначена *Б р е т а н ь*.

〈От этих знатных господ〉

Печатается по рукописи, хранящейся в Пушкинском доме. Впервые опубликован в 1857 г. П. В. Анненковым в его издании «Сочинений Пушкина» (т. VII, стр. 149—150).

Хронологически близкий к тематике так называемых «Сцен из рыцарских времен», отрывок этот повидимому был связан с печатающимся ниже конспектом пьесы о сыне палача.

〈Конспект пьесы о сыне палача〉

Печатается по рукописи, хранящейся в Пушкинском доме. Впервые опубликован в «Неизданном Пушкине», 1922, стр. 169.

Конспект должен быть датирован 14 сентября 1835 года, село Михайловское. Он связан с интересом западных драматургов и прозаиков 30-х годов к образу палача и к вопросу о его наследственной роли.

〈Конспект драмы о папессе Иоанне〉

Печатается по рукописи, хранящейся в Государственной публичной библиотеке имени Ленина. Впервые напечатан в 1881 г. Анненковым, полнее — В. Е. Якушкиным («Русская старина» 1884, стр. 523). Датируется 1834—1835 годами.

В рукописи Пушкиным зачеркнут ряд мест: после слова «*éspagnol*» было еще: «*qui lui donne des distractions, dont elle triomphe*» и «*découvre son sexe et devint* (*нрзбр*) *». После слова «*condisciplé*» было: «*Elle en devient amoureuse, jalouse*». ** В конце II акта зачеркнуто слово: «*Conclave*».

Анализ конспекта дан впервые Ю. Г. Оксманом в статье «Программа драмы А. С. Пушкина

* (Который развлекается с ней и над которым она торжествует и открывает ее пол и *нрзбр*).

** (Она влюбляется в него, ревнует.)

о папессе Иоанне» («Пушкинист», II. 1916, стр. 258—268) и в заметке о ней же в «Путеводителе по Пушкину», М.-Л. 1931, стр. 158. Пушкин имел в виду средневековую легенду о женщине, занимавшей папский престол под именем Иоанна VIII с 855 по 858 год. В своей библиотеке Пушкин имел ряд книг со сведениями об Иоанне «К р и с т а б е л ь» — фантастическая поэма Кольриджа со своеобразной ритмикой и чередованием рифм.

⟨Граф и кровельщик⟩

Печатается по рукописи, хранящейся в Пушкинском доме. Под заглавием «И ты тут был» напечатан впервые Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина», 1855, стр. 277.

Диалогическая форма склоняет видеть в этом наброске фрагмент драматического замысла. Однако он может быть относим и к прозаическим попыткам Пушкина. Ни исторического романа, ни исторической драмы с подобной ситуацией до сих пор исследователями не обнаружено. Возможна связь этого отрывка с приведенным выше конспектом пьесы о сыне палача.

А б е р в и л ь (возможно Аббевиль)—город, под которым произошло сражение при Кресси (Пикардия) 1346 года.

Содержание *

Борис Годунов	7	331
Драматические сцены	127	365
Скупой рыцарь	129	370
Моцарт и Сальери	155	380
Каменный гость	171	385
Пир во время чумы	217	396
⟨Русалка⟩	231	399
⟨Сцены из рыцарских времен⟩	265	412
⟨Отрывки и наброски⟩	303	415
⟨Комедии об игроке⟩	305	—
⟨Вадим⟩	309	416
⟨Перевод из К. Бонжура⟩	311	417
⟨Насилу выехать решились⟩ . . .	314	418
⟨Через неделю буду в Париже⟩ .	316	—
⟨От этих знатных господ⟩	320	419
⟨Конспект пьесы о сыне палача⟩	322	421
⟨Конспект драмы о папессе⟩ . .	324	—
⟨Граф и кровельщик⟩	327	421

* Второй столбец цифр означает страницы комментариев.

Редактор Ю. Г. Оксман
Художественн. редакция
М. П. Сокольников.
Лит.-технич. наблюдение
А. Н. Плавильщиков.
Технический редактор
Л. А. Фрянова.

* * *

Сдано в набор 4/VIII 1934.
Подп. в печать 25/II 1935.
Уполн. Главлита Б - 2402.
Тир. 20 300. Зак. т. 135133.
Ас 120. Инд. А-О. Авт. л. 1⁴/₄.
Печ. л. 13, ¹/₄ + 1 вкл.
Бум. 55 × 82-¹/₃₂. Тип. зн.
на 1 бум. л. 82 944.

* * *

Москва.
Гознак, Мытная, 17

Цена Р. 0.00

